

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

На правах рукописи

ТЕРЕНТЬЕВА Дарья Михайловна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ
СОДЕРЖАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА
ЯЗЫКОВЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ С КОГНИТИВНЫМ СТИЛЕМ
‘КОГНИТИВНАЯ ПРОСТОТА / СЛОЖНОСТЬ’**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Васильев Лев Геннадьевич

Калуга 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Концепции языковой личности и когнитивных стилей в лингвистике	11
1.1. Концепции языковой личности в современной лингвистике.....	11
1.1.1. Теоретические основы феномена ‘языковая личность’.....	11
1.1.2. Лингвоперсонологические исследования в современной лингвистике.....	21
1.1.3. Современные монографические подходы к проблеме исследования коллективной языковой личности.....	27
1.2. Стилиевые особенности личности.....	40
1.2.1. К определению понятия когнитивного стиля. Типология когнитивных стилей.....	40
1.2.2. Современные подходы к проблеме исследования когнитивных стилей.....	45
1.2.3. Когнитивный стиль ‘когнитивная простота / сложность’.....	57
1.2.4. Диагностика когнитивного стиля ‘когнитивная простота / сложность’.....	61
1.3. Трансформационные операции, совершаемые при передаче содержания иноязычного текста, и языковые черты.....	64
Выводы по Главе I.....	73
Глава II. Исследование особенностей передачи содержания иноязычного текста когнитивно сложными и когнитивно простыми языковыми личностями	76
2.1. Методика и описание эксперимента.....	76
2.2. Лингвистические особенности продуцирования текста и языковые черты когнитивно сложных и когнитивно простых личностей.....	83
2.2.1. Экспонентный уровень анализа дискурса.....	83
2.2.1.1. Языковая черта ‘активность’.....	84

2.2.1.2. Языковая черта ‘созерцательность’	101
2.2.1.3. Языковая черта ‘транспозиция’	105
2.2.2. Субстанциональный уровень анализа дискурса	108
2.2.2.1. Языковая черта ‘конкретность’	108
2.2.2.2. Языковая черта ‘абстрактность’	113
2.2.2.3. Языковая черта ‘аналитичность’	118
2.2.2.4. Языковая черта ‘синтетичность’	122
2.2.2.5. Языковая черта ‘ассоциативность’	125
2.2.2.6. Языковая черта ‘противоположность’	132
2.2.2.7. Языковая черта ‘рекомбинация’	135
2.2.3. Интенциональный уровень анализа дискурса	140
2.2.3.1. Языковая черта ‘прагматичность’	141
2.2.3.2. Языковая черта ‘юмористичность’	151
2.2.3.3. Языковая черта ‘буквальность’	158
2.3. Итоги эксперимента	164
Выводы по Главе II	167
Заключение	170
Список использованной научной литературы	175
Список использованных словарей и справочной литературы	195
Приложение 1 Список принятых сокращений	196
Приложение 2 Бланк Реп-теста	197
Приложение 3 Роли для заполнения бланка Реп-теста	198
Приложение 4 Текст для эксперимента	199
Приложение 5 Критические значения критерия χ^2	201
Приложение 6 Примеры текстов когнитивно сложных респондентов ...	203
Приложение 7 Примеры текстов когнитивно простых респондентов ...	209
Приложение 8 Сопоставление способов передачи смысла когнитивно сложными и когнитивно простыми респондентами по языковым чертам	215

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа выполнена в русле исследований, посвященных передаче содержания иноязычных текстов, в ориентации на когнитивно-стилевые и лингвоперсонологические особенности субъектов интерпретации. Изучаются особенности дискурсивной реализации черт языковой личности (далее – ЯЛ) в аспекте когнитивного стиля (далее – КС) ‘когнитивная простота / сложность’.

Анализ литературы по теории КС и ЯЛ позволяет сделать вывод о том, что влияние когнитивно-стилевых факторов на способы построения нарративного текста и интерпретационную деятельность личности не подвергалось детальному исследованию. К настоящему моменту существуют исследования аргументативного дискурса [Киселева 2006; Беседина 2011; Зайцева 2012; Степанова 2022] в зависимости от КС, а также различных психологических показателей, таких как: особенности восприятия и оценки себя и других людей, темперамента, социального интеллекта [Макаренко 2003; Федорова 2004; Семичева 2010; Молохина 2010; Юртаева 2011].

Особенности передачи содержания одного иноязычного нарративного текста на родном языке одновременно в зависимости от КС личности и как отражение ЯЛ прежде не изучались. В настоящем исследовании впервые предлагается вариант модели когнитивно сложной и когнитивно простой интерпретирующей ЯЛ.

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими факторами: 1) недостаточностью научных наработок в области концепции модельной ЯЛ и необходимостью разнопланового изучения типовой ЯЛ, в частности, с учетом её когнитивно-стилевых особенностей; 2) необходимостью уточнения специфики вербального поведения представителей КС ‘когнитивная простота / сложность’ и дополнения существующих психологических и лингвоаргументативных характеристик информацией об особенностях нарративных интерпретационных

манифестаций; 3) потребностью включения феномена интерпретирующей деятельности в сферу когнитивно-стилевых и лингвоперсонологических исследований и расширения концепции ЯЛ с учетом интерпретирующего вида деятельности.

Объектом исследования настоящей диссертации является вторичный дискурс носителей КС ‘когнитивная простота / сложность’, полученный результате передачи содержания исходного иноязычного художественного текста средствами родного языка.

Предметом исследования являются особенности языковых манифестаций и способы передачи содержания исходного текста представителями разных полюсов названного КС, а также языковые черты, составляющие когнитивно сложную и когнитивно простую ЯЛ; при этом собственно переводческие аспекты ЯЛ отдельно не изучаются, поскольку респонденты не являются профессиональными переводчиками.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что принадлежность к определенному полюсу КС определяет лингвоперсонологические особенности построения вторичного текста, что отражается в выборе интерпретаторами разных способов передачи содержания исходного (первичного) текста, в использовании разных трансформационных операций для трансляции смысла.

Цель работы состоит в установлении особенностей построения текста носителями полюсов исследуемого КС, а также в уточнении набора языковых черт, образующих структуру ЯЛ, с последующим составлением модели интерпретирующей когнитивно сложной и когнитивно простой ЯЛ.

Реализация этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1) провести эксперимент, на основе которого диагностировать принадлежность респондентов полюсам КС ‘когнитивная простота / сложность’;

2) выявить языковые особенности построения текста представителями исследуемого КС и показать отличия в выражении содержания исходного текста носителей каждого полюса;

3) определить языковые черты, присущие носителям разных полюсов исследуемого КС, а также уточнить модель ЯЛ и дополнить существующие психологические и лингвоаргументативные характеристики информацией об особенностях интерпретирующей деятельности;

4) составить модель когнитивно сложной и когнитивно простой ЯЛ.

Для решения поставленных в диссертации задач были использованы **методы:** интерпретативного, дефиниционного, количественного, описательного и сопоставительного анализа; применялась специальная диагностическая процедура: метод репертуарных решеток Дж. Келли; метод прагмалингвистического анализа; метод статистической проверки полученных данных: критерий χ^2 К. Пирсона; метод уровневого анализа ЯЛ; метод моделирования ЯЛ.

Материалом исследования послужили 200 текстов студентов КГУ им. К.Э. Циолковского, изучающих английский язык в качестве второй (непереводческой) специальности; эти тексты относятся к нарративному дискурсу и представляют собой результат создания собственного (вторичного) текста на родном языке после прочтения оригинального (первичного) текста на английском языке.

Научная новизна исследования заключается в выявлении особенностей интерпретирующей деятельности носителей противоположных полюсов КС 'когнитивная простота / сложность', что ранее не исследовалось; в уточнении и расширении набора языковых черт, предложенных в концепции ЯЛ С.А. Сухих, а именно, выделении дополнительных языковых черт, проявляющихся в интерпретирующем дискурсе: 'транспозиция', 'ассоциативность', 'противоположность', 'рекомбинация' и 'прагматичность'; в построении структурной модели когнитивно сложной и когнитивно простой ЯЛ.

Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшей разработке концепции ЯЛ, в расширении концепции С.А. Сухих за счет введения дополнительных языковых черт, в установлении речезыковых особенностей носителей исследуемого КС, что позволяет построить прикладную модель когнитивно сложной и когнитивно простой ЯЛ и предложить дополнения в когнитивную теорию личности. Объединение когнитивно-стилевого и лингвоперсонологического подходов формирует особую методологическую область, позволяющую получить новые результаты и внести новые данные в теорию языковой личности применительно к интерпретирующей деятельности.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов исследования в учебных курсах по общему языкознанию, психолингвистике, когнитивной лингвистике, теории и практике перевода, лингвоперсонологии, критике перевода, дискурсивному анализу и интерпретации текста, а также в методике обучения анализу текста. Полученные данные могут применяться в педагогической практике для разбиения студентов на группы и подгруппы в соответствии с их когнитивно-стилевыми характеристиками, поскольку представители каждого полюса исследуемого стиля отличаются особенностями восприятия, усвоения и интерпретации материала.

Теоретико-методологической базой исследования явились работы отечественных и зарубежных авторов в области:

1) общеметодологического базиса исследования – теории КС: [Франселла 1987; Шкуратова 1994; Макаренко 2003; Федорова 2004; Холодная 2004; Киселева 2006; Калашникова 2007; Молохина 2010; Семичева 2010; Семяшкин 2010; Беседина 2011; Юртаева 2011; Зайцева 2012; Скворцова 2012; Степанова 2022; Bieri 1955, 1962; Kelly 1955, 1969, 1970; Witkin 1967; Gardner 1959; Hjelle 1976; Adams-Webber 1979; Galifa 2000; Vasilyev 2014 и др.];

2) лингвистических оснований исследования – концепции ЯЛ и смежных вопросов: [Виноградов 1980; Богин 1984; Караулов 1987; Сентенберг 1994; Воробьев 1996; Нерознак 1996; Сухих 1998; Кочеткова 1999; Седов 1999; Лютикова 2000; Маслова 2001; Ширина 2002; Карасик 2002; Вепрева 2003; Варнавских 2004; Василюк 2004; Фомин 2004; Панова 2005; Голев 2004, 2006; Тхорик 2000, 2006; Мамаева 2007; Калашникова 2007; Тарасенко 2007; Котова 2008; Плавская 2009; Иванцова 2010; Мельник 2011; Силантьева 2012; Ашева 2013; Лутовинова 2013; Сиротинина 2013; Касимханова 2015; Ружицкий 2015; Загуменнов 2018; Шляховой 2021; Корниенко 2021 и др.];

3) рефлексивизации получаемых в исследовании интерпретационных результатов, представленных респондентами, – теории перевода и исследований переводческой деятельности: [Бархударов 1975; Швейцер 1988; Комиссаров 1990, 2002; Миньяр-Белоручев 1996; Бреус 2000; Латышев 2005; Гарбовский 2007; Рецкер 2007; Гильмуллина 2016 и др.].

В ходе исследования сформулированы и **выносятся на защиту** следующие положения:

1) особенности выбора средств передачи смысла при построении текста определяются рядом причин, из которых наиболее значимой является принадлежность к конкретному полюсу КС ‘когнитивная простота / сложность’;

2) способы продуцирования текста при передаче содержания исходного текста у носителей противоположных полюсов КС ‘когнитивная простота / сложность’ различаются: носителям полюса когнитивной сложности свойственно применение большего количества трансформационных операций по сравнению с носителями полюса когнитивной простоты;

3) набор разноуровневых языковых черт (характеристик) в отношении анализа диалогического дискурса может быть уточнен с учетом специфики интерпретирующей деятельности и дополнен следующими языковыми чертами: ‘транспозиция’ – на экспонентном уровне; ‘ассоциативность’,

‘противоположность’ и ‘рекомбинация’ – на субстанциональном уровне; ‘прагматичность’ – на интенциональном уровне;

4) языковые черты как манифестанты уровней ЯЛ по-разному представлены в интерпретирующей деятельности носителей противоположных полюсов КС ‘когнитивная простота / сложность’; эти черты определяются в числе прочего и конкретным языковым материалом, в связи с чем в диссертации предложены следующие языковые черты: ‘транспозиция’, ‘ассоциативность’, ‘противоположность’, ‘рекомбинация’, ‘прагматичность’. Эти черты дополняют общую систему языковых черт: для полюса ‘когнитивная сложность’ – ‘активность’, ‘конкретность’, ‘аналитичность’, ‘юмористичность’; для полюса ‘когнитивная простота’ – ‘созерцательность’, ‘абстрактность’, ‘синтетичность’, ‘буквальность’.

Апробация работы проводилась на Всероссийской научной конференции «Лингвистическая аргументология: проблемы и перспективы» (Калуга, 2022); XXIX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2022); Университетской студенческой научно-практической конференции «Пятое Калужские университетские чтения» (Калуга, 2023); XXXV Международной научно-практической конференции «Вопросы иноязычной филологии, переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия» (Чебоксары, 2023); IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Современные проблемы профессионального образования: тенденции и перспективы развития» (Калуга, 2023); II Всероссийской научно-практической конференции «Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции» (Уфа, 2023); II Международной научной конференции «Лингвистическая аргументология: проблемы и перспективы» (Калуга, 2024); Университетской студенческой научно-практической конференции «Шестые Калужские университетские чтения» (Калуга, 2024).

По теме диссертации опубликовано 9 статей, 3 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованных словарей и справочной литературы и приложений.

Во **Введении** дано обоснование актуальности, представлен объект и предмет исследования, обозначены цели, задачи, материал и методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **Главе I** проанализированы основные результаты, полученные исследователями в области когнитивно-стилевых исследований и теории ЯЛ.

В **Главе II** рассмотрены основные лингвистические характеристики представителей полюсов изучаемого КС при создании текста в результате передачи смысла исходного текста.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования и формируются основные выводы, намечаются перспективы дальнейших исследований.

ГЛАВА I.

КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Концепции языковой личности в современной лингвистике

1.1.1. Теоретические основы феномена ‘языковая личность’

Создаваемые автором речевые произведения воспроизводят особенности его личности: эмоции, отношение к миру, уровень психоэмоционального развития. Внутренний мир человека находит выражение в производимых им текстах, поэтому ни одно языковое исследование не может быть проведено без пристального внимания к человеку как к объекту исследования. В связи с этим в науке формируется новый антропоцентрический подход к исследованию языка, а в новой лингвистической парадигме на первый план выходит понятие ЯЛ, проявляющей себя в речевой деятельности, в совокупности потребляемых и производимых текстов.

Идеи индивидуального характера владения языком были впервые сформулированы в трудах В. фон Гумбольдта и И.Г. Гердера в XVIII-XIX вв. и впоследствии получили развитие в работах И.А. Бодуэна де Куртене, К. Фосслера, М.М. Бахтина и других ученых. Мысль И.А. Бодуэна де Куртене о том, что «реальной величиной является не «язык» в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления» [Бодуэн де Куртене 1963: 182] близка большинству современных ученых.

Впервые термин «ЯЛ» употребил Й.Л. Вайсгербер (1927): «никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной ЯЛ; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу» [Вайсгербер 2004: 81]. Благодаря В.В. Виноградову данное понятие вошло в отечественную лингвистику [Виноградов 1980]. В работе

«О художественной прозе» были представлены методики описания ЯЛ автора художественного произведения или созданного им персонажа на основе характеристики присущих им индивидуальных речевых структур. Таким образом, следует отметить, что начальные изыскания отечественных ученых относительно феномена ЯЛ были направлены на исследование именно литературно-художественных текстов: индивидуального авторского стиля и речевого поведения персонажа.

В 80-90 гг. XX века теория ЯЛ подверглась более комплексной разработке. В российской лингвистической науке это понятие связано с такими именами как Ю.Д. Апресян, Г.И. Богин, В.В. Воробьев, В.Г. Гак, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Н.Н. Розанова, О.Б. Сиротина, И.Я. Чернухина. Многочисленные трактовки привели к тому, что мнения исследователей относительно данного феномена разделились, в связи с чем сформировалось три подхода к изучению ЯЛ: лингвокультурологический, лингводидактический и лингвopsихологический.

Лингвокультурологический подход рассматривает ЯЛ в аспекте национально-языковой специфики, языковой этнографии. Данный подход опирается на «закрепленный в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка» [Воркачев 2001: 66], чьи этноспецифические языковые черты выражаются в текстах как знаках определенной культуры. В лингвокультурологическом подходе ЯЛ представляет собой этносемантический объект, сформированный на основе мировоззренческих установок, ценностей и поведенческих стереотипов, отраженных в языке. Лингвокультурология обращает особое внимание на взаимосвязь «язык-культура-этнос» и ставит перед исследователем задачу изучения материальной и духовной культуры, которая воплощается в живом национальном языке, проявляется в языковых процессах и в которой формируется ЯЛ. Таким образом, ЯЛ представляет собой собирательный образ, сформированный совокупностью разных носителей языка.

В.И. Карасик преобразует ЯЛ в личность дискурсивную, рассматривая человека как участника общения, который проявляет себя в разных типах коммуникативных ситуаций. Исследователь опирается на тот факт, что язык социален по своей природе, а ЯЛ в его представлении принимает социальные черты коллективной ЯЛ. Вслед за Л.В. Щербой, он подчеркивает, что «языковое сознание опредмечивается в речевой деятельности, т. е. в процессах говорения (письма) и понимания» [Карасик 2002: 7]. ЯЛ отражает языковое сознание, являя собой «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002: 19]. Исследователь характеризует ЯЛ с точки зрения языкового сознания и речевого поведения и выделяет пять аспектов в речевой организации человека: а) языковая способность; б) коммуникативная потребность; в) коммуникативная компетенция; г) языковое сознание; д) речевое поведение [Карасик 2002: 7]. Также исследователь выделяет три аспекта изучения ЯЛ в условиях общения (которую он называет «коммуникативной личностью»): а) ценностный план, содержащий закрепленные в языке нормы поведения, характерные для различных слоев этноса в определенный период; б) познавательный план, отражающий языковую картину мира, степень познания человеком мира через язык; в) поведенческий план, включающий прагмалингвистические параметры ЯЛ – мотивы, цели, намерения и способы их реализации [Карасик 2002: 19].

Лингводидактический подход при описании ЯЛ рассматривает человека как носителя языка с точки зрения его способности к речевой деятельности. ЯЛ понимается как «совокупность ипостасей, в которых индивид воплощается в языке» [Плавская 2009: 34]. Основоположником данного подхода является Г.И. Богин, который в 1980 году дал следующее определение ЯЛ в книге «Современная лингводидактика»: «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1980: 3]. Г.И.

Богин разработал параметрическую модель ЯЛ на основе трех аспектов языка:

- 1) содержательный аспект: фонетика, лексика, грамматика;
- 2) деятельностный аспект: говорение, слушание, чтение, письмо;
- 3) оценочный аспект: правильность, скорость, насыщенность, адекватность выбора и адекватность комплектации [Богин 1984].

ЯЛ по Г.И. Богину представляет собой комплексную структуру, которая выглядит следующим образом: ось А, соотнесенная с языком (фонетикой, лексикой и грамматикой); ось Б, соотнесенная с видами речевой деятельности (говорением, письмом, чтением, аудированием); ось В, связанная с уровнями владения языком.

Исследователь выделяет 5 уровней развитости [Богин 1984]:

1) уровень правильности, который предполагает овладение нормами языка: наличие достаточно большого словарного запаса, знание основных закономерностей языка и правил построения высказываний. Важнейшей готовностью этого уровня является готовность к номинации;

2) уровень интериоризации, или скорости речи предполагает глубинное осмысление полученных языковых знаний, гармоничное соотнесение внешнего и внутреннего планов речевого поступка, деятельностную позицию по отношению к языковому материалу. Важнейшей готовностью является готовность к внутренней речи;

3) уровень насыщенности, или богатства речи отражает использование в речи разнообразных средств языка, выражение своих мыслей разными способами. Важнейшая готовность – готовность к увеличению словарного запаса и овладению грамматическими формами;

4) уровень адекватного выбора характеризует соответствие языковых средств высказывания сфере общения. Важнейшая готовность – готовность к выбору адекватных средств выражения;

5) уровень адекватного синтеза учитывает соответствие порожденного высказывания коммуникативной ситуации. Важнейшая готовность –

готовность оперировать разными языковыми подсистемами и видами словесности (лирика, стихотворная речь, монолог).

Упрощенная структура ЯЛ в концепции Г.И. Богина имеет 60 компонентов (полученных при перемножении параметров осей А, Б и В, несущих 3, 4 и 5 множителей), усложненная – 3240. Каждый компонент модели Г.И. Богина характеризуется готовностью ЯЛ к совершению определенных операций, например, расширению словарного запаса, номинации, внутренней речи и др. Таким образом, в данной концепции ЯЛ рассматривается в коммуникативно-деятельностном аспекте.

Ю.Н. Караулов (1987) определяет ЯЛ как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [Караулов 1987: 245]. В его концепции ЯЛ представлена как многослойный, многоуровневый набор языковых компетенций, способностей создавать и воспринимать речевые произведения.

Ю.Н. Караулов предлагает семиотическую модель ЯЛ, имеющую трехуровневую организацию: вербально-семантический (структурно-семантический) уровень, лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационный уровни [Караулов 1987: 69].

Вербально-семантический уровень считается нулевым, хотя, по мнению Ю.Н. Караулова, именно он «составляет предпосылку становления и функционирования» [Караулов 1987: 36] ЯЛ. Этот уровень охватывает словарный запас, все разнообразие грамматико-парадигмальных, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, включает в себя навыки построения типовых грамматических конструкций. Формирование этого уровня ЯЛ достигается благодаря обучению по образцам.

Лингвокогнитивный (тезаурусный) – первый уровень, по определению Ю.Н. Караулова, считается уровнем, на котором «в игру вступают интеллектуальные силы» [там же], а значит, именно с него и начинается

проявляться ЯЛ. Когнитивная характеристика относится к интеллектуальной сфере, то есть познавательной деятельности ЯЛ, с которой связаны мыслительные процессы. На данном уровне в качестве единиц выступают понятия, концепты, идеи, которые, с одной стороны, выражаются словами нулевого уровня, а с другой – обладают дескрипторным статусом. Отношения между единицами выстраиваются в упорядоченную иерархическую систему – «систему социальных и культурологических ценностей, сформировавшуюся в конкретных условиях социального опыта и деятельности» [там же], отражающую картину мира ЯЛ, ее тезаурус. Эти отношения выражаются в индивидуальных оборотах речи, определяющих личность говорящего. На данном уровне проявляется индивидуальный выбор языковых средств, субъективный способ иерархизации понятий, тематическое создание текстов, построение выводов.

Высшим уровнем ЯЛ считается мотивационный, его единицы ориентированы на прагматику. Он предполагает выявление мотивов, целей, намерений, интересов, связанных с индивидуальной заинтересованностью в создаваемом тексте. Именно мотивированность, которую Ю.Н. Караулов называет «коммуникативно-деятельностной потребностью», является единицей прагматического аспекта ЯЛ. Она также обуславливает индивидуальные особенности ЯЛ, которые зависят не только от уровня знаний, но и эмоционального состояния, ситуативных факторов общения. На данном уровне осуществляется выбор языковых средств в зависимости от коммуникативных потребностей ЯЛ, определяемых ситуацией общения и условиями коммуникации.

Представление ученого о ЯЛ как о трехуровневой структуре не противоречит ряду лингводидактических идей и концепций, а помогает обобщить и систематизировать лингводидактические подходы. Отметим, что выделенные Г.И. Богиним и Ю.Н. Карауловым уровни частично пересекаются в своей интерпретации: уровни правильности, интериоризации и насыщенности (по Г.И. Богину) соотносятся с нулевым уровнем (по

Ю.Н. Караулову) – эти уровни отражают владение нормами и средствами языка; уровень адекватного выбора (по Г.И. Богину), отвечающий за используемые в сфере общения языковые средства, соответствует лингвокогнитивному, или тезаурусному (по Ю.Н. Караулову); уровень адекватного синтеза (по Г.И. Богину), учитывающего соответствие порожденного текста коммуникативным задачам, – мотивационному (по Ю.Н. Караулову).

Предложенные В.И. Карасиком аспекты коммуникативной личности (ценностный, познавательный, поведенческий) также соотносимы с трехуровневой моделью Ю.Н. Караулова с той разницей, что последняя предлагает иерархическую структуру: высший уровень – мотивационный, средний – лингвокогнитивный, низший – вербально-семантический. Модель Ю.Н. Караулова «является значительным шагом вперед по сравнению с системно-структурным языкознанием, для которого прагматика сводилась большей частью к списку стилистически значимых отклонений от системных стандартных отношений, наблюдаемых в некоторой степени на уровне семантики и в полном объеме на уровне синтактики» [Карасик 2002: 20].

Все последующие исследования ЯЛ основываются на изысканиях В.И. Карасика и Ю.Н. Караулова. Современные ученые развивают и дополняют предложенную ими теорию. Как отмечает И.Т. Вепрева, «современные концепции ЯЛ – это чаще всего видоизмененные трактовки составляющих “по Караулову”» [Вепрева 2003: 52].

Некоторые исследователи выделяют еще один уровень в структуре ЯЛ, который можно условно обозначить как рефлексивно-творческий. Он отражает владение речевыми жанрами и эмоционально-образными богатствами речи. На этом уровне особенности речевого поведения ЯЛ обусловлены такими личностными установками и ценностями коммуникантов, которые определяют их индивидуальность, делают их речевые произведения творчески наполненными и духовно богатыми.

К.Ф. Седов представляет четырехуровневую дискурсивную модель ЯЛ: а) грамматический уровень; б) прагмалингвистический уровень; в) психолингвистический уровень; г) социолингвистический уровень [Седов 1999: 11-14].

В.А. Маслова, в дополнение к трем уровням, предложенным Ю.Н. Карауловым, выделяет содержательный компонент ЯЛ, который состоит из следующих параметров: а) мировоззренческий; б) культурологический компонент; в) личностный компонент [Маслова 2001: 119].

Еще один подход к изучению ЯЛ – лингвopsихологический – на наш взгляд, заслуживает особого внимания, поскольку в настоящей диссертации именно лингвopsихологическая линия исследования ЯЛ применяется в изучении различий текстообразования представителей разных полюсов исследуемого КС и в разработке портрета ЯЛ носителей данных полюсов.

Лингвopsихологический подход определяет ЯЛ как «сложную многоуровневую функциональную систему, включающую три уровня: владение языком (языковая компетенция), владение способами осуществлять речевое взаимодействие (коммуникативная компетенция) и знание мира (тезаурус)» [Сухих 1998: 109]. В рамках данного подхода понятие ЯЛ было сформулировано в концепции С.А. Сухих (1998). Для каждого уровня дискурса исследователь выделяет языковые черты, характеризующиеся определенными маркерами в речевом поведении. Языковая черта – это «устойчивая и повторяющаяся особенность вербального поведения, реализуемого на трех уровнях дискурса: экспонентном (формальном), субстанциональном и интенциональном» [Сухих 1998: 109]. Выделение языковых черт позволяет построить типологию участников коммуникации и сделать вывод о присущности определенного способа речевого поведения.

Экспонентный уровень характеризует языковую компетенцию: он «охватывает все многообразие словообразовательных и синтаксических структур, связь между элементами предложений и самими предложениями, а

также грамматическую категорию залога, распространенность предложения, способы соотнесения субъекта и предиката в предложении» [Сухих 1998: 109-110].

На экспонентном уровне исследователь выделяет следующие языковые черты: а) 'активность' – выбор конструкций со значением динамичности, активности, предикативных единиц; б) 'созерцательность' – предпочтение статичных, пассивных конструкций, номинативных единиц; в) 'персуативность', т. е. убедительность – выбор средств, повышающих степень достоверности высказывания; г) 'голословность' – использование средств, выражающих высокую степень уверенности при неточном знании, и д) 'хэзитивность', т. е. сомневаемость – выбор средств, показывающих неуверенность, низкую осведомленность, использование маркеров вероятности.

Субстанциональный уровень отражает тезаурус ЯЛ и содержит «семантические параметры темы (способы развития темы, объемы референции семантических единиц, когерентность развития темы)» [Сухих 1998: 110].

На субстанциональном уровне проявляются следующие языковые черты а) 'конкретность' – предпочтение единиц с ограниченной сферой референции; б) 'абстрактность' – употребление единиц с широкой сферой референции; в) 'аналитичность' – склонность к детализации фактов и г) 'синтетичность' – склонность к обобщению.

Интенциональный уровень «включает в себя систему речевых действий, диалогическую модальность, коммуникативные схемы и стратегии; он отражает уровень коммуникативной компетенции субъекта языкового общения» [Сухих 1998: 110]. Именно на интенциональном уровне ЯЛ раскрывает свои черты наиболее ярко, поскольку на нем раскрывается ее способность передавать коммуникативные стратегии, или макроинтенции.

На интенциональном уровне проявляются следующие языковые черты: а) 'директивность' – использование жестких, категорических стратегий

коммуникации; б) ‘интегративность’ – выбор стратегий взаимодействия; в) ‘конфликтность’ – неприятие коммуниканта; г) ‘кооперативность’ – ориентация на сотрудничество, общие цели; д) ‘центрированность’ – выбор средств, подчеркивающих собственную значимость; е) ‘децентрированность’ – способность видеть иные точки зрения, встать на позицию другого человека; ж) ‘юмористичность’ – языковая креативность и з) ‘буквальность’ – ограниченность интерпретации [Сухих 1998: 114].

Уровни, выделенные С.А. Сухих, схожи с уровнями ЯЛ, предложенными Ю.Н. Карауловым. Сопоставление моделей ЯЛ С.А. Сухих и Ю.Н. Караулова представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сопоставление моделей ЯЛ Ю.Н. Караулова и С.А. Сухих

Общий признак содержания уровней	Уровни ЯЛ в модели Ю.Н. Караулова	Уровни ЯЛ в модели С.А. Сухих
Инструментарий (языковые средства)	Вербально-семантический	Экспонентный
Содержание (знание мира)	Лингвокогнитивный	Субстанциональный
Целеполагание (коммуникативные мотивы и цели)	Мотивационный	Интенциональный

В исследовании ЯЛ важное значение приобретают индивидуальные особенности ее интеллектуальной деятельности, которые могут быть выявлены и измерены с помощью теории КС. Выявление типических признаков групповой ЯЛ (когнитивно сложной и когнитивно простой) делает возможным построение типологии ЯЛ на основе различий в КС. Методы структурного моделирования, позволяющие конструировать модель групповой (усредненной) ЯЛ как типичного представителя социальной группы, применяются новым направлением современной филологической науки – лингвоперсонологией.

1.1.2. Лингвоперсонологические исследования в современной лингвистике

Термин ЯЛ используется в разных смежных с лингвистикой науках: лингвокультурологии, когнитивных науках, лингводидактике, антропологической лингвистике и др. Н.С. Трубецкой впервые выдвинул идею о выделении персонологии как отдельной науки о личности: по его словам, ряд наук исследует «общие законы существования личности и отношения личности к миру, формы эмпирического проявления личности вообще или конкретной данной личности, но координировать эти науки должна особая наука о личности – персонология» [Трубецкой 1995: 106-107]. Как отмечает Н.В. Мельник, идеи лингвоперсонологии прослеживаются также в работах И. А. Бодуэна де Куртене, А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, П.О. Афанасьева [Мельник 2011].

В.П. Нерознак (1996) впервые употребил термин «лингвистическая персонология», обозначающий область научного знания, исследующую ЯЛ [Нерознак 1996: 113], благодаря чему сформировалась новая дисциплина – лингвоперсонология, основным объектом которой является ЯЛ. Е.В. Иванцова первая среди лингвистов представила обобщающий анализ лингвоперсонологических методов. Новая дисциплина не только заимствует общенаучные и лингвистические методы, но и формирует специальные методы, к которым относятся: а) методы реконструкции, направленные на воссоздание имплицитных компонентов ЯЛ; б) речевое портретирование, предполагающее изучение доступных наблюдению фактов [Иванцова 2008]. Е.В. Иванцова обосновывает выделение лингвоперсонологии в новую, интегральную область научного знания, которая исследует ЯЛ, и нового объекта – человека, владеющего и пользующегося языком. Новая область научного знания стремительно развивается в лингвистических школах Барнаула, Томска, Красноярска. Наиболее выдающимися исследователями являются Н.Д. Голев, П.А. Катышев, С.В. Оленев, Л.Г. Ким, Н.В. Мельник.

Ученые Барнаульско-Кемеровской школы выделяют два аспекта лингвоперсонологии, соотносимые с двумя подходами изучения ЯЛ: персонология в лингвистическом измерении (персоноцентрический подход; предмет исследования – ЯЛ) и лингвистика в персонологическом измерении (лингвоцентрический подход; предмет исследования – язык, рассматриваемый посредством характеристик личности) [Голев 2006].

С 90-х годов XX века понятие ЯЛ «становится стержневым системообразующим филологическим понятием. Большинство исследователей <...> оно оценивается как интегративное, послужившее началом нового этапа в развитии языкознания – антрополоингвистики» [Кочеткова 1996]. Основная идея антропоцентрической парадигмы в языкознании базируется на понимании мировоззренческих и ценностных установок человека через познание его языка, то есть изучении феномена ЯЛ в различных коммуникативных ситуациях.

В рамках антрополоингвистического направления Н.Д. Голев вводит понятие «антропотекста», или «персонотекста» – речевого произведения, отражающего свойства ЯЛ: «антропотекст воспроизводит не только личность автора, но и того, кто воспринимает его речевую продукцию, то есть представляет собой результат сложного взаимодействия адресанта с адресатом» [Голев 2003]. Н.В. Мельник отмечает, что исследование ЯЛ в процессе коммуникативной деятельности и, таким образом, персонологическое измерение лингвистики, приводит к возникновению новой отрасли научного знания – лингвоперсонологии текста [Мельник 2011: 203].

Н.Д. Голев выдвигает лингвоперсонологическую гипотезу функционирования языка, согласно которой существуют коррелятивные отношения взаимодетерминации и изоморфизма между языковым коллективом и языком. Данная гипотеза предполагает лингвоперсонологическое варьирование: «функционирование языка в пространстве качественного разнообразия языковых способностей ЯЛ

(лингвоперсон) и вариативность результатов такого функционирования – персонотекстов, которые представляют тексты в аспекте проявления в них свойств персоны» [Голев 2004]. Вариативность антропотекстов обусловлена разнообразием языковых личностей и разным качеством их языковых способностей.

На основе типологии антропотекстов предлагается типология ЯЛ как носителей определенных вариантов языковой способности. Разнообразные уровни и планы, в которых текст раскрывается как антропотекст, позволяет выделять различные типы ЯЛ: от общемодусных характеристик текста до орфографических ошибок или типов почерка [Голев 2004]. Под типом ЯЛ понимается «совокупность индивидуально-типовых особенностей языковой репрезентации индивида, обусловленных типом его языковой способности» [там же]. Н.Д. Голев предлагает классифицировать типы ЯЛ в зависимости от способности к производству и анализу речевого произведения. Исследователь выделяет оппозиции типов личности: одни запоминают графический облик слова и опираются на языковую память, т. е. коррелируют с традиционным принципом орфографии, другие – ориентируются на лингвокреативный компонент языковой способности и каждый раз «производят» написание, т. е. обусловлены отражательным принципом; для одних правильно логически объясняемое, для других – то, что принято; одни опираются на обозначенную Ф. де Соссюром «склонность языка к конструированию лексических единиц», другие – «склонность языка к употреблению готовых лексических единиц» [Соссюр 1977: 165-166]; одни воспроизводят утверждения максимально приближенно к исходному тексту, другие – используют творческий подход, расширяя и свертывая текст. Выделяются следующие типы ЯЛ: «воспроизводящая» (или «мнемическая») и «выводящая», «креативная» и «копиальная», «содержательная» и «формальная», «порождающая» и «аналитическая», «ономасиологическая» и «семасиологическая» [Голев 2004: 41-46].

В настоящее время в науке присутствует тенденция исследования модельной (коллективной) ЯЛ [Карасик 2002: 11], под которой понимается «прототипный образ, границы которого весьма вариативны» [там же]: обобщенно-типичный образ личности, стереотипная проекция носителей определенного языка, личность, обладающая типическими для своей группы чертами и в то же время индивидуальностью. Ряд работ посвящен исследованию ЯЛ:

- индивидуальной (конкретной), например, Ф.М. Достоевского, М. Цветаевой, Петра Великого, Р. Киплинга, Катулла, определяющей особенности идиолекта отдельной личности: работы И.В. Ружицкого, Н.М. Шевченко, Н.И. Гайнуллиной, А.Г. Мануэльян, Т.Е. Пшениной;
- русской (в сравнении с ЯЛ других лингвокультур), определяющей характеристики национального менталитета: работы Л.А. Шестак, Ю.Е. Прохорова, В.А. Малышевой, И.С. Прокудиной, Л.М. Салимовой;
- коллективной (групповой), например, старшеклассника, школьника-подростка, телевизионного ведущего, адвоката, государственного служащего, гендерная, амбивалентная, национальная, виртуальная: работы Н.В. Варнавских, Г.Н. Беспамятновой, Т.П. Тарасенко, Н.С. Котовой, С.В. Мамаевой, А.Ф. Касимхановой, А.Г. Фомина, О.В. Лутовиновой, О.А. Леонтьевой, М.Н. Пановой, И.П. Василюка, И.С. Прокудиной, А.П. Седых, Д.А. Шляхового;
- элитарной, средне-литературной, литературно-разговорной, фамильярно-разговорной, влияющей языковое сознание носителей языка: работы Т.В. Кочетковой, А.А. Ворожбитовой, А.А. Ашевой, М.С. Силантьевой, И.А. Стернина;
- ЯЛ в динамике развития: работы О.Б. Сиротининой, Л.А. Шестак, С.В. Оленева;
- вторичной и билингвальной ЯЛ как объект рассмотрения в лингводидактике: работы С.Г. Тер-Минасовой, М.Б. Оспановой,

С.А. Сухих, А.М. Шахнарвича, Е.К. Черничкиной [Ружицкий 2015: 38-39].

Таким образом, в ряде современных исследований представление о ЯЛ связано не с отдельным носителем языка, а с некой научной абстракцией, моделируемой сущностью, отвлеченной от конкретного исполнителя. Так, Е.В. Ширина отмечает, что ЯЛ – «не паспортизация конкретного лица, а модель совокупной речевой деятельности группы лиц» [Ширина 2002: 276]; при этом конкретные характеристики отдельной личности исследователь обозначает понятием «языковой портрет». Истоки таких представлений о ЯЛ прослеживаются в работе Н.С. Трубецкого 1927 года «К проблеме русского самопознания», в которой философское понятие личности исследуется с двух сторон: «частночеловеческой» и «многочеловеческой» [Трубецкой 1927]. Существование двух форм изучаемого феномена признают многие современные исследователи. В.П. Нерознак устанавливает понятие «многочеловеческой (полилектной)» ЯЛ, которое соотносится с языком народа, и «частночеловеческой (идиолектной)» ЯЛ, обозначающей конкретного носителя языка [Нерознак 1996: 113]. И.И. Сентенберг выделяет совокупную и индивидуальную ЯЛ, при этом совокупная ЯЛ разнообразна в зависимости от территориальных, профессиональных, культурных особенностей, в связи с чем возможно изучение ЯЛ школьника, студента, рабочей молодежи, уходящего поколения [Сентенберг 1994: 15]. О.Н. Шевченко различает типовую и индивидуальную ЯЛ. Исследователь отмечает, что типовая ЯЛ характеризуется свойствами собирательности, безличности, абстрактности и эталонности, а индивидуальная – совпадает с типовой в базовых аспектах, но в каждом конкретном случае имеет свои отличительные особенности [Шевченко 2005: 7]. А.А. Ворожбитова использует термины «коллективная» или «совокупная» ЯЛ при описании этноса в целом и «групповая» ЯЛ применительно к социальным группам [Ворожбитова 2005: 139]. Таким образом, в науке сформировалось два подхода к определению ЯЛ: обозначение конкретного носителя языка

(Ю.Н. Караулов, В.В. Воробьев, Г.И. Богин) и представление типов ЯЛ (В.И. Карасик, В.П. Нерознак, О.Н. Шевченко).

Обозначим наметившиеся в последние годы тенденции теории ЯЛ, разрабатываемой современными учеными:

1) создание стереотипного, усредненного типа ЯЛ, называемого модельной (коллективной) ЯЛ, выстраиваемого на основе анализа группы носителей языка, объединенных сходными типами вербального поведения, например, старшеклассник, студент, переводчик и т. д. (Т.П. Тарасенко, Ю.С. Фомина, А.Б. Бушев, О.Н. Шевченко);

2) обращение к анализу ЯЛ конкретного носителя языка, в котором учитываются не только признаки, присущие коммуниканту как представителю определенной общности, но и его индивидуальные особенности. В рамках данного направления получило развитие исследование ЯЛ писателей: В.В. Набокова (Л.А. Каракуц-Бородина), А.С. Пушкина (Л.М. Салимова), Б. Акунина (Н.Н. Менькова), Р. Киплинга (А.Г. Мануэльян);

3) исследование языковых явлений предыдущих эпох на материале отдельных ЯЛ: древнерусской эпохи (Н.В. Писарь), Петровской эпохи (М.Б. Ясинская), советской эпохи (Т.В. Шкайдерова).

В настоящем исследовании предпринята попытка составления портрета модельной (коллективной) ЯЛ в зависимости от способов мышления. Для определения и измерения различий в особенностях мышления использована концепция КС. Описание вербальных особенностей построения текста произведено на основе лингвopsихологической концепции ЯЛ С.А. Сухих. Анализ текстов, полученных от двух экспериментальных групп, позволил выявить особенности вербального поведения и специфические языковые черты, характерные для когнитивно сложных и когнитивно простых испытуемых, что позволило построить портрет двух типов ЯЛ – когнитивно сложной и когнитивно простой.

1.1.3. Современные монографические подходы к проблеме исследования коллективной языковой личности

В настоящей работе, в силу направленности исследования, наиболее пристальное внимание уделяется такому подходу к изучению ЯЛ, при котором осуществляется выявление наиболее релевантных признаков коллективной (модельной) ЯЛ [Карасик 2002: 11] – «типичного представителя определенной этносоциальной группы» [там же], обладающего специфическими характеристиками вербального поведения и ценностной ориентации. Это может быть представитель определенного этноса (русская ЯЛ, бурятская ЯЛ), профессии (ЯЛ адвоката, ЯЛ телеведущего, ЯЛ блогера, или виртуальная ЯЛ), социальной группы (ЯЛ школьника, ЯЛ старшеклассника). Коллективная (модельная) ЯЛ – это некий прототип, стереотипный образ лиц, принадлежащих отдельной группе общества, который воплощает в себе основные характеристики и нормы вербального поведения и лингвокультуры данной группы, что делает ее представителей узнаваемыми участниками конкретного сообщества.

В работах М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Д.Н. Жаткина, Т.В. Кочетковой, Г.Г. Инфантовой, Е.П. Карташовой, Н.Д. Голева и др. исследуются конкретные ЯЛ, причем наиболее изученными являются ЯЛ писателей [Китайгородская 1995; Кочеткова 1996; Инфантова 2000; Карташова 2002; Жаткин 2005; Голев 2006].

Представление коллективной ЯЛ в современной лингвистике носит отчасти фрагментарный характер. Мы сделали попытку обобщить имеющиеся исследования коллективной (модельной) ЯЛ и приводим краткий обзор кандидатских и докторских диссертаций.

В докторской диссертации А.Г. Фомина [Фомин 2004] объектом исследования является гендерная ЯЛ. В работе представлены результаты сопоставительного анализа гендерных особенностей речевого поведения российских и американских студентов и разработана модель гендерной ЯЛ.

А.Г. Фомин вводит понятие лингвогендера как совокупности дискурсивных репрезентаций личности и выделяет особый тип дискурса – гендерный [Фомин 2004]. Под гендером понимается когнитивная категория, являющаяся компонентом речевой деятельности и проявляющаяся в иерархической системе вербальных стереотипов. В работе выделяется и сопоставляется три типа гендерной личности: маскулинный, феминный и андрогинный, которые признаются социокультурными понятиями, а не биологическими феноменами.

Материалом для исследования послужили данные, полученные в ходе проведения эксперимента со студентами из США и РФ. В результате эксперимента установлены основные гендерные конвенциональные стереотипы российских и американских студентов с учетом культурной принадлежности, выявлены характеристики языкового ситуативного поведения. Произведено сравнение речевого, ситуативного и ассоциативного поведения каждого респондента с точки зрения биологического пола и гендера; полученные данные прошли статистическую обработку. Разработана концепция гендерной ЯЛ, а модель ЯЛ дополнена еще одним уровнем – лингвогендерным, который находит отражение в речевом поведении личности.

Особое внимание А.Г. Фомин уделяет характеристике категории андрогинности, интегрирующей маскулинные и феминные черты. Данная категория представлена как функциональный феномен, результат приспособления личности к социальной среде и разрушения закрепленных в культуре гендерных стереотипов, который репрезентируется в вербальном поведении. Установлено, что вербальные гендерные стереотипы приобретаются индивидом в процессе социализации, задают стандарты жизни и оценочно-ориентированные ассоциации; гендерная схема организует и направляет восприятие личности и функционирует как упреждающая структура, определяющая характер восприятия; предполагается наличие гендерных когнитивных схем, организующих содержание поступающих

стимулов и являющихся стабильным компонентом речевой деятельности [Фомин 2004]. В работе представлены фрагменты модели ЯЛ российского студента, российской студентки, американского студента и американской студентки.

В диссертации Н.В. Варнавских [Варнавских 2004] исследуются типологические черты речевого поведения представителей социальной группы адвокатов, говорящих на русском и английском языках. В работе автор использует понятие речевого поведения как автоматизированного и стереотипного речевого проявления. Выявление автором типичных национальных, профессиональных и личностных качеств представителей социальной группы адвокатов на основе анализа их речевого поведения позволяет говорить о коллективной ЯЛ адвокатов.

Объектом исследования является речевое поведение адвокатов, предметом исследования – особенности актуализации нюансов смысла при построении защитительной речи. Автор проводит типологическое исследование английской и русской защитительной речи с позиции прагмалингвистики, выявляет сходства и различия в речевом поведении англо- и русскоговорящих адвокатов, определяемые их национальной принадлежностью и профессиональной спецификой.

В результате установлено:

а) речевое поведение адвокатов характеризуется эмотивно ориентированными и коннотативно направленными речевыми стратегиями скрытого воздействия на получателя текстового сообщения;

б) скрытое воздействие реализуется в виде тонких нюансов смысла, которые не осознаются представителями профессии адвоката в связи с массовыми повторениями в типичных ситуациях, а являются привычными и употребляются автоматически;

в) сравнение средних речевых величин позволяет выявить типологические (эталонные) речевые свойства представителей профессии адвокатов, а выявление показателей, отклоняющихся от этой величины –

национальные и индивидуальные отличия русскоговорящих и англоговорящих судебных защитников [Варнавских 2004].

Диссертация И.П. Василюка [Василюк 2004] посвящена лингвокультурологическому исследованию национальной (русской) ЯЛ. Автор обращается к национально-культурному аспекту языкового содержания и выявляет особенности культуры, мировоззрения и менталитета носителей русского языка, которые находят отражение во фразеологизмах. Предметом исследования являются фразеологические единицы, поскольку именно они, по мнению автора, являются наиболее культуроемкой частью языка. Объектом исследования является русская национальная ЯЛ.

В результате установлено:

а) методика преподавания русского языка в качестве иностранного не может осуществляться без усвоения особенностей национального мышления и культуры изучаемого языка, т. е. изучения национальной языковой ментальности;

б) с помощью лингвокультурологического подхода становится возможным объяснить не только языковые ситуации сегодняшнего дня, но и общие изменения в лингвокультуре этноса;

в) лингвокультурологический анализ русской фразеологии позволяет выявить особенности национально-культурной специфики языка;

г) лингвокультурологическое исследование фразеологических единиц обеспечивает непосредственную связь современного видения мира с традициями национальной культуры [Василюк 2004].

Докторская диссертация М.Н. Пановой [Панова 2005] посвящена ЯЛ государственного служащего России на рубеже XX-XXI веков. Автор исследует, как демократические изменения в обществе и отмена цензуры повлияли на профессионально-языковую картину мира и речевое поведение политиков и чиновников. ЯЛ государственного служащего рассматривается с позиций социолингвистики, лингвокультурологии, теории дискурса, культуры речи, функциональной стилистики. Объектом исследования

является профессиональный русский язык в сфере государственного управления, предметом исследования – речевое поведение работников сферы государственного управления и ЯЛ как обобщенный образ представителей данной профессии.

В результате установлено:

а) определяющими показателями реализации ЯЛ государственного служащего являются экстралингвистические факторы: характер госслужбы, управленческой деятельности, социально-профессиональной среды;

б) на вербально-грамматическом уровне устная речь характеризуется ограничением профессионального лексикона и разнообразием выбора языковых средств в отличие от строго регламентированной письменной речи;

в) профессиональная речь государственного служащего представляет собой отдельную форму языка и образует отдельный административно-политический социолект, характеризующийся тематическими, функционально-стилистическими и грамматическими чертами;

г) в профессиональной языковой картине мира государственного служащего доминирует представление о вертикальном устройстве мира, иерархичности;

д) на лингвопрагматическом уровне важную роль играет интонация как признак служебной субординации;

е) административный дискурс характеризуется интенциональностью, идеологической обусловленностью и иерархическим типом служебного общения и проявляется в выборе определенных языковых средств, речевых стратегий и тактик;

ж) представленный в работе вариант ЯЛ государственного служащего рассматривается как модель (коллективная ЯЛ) профессионала-работника аппарата государственного управления [Панова 2005].

В диссертации Е.С. Шойсороновой [Шойсоронова 2006] исследуется бурятская этническая ЯЛ как феномен взаимодействия языка и культуры. Автор рассматривает этнический компонент в структуре ЯЛ, выявляет

факторы формирования этнической (бурятской) ЯЛ, выстраивает типологию бурятской ЯЛ, а также проводит лингвокультурологический анализ концепта «небо» как значимого элемента языковой картины мира бурятской ЯЛ. Автор рассматривает понятие ЯЛ с точки зрения когнитивно-антропологического направления лингвистики в его взаимосвязи с триадой «этническое – этничность – этническая идентичность».

В результате установлено:

а) развитие бурятского этноса в условиях двуязычия позволяет фиксировать наличие первичной и вторичной ЯЛ;

б) первичная и вторичная ЯЛ могут быть как русской, так и бурятской, в зависимости от условий, в которых развивалась ЯЛ, при этом первичная и вторичная ЯЛ не являются равнозначными;

в) особенности исторического развития бурятского этноса позволяют выделить несколько типов этнической (бурятской) ЯЛ:

1) первичная (русская) ЯЛ + вторичная (бурятская) ЯЛ (урбанизированный тип), в котором русская ЯЛ является доминирующей;

2) русская ЯЛ + бурятская этническая идентичность (урбанизированный тип), в котором личность не владеет бурятским языком, в связи с чем ее ЯЛ русская, однако осознает себя представителем бурятского этноса;

3) первичная (бурятская) ЯЛ + вторичная (русская) ЯЛ (сельский тип), в котором доминирующей является бурятская ЯЛ [Шойсоронава 2006].

Данный подход обозначает основные направления и методологические ориентиры для исследования этнических характеристик через призму ЯЛ, что может применяться в других исследованиях подобного рода.

В диссертации С.В. Мамаевой [Мамаева 2007] исследуется формирующаяся коллективная ЯЛ школьников 5-7 классов. Автор устанавливает специфику лексикона и иных составляющих структур ЯЛ подростков возрастного периода 10-13 лет, поскольку именно в этом возрасте детская ЯЛ открыта для влияния различных форм речи, литературных и

нелитературных, а также содержит большое количество подростковых слов, что позволяет проследить эволюционные моменты формирования ЯЛ и коммуникативной компетенции школьников. Предметом исследования являются особенности речи и речевого поведения коллективной ЯЛ школьников 5-7 классов. Материалом для исследования послужили диктофонные и ручные записи спонтанной устной речи школьников-подростков, полученные в результате устных интервью, записи неподготовленной устной речи во внеурочное время и заполненные анкеты. В эксперименте приняли участие 150 учащихся средних школ.

В результате выявлены групповые особенности речевого поведения коллективной ЯЛ школьников-подростков на всех системно-языковых уровнях:

а) фонетическом (ослабленная артикуляция и нечеткая дикция, сопровождающиеся редукцией гласных и усечением слогов с полной утратой согласных звуков; стяжение гласных звуков и более долгая артикуляция гласных в сильной позиции);

б) словообразовательном (использование усечения как способа словопроизводства; ненормированное словообразование, свойственное экспрессивной и фамильярной речи);

в) лексическом (широкая, свободная сочетаемость слов; школьный сленг);

г) морфологическом (предпочтение именительного падежа при употреблении имен существительных; употребление форм единственного и множественного числа существительных в одном высказывании; высокая частотность глаголов несовершенного вида и местоимений; отсутствие причастий и деепричастий);

д) синтаксическом (преобладание односоставных предложений; использование простых предложений с однородными членами или обращением) [Мамаева 2007].

Данный подход отличается глубиной исследования коллективной ЯЛ и четкой структурой анализа.

В диссертации Т.П. Тарасенко [Тарасенко 2007] исследуется ЯЛ старшеклассника в возрасте 15-17 лет. Исследование проводится в трех аспектах: лингвокультурологическом (степень сформированности основных лингвокультурных концептов), социолингвистическом (ценностные ориентации, определяющие социальное и речевое поведение) и прагмалингвистическом (особенности речевой специфики). Объектом исследования являются речевые реализации региональной ЯЛ старшеклассника города Краснодар. Материалом для исследования послужили записи устной речи старшеклассников и данные ассоциативного эксперимента. В результате установлено:

а) коллективная ЯЛ школьника старших классов характеризуется, с одной стороны, наличием базовых вневременных национально-культурных ценностей, а с другой – стремлением к разрушению этих ценностей, что выражается в жаргонизации речи;

б) специфические черты ЯЛ могут быть выявлены с помощью методики интегративного анализа, отражающего особенности речевого поведения и социолект, и ассоциативный эксперимент, определяющий реакции респондентов на слова-стимулы, означающие базовые концепты: «Родина», «достоинство», «совесть», «милосердие» и др.;

в) основными жизненными ценностями старшеклассников являются традиционные (дружба, любовь), историко-культурные (долг, честь, Родина) и эгоистичные (деньги, богатство);

г) дифференцирующие черты ЯЛ старшеклассника наиболее ярко проявляются в неформальном общении благодаря употреблению школьного жаргона, в котором отражаются основные моральные и нравственные установки коллектива, уровень его культуры [Тарасенко 2007].

В докторской диссертации Н.С. Котовой [Котова 2008] исследуется амбивалентная ЯЛ, которая определяется как существующий в языковом

пространстве тип ЯЛ, отличающийся совмещением взаимоисключающих характеристик и его представленностью языковыми средствами. Объектом исследования являются лексические, грамматические и прагматические единицы, характеризующие амбивалентную ЯЛ. Они называются маркерами амбивалентности и конкретизируются автором как маркеры-ориентиры, маркеры-амбисемии, маркеры-смены лексических регистров [Котова 2008]. Личностная амбивалентность проявляется в разноплановых языковых средствах, в интеграции нескольких плоскостей дифференциации. Амбивалентная ЯЛ представлена тремя проявлениями: собственной речевой деятельностью, заимствованной речевой деятельностью от другой ЯЛ и их взаимодействием.

Предметом исследования являются те свойства единиц и связей, которые сигнализируют об амбивалентности ЯЛ, а именно: «семантическое расстояние» между отдельными компонентами значения, контактность-дистантность обладателей разных характеристик, взаимосвязь между лексическими, грамматическими и прагматическими характеристиками. В качестве эмпирического материала послужили классические и современные художественные, публицистические, научные и официально-деловые тексты, из которых методом пропорционально-сплошной выборки извлечено в общей сложности 2600 контекстов и впоследствии отобрано 260 контекстов, прошедших лексикографическую обработку.

В результате установлено: а) амбивалентная ЯЛ выделяется в типологии ЯЛ как особый феномен, соотносимый с описанными ранее типами; б) характеризуется свойством взаимодействия противоположностей, что определяет систему языковых средств, представленных в дискурсах; в) характеризуется целостным образом, интегрирующим контрастные грани личности; г) обладает специфической корреляцией между лексической семантикой, грамматикой и прагматикой, передающей взаимодействие контрастов (лексическая энантиосемия, отдельные виды категориальных сопоставительных отношений, амбисемия) [Котова 2008].

В диссертации А.Ф. Касимхановой [Касимханова 2015] исследуется ЯЛ регионального телеведущего, при этом автор отмечает, что выявленные особенности речевого поведения конкретной ЯЛ (регионального телеведущего С. Хамидуллина) служат примером для разработки теоретической модели коллективной ЯЛ телекоммуникатора. Предмет исследования – телевизионный дискурс, объект исследования – ЯЛ телеведущего. Автор проводит анализ ЯЛ в лингвокультурологическом и коммуникативно-прагматическом аспекте, выявляет характерные средства и формы изложения языкового материала, определяет особенности телевизионной речи одного телеведущего и на основе полученных данных устанавливает параметры эффективной ЯЛ телеведущего. Материалом для исследования послужили около 70 выпусков информационно-познавательной телепередачи.

Анализ ЯЛ проводится по концепции Ю.Н. Караулова. В работе автор выявляет и анализирует как индивидуальные характеристики, присущие конкретной ЯЛ, так и типологические характеристики, свойственные модельной ЯЛ телеведущего. В результате установлено:

а) на вербально-семантическом уровне для речи регионального телеведущего характерно употребление антропонимов, сопровождающееся апелляцией к авторитетам; опора на законы, аксиомы, пословицы, крылатые выражения; применение экзотизмов для передачи местного колорита; использование риторических вопросов и вопросно-ответного способа построения текста; отступление от нормативного порядка слов в предложении, что усиливает выразительность; использование неполных предложений, конструкций с присоединением, повторов и вводных конструкций; преобладание книжного стиля речи;

б) на тезаурусном уровне характерно преобладание концептов, связанных с традиционными ценностями: независимость, историческая память, духовность, героизм;

в) на прагматическом уровне отмечается эффективное воздействие на телезрителя, соблюдение функциональных потребностей телезрителя, формирование установок к действию [Касимханова 2015].

Сильной стороной данной работы является глубокий анализ вербально-семантического уровня ЯЛ, однако тезаурусный и прагматический уровни изучены слабо, что является существенным недостатком. Также подвергается сомнению утверждение автора о том, что разработка теоретической модели ЯЛ телеведущего возможна на основе анализа речевого поведения лишь одного респондента, т. к. модель коллективной ЯЛ предполагает обследование некоторого количества информантов с последующим выявлением типичных, стереотипных характеристик.

Диссертация А.В. Загуменнова [Загуменнов 2018] посвящена диахроническому исследованию русской ЯЛ первой половины XVII века. Автор исследует ЯЛ периода господства компаративистской парадигмы в науке до появления первых теоретических работ, посвященных ЯЛ, и проводит лингвоперсонологическое моделирование ЯЛ. В работе представлена реконструкция модельной русской ЯЛ отдельно взятого периода жизни этноса (конец XVI – середина XVII вв.) на материале созданных в этот промежуток времени текстов.

Материалом для исследования послужили различные издания XVI-XVII вв.: Острожская Библия, Рукописный сборник пословиц, Русский биографический словарь. Предметом исследования являются выраженные с помощью языковых средств компоненты смысловой системы авторов XVII века в аспектах трансляции, коммуникации и интерпретации, объектом исследования – русская ЯЛ XVII века.

В результате установлено:

а) компонентно-смысловые категории русской ЯЛ являются потенциальными единицами этнической картины мира, выраженные ресурсами лексико-грамматической и стилистической систем языка;

б) дифференциация и моделирование русских ЯЛ XVII века должна осуществляться с помощью комплексного методологического подхода, включающего в себя анализ сложных слов, пояснительных и вводных конструкций, образно-символических составляющих;

в) тексты, сообщающие сведения о русской ЯЛ XVII века, содержат не только системно-языковые компоненты, но и компоненты вторичной интерпретации со стороны комментатора;

г) формирование лингвоперсонологии осуществляется по трем линиям развития: тип личности / тип сознания; организация понимания / организация говорения; герменевтика / филология [Загуменнов 2018].

В диссертации Д.А. Шляхового [Шляховой 2021] рассматривается виртуальная ЯЛ – личность в коммуникативном пространстве Интернета. Автор исследует особенности речевого поведения блогеров, являющихся активными участниками коммуникации в сети Интернет. Объектом исследования является виртуальная ЯЛ военного блогера в ее речевой реализации. Материалом исследования послужили тексты военнослужащих, принимающих участие в блог-коммуникации: 496 постингов из 54 блогов (индивидуальные блоги-дневники и тематические блоги: военная политика, военная история, блог солдатских жен и т. д.), а также 1430 постингов микроблогов, размещенных в социальных сетях. С помощью методов дискурсивного и фреймного анализа автор выявляет основные коммуникативные стратегии и тактики военных блогеров; с помощью методов семантического, морфологического, синтаксического, стилистического и контекстуального анализа – определяет критерии самоидентификации и самопрезентации ЯЛ в Интернете, создает глоссарий единиц речевого общения военного блогера; с помощью метода лингвистического моделирования речевого портрета – создает модель ЯЛ немецкого военного блогера, исследует влияние виртуального коммуникативного пространства на язык участников коммуникации.

Для изучения проблемы идентификации ЯЛ автор вводит понятие виртуальной социальной группы – виртуального сообщества дистантных субъектов, стремящихся к интеграции, пользующихся общим языковым кодом и социально-групповыми метками (хештегами) для идентификации в сети Интернет [Шляховой 2021].

В результате установлено:

а) виртуальная ЯЛ – принципиально новое понятие в науке. Языковая реальность Интернета, характеризующаяся виртуальностью среды и дистантностью коммуникантов, переформатирует и ускоряет дискурсогенные процессы, что, с одной стороны, приводит к появлению новых форм коммуникации: блоги и микроблоги, а с другой – расширяет лексическую, грамматическую и стилистическую вариативность языка: эмодзи, аббревиация, акронимы, сленг, портманто;

б) блог – особый вид дискурса, отличающийся от общеязыкового дискурса, в котором осуществляется интерференция устной и письменной форм общения, присутствует возможность выразить эмоциональное отношение к ситуации с помощью графико-пунктуационных форм, аудиовизуальных средств, графонов, эмодзи;

в) важной чертой блога как социокультурной среды является замкнутость, благодаря которой исчезает привычная статусная иерархия по возрасту, профессии и т. д. Данная особенность способствует частичному обособлению речи блогосферы от общепринятой языковой нормы, которое состоит в смешении форм индивидуального, разговорного и публичного общения, и формированию новых языковых норм, которые запечатлеваются в речи коллективной ЯЛ;

г) виртуальная ЯЛ формирует свое коммуникативное поведение в рамках виртуального сообщества, используя определенные стратегии и тактики, которые характеризуются темпоральностью и экспрессивностью и являются средством самопрезентации и принадлежности к группе;

д) виртуальная ЯЛ сохраняет общепринятые черты ЯЛ, при этом использует специальные знаки и индексы, необходимые для социализации в Интернете [Шляховой 2021].

Таким образом, рассмотрены основные типы коллективной (модельной) ЯЛ, представленные в науке на сегодняшний день.

Основные параметры ЯЛ – особенности интерпретации и передачи содержания исходного текста, способы продуцирования собственного (вторичного) текста – обусловлены привычными личности способами восприятия информации, воспроизведения и выражения смыслов, т.е. ее КС.

1.2. Стиливые особенности личности

1.2.1. К определению понятия когнитивного стиля. Типология когнитивных стилей

В психологии под КС понимаются «относительно устойчивые индивидуально-своеобразные способы познавательной деятельности на основе индивидуальных различий интеллектуального поведения: восприятия, анализа, обработки, воспроизведения, структурирования и оценивания информации» [Холодная 2004: 16]. Исследования данного феномена обусловлены тем, что понятийный аппарат, служащий целям общей психологии, не может автоматически применяться для изучения специфики психической деятельности отдельной личности и описания закономерностей поведения конкретных индивидуумов. В связи с этим в систему психологических терминов было введено понятие КС как характеристики уникальной и неповторимой формы понимания реальности каждого человека.

Понятие КС, с одной стороны, определяет индивидуальные различия в способах обработки информации, с другой – обозначает типы людей по характеру когнитивной деятельности.

Первые исследования стилевых особенностей личности принадлежат западным психологам. А. Адлер (1927) впервые употребил в своих работах термин «жизненный стиль» для обозначения индивидуальной стратегии поведения личности [Холодная 2004: 18]. Г. Олпорт [Allport 1936] также применял понятие «стиля» для описания индивидуальных различий в поведении людей. В отдельных работах встречаются определения близких феноменов: «ригидность» в работах Р. Кеттелла [Cattell 1950], «ригидность контроля» в работах Дж. Струпа [Stroop 1935].

Следующий этап исследования стилевого подхода приходится на 50-60 гг. XX века, когда впервые были описаны механизмы индивидуальных различий в восприятии личностью своего окружения и структурирования информации. Дж. Кляйн (Klein) сформулировал в 1951 г. идею о существовании различий в способах мышления и восприятия, а Р. Гарднер (Gardner) предложил термин «КС» [Gardner 1959]. Начало нового этапа стилевых исследований связано с работами Г. Уиткина (Witkin), который дополнил гештальтистские представления о поле и полевом поведении идеей индивидуальных различий [Witkin 1949]. Наибольшее внимание уделяется таким параметрам как зависимость-независимость от поля, импульсивность-рефлексивность, аналитичность-синтетичность, узость-широта категоризации, когнитивная сложность-простота.

Третий этап концепции КС, начало которого приходится на 80-е годы XX века, имеет тенденцию к гиперобобщению и расширению понятия «стиль». Р.Дж. Стернберг (1996) выдвигает обобщенное понятие «стиль мышления» [Григоренко 1996], Д. Колб (1984) – «стиль учения» [Kolb 1984], Дж. Ройс (1974) – «эпистемологический стиль» [Rouse 1974], а также появляется понятие метастилей, объединяющих несколько конкретных КС.

В отечественную психологию термин «КС» перешел из англоязычной литературы благодаря калькированию (*cognitive style*), хотя слово *cognitive* в русском языке имеет точное соответствие познавательный. Следует отметить, что термины «когнитивный» и «познавательный» не являются

синонимами. «Познавательный» означает «имеющий отношение к процессу отражения действительности» [Холодная 2004: 20], а «когнитивный» – «имеющий отношение к психическим механизмам переработки информации» [там же]. Поскольку в психологии для обозначения индивидуальных различий в способах обработки информации об окружающем мире субъекта используется термин «КС», в дальнейшем мы также будем его применять для описания выполненных исследований.

Представителями отечественной психологии, положивших начало исследованиям КС на базе методологической платформы зарубежных теорий, являются следующие деятели: И.Н. Козлова, В.А. Колга, Е.Т. Соколова, А.В. Соловьев, М.С. Егорова, Е.П. Ильин, С.П. Безносков, А.П. Байменов, В.А. Толочек, Б.А. Вяткин, Г.Д. Дипольская, М.Р. Щукин, В.С. Мерлин, Е. А. Климов [Беседина 2011]. Кроме теоретических изысканий понятия КС, в отечественной психологии рассматривается прикладное значение феномена КС во взаимосвязи с другими психическими свойствами такими исследователями как М.А. Холодная, И.П. Шкуратова, О.Г. Берестнева, М.В. Смирнов, И.С. Кострикина, Т.В. Корнилова, С.В. Квасовец, В.Н. Дружинин, Е.Г. Удачина, Н.А. Шупта [Беседина 2011].

Рабочим определением КС в настоящем исследовании является следующее: (а) индивидуально-своеобразные устойчивые способы восприятия и обработки информации; (б) биполярное измерение, в рамках которого присутствуют две крайние формы интеллектуального поведения; (в) предпочтение определенного способа интеллектуального поведения и анализа происходящего [Холодная 2004: 40].

На сегодняшний день известны следующие КС, составляющие фундамент феноменологии когнитивно-стилевого подхода [Холодная 2004]:

‘полезависимость / полenezависимость’ отражает степень выделения «Я» из социального окружения: затрудненное преодоление контекста и предпочтение ситуаций общения или успешное преодоление контекста и предпочтение автономных действий;

‘узкий / широкий диапазон эквивалентности’ (известный также как ‘аналитичность / синтетичность’) описывает различия в дифференциации объектов: более детализированная категоризация объектов (выделение большого количества групп с малым объемом) или менее детализированная категоризация объектов (формирование небольшого количества групп с большим объемом);

‘узость / широта категории’ определяет степень дифференциации объектов внутри одной категории: большое количество разных вариантов значения одной категории (например, варианты категорий «большие» и «маленькие») или небольшое количество таких значений;

‘ригидный / гибкий познавательный контроль’ отражает готовность индивида к смене способа переработки информации;

‘толерантность / нетолерантность к нереалистичному опыту’ показывает отношение к ситуации неопределенности: принятие или непринятие опыта, противоречащего имеющимся представлениям;

‘фокусирующий / сканирующий контроль’ описывает индивидуальные особенности концентрации внимания: фиксация внимания на наиболее выраженных характеристиках или распределение внимания на множество аспектов;

‘сглаживание / заострение’ указывает на особенности хранения материала в памяти: упрощенное запоминание с потерей деталей или более детализированное запоминание;

‘импульсивность / рефлексивность’ отражает различия в скорости принятия решений: быстрый или замедленный темп реагирования;

‘конкретная / абстрактная концептуализация’ определяет процессы дифференциации и интеграции понятий: незначительная дифференциация и интеграция, сопровождающаяся стереотипностью, ситуативностью, непринятием неопределенности и высокая степень дифференциации и интеграции, сопровождающаяся независимостью, креативностью и готовностью к риску;

‘когнитивная простота / когнитивная сложность’ – в силу направленности данного исследования этому стилю будет уделено особое внимание в отдельном параграфе 1.2.3.

Дальнейшее изучение КС происходило не в сторону углубления за счет анализа механизмов поведения, а в сторону расширения феноменологии когнитивно-стилевого подхода на основе выявления и описания новых форм КС, к которым относятся следующие [Холодная 2004]:

‘физиогномичность / буквальность’ определяет особенности восприятия: эмоционально-экспрессивное или содержательное;

‘вербализация / визуализация’ различает вербальные или образные стратегии переработки информации;

‘внешний / внутренний локус контроля’ отражает особенности объяснения причин происходящего: опора на внешние или внутренние факторы;

‘холистичность / сериалистичность’ характеризует особенности изучения нового материала: предпочтение общих теорий с большим количеством данных или последовательное изучение, ориентированное на отдельные задачи;

‘конвергентность / дивергентность’ различает способы мышления: аналитический, логический или синтетический, ассоциативный;

‘адаптивность / инновативность’ характеризует выбор способов решения задач: предпочтение уже существующих или новых способов;

‘быстрое / медленное течение психического времени’ показывает субъективную оценку хода времени, выражающуюся в мотивации достижения или мотивации избегания;

‘дискурсивность / интуитивность’ описывает разные способы интерпретации ситуации: опора на рассуждения или спонтанные чувства.

Таким образом, в разделе рассмотрены основные традиционные и современные КС. Расширенный список дает возможность отметить, что

современные исследователи стали относить к КС индивидуальные различия не только в интеллектуальной, но и в психической деятельности.

1.2.2. Современные подходы к проблеме исследования когнитивных стилей

В данном параграфе представлены основные результаты современных отечественных исследований проблемы КС. На сегодняшний день в науке сформировалось два подхода: 1) психологический, исследующий зависимость психологических параметров от КС, и 2) лингвистический, исследующий особенности аргументативного дискурса в зависимости от КС личности.

Рассмотрим основные психологические исследования проблемы КС.

В диссертации О.В. Макаренко [Макаренко 2003] рассматриваются психологические особенности КС 'ригидность / гибкость' с точки зрения влияния на стратегии решения творческих задач естественнонаучного цикла учащимися средней школы и возможностей формирования гибкости как свойства характера. В работе поставлена задача разработки программы творческих задач, цель которых – изменение КС подростков в сторону полюса гибкости. Автор противопоставляет две стратегии решения задач: (а) следование жесткому алгоритму, что способствует формированию знаний, умений и навыков, но вызывает трудности в реорганизации сложного материала и (б) творческие задачи, способствующие поиску многовариантных решений, способности менять способы анализа материала, формированию продуктивного мышления. Стратегии группы (а) сопряжены со стилевой ригидностью, а (б) – гибкостью. Причины развития ригидного стиля мышления автор видит в обучении решению задач с единственно верным решением и недостатке творческих поисков решений, в связи с чем у обучающихся формируется отношение неприятия к задачам с многовариантным исходом

[Макаренко 2003]. Методы исследования: тесты, направленные на выявление степени ригидности, переключаемости, показателей уровня интеллекта и творческого мышления, наблюдение, опрос, беседа. Решение проблемы развития флексибельности автор связывает с изменением личностного признака школьника «разрешать» или «не разрешать» себе решать такие задачи. Данный подход является перспективным с точки зрения применения в образовательном процессе.

Е.В. Федорова [Федорова 2004] исследует влияние КС ‘когнитивная простота / сложность’ на особенности идентичности личности с использованием метода «расщепления» полюсов стиля, предполагающему подход как феномену КС как квадриполярному измерению. Автор устанавливает, что связь между идентичностью и когнитивной сложностью обусловлена такими социально-психологическими характеристиками как возрастные особенности, гендерные различия, социальная ситуация, и эти факторы способны оказывать воздействие на изменение КС. Параметр ‘когнитивная сложность / простота’ определяет особенности личностной организации индивида: Я-концепции и социального поведения. Когнитивно сложные лица в представлениях о себе предпочитают использовать персонологические высказывания, отражающие личностный полюс идентичности; когнитивно простые – предпочитают высказывания, сопряженные с социальными ролями, отражающие социальный полюс идентичности [Федорова 2004]. Методы исследования: контент-анализ, идеографический анализ, опрос, корреляционный анализ. Применение метода «расщепления» связано с определением параметра «предметная эффективность», с помощью которого производилось разделение полюсов на подгруппы. Высокая или низкая предметная эффективность отражает сформированность или несформированность произвольного интеллектуального контроля, что выражается в структуре идентичности личности: интеграция социального и личностного компонентов или преобладание личностного компонента при отсутствии интеграции с

социальным [Федорова 2004]. Следует отметить, что данный подход характеризуется глубиной проработки метода диагностики КС.

В диссертации Н.В. Семичевой [Семичева 2010] КС рассматриваются в аспекте детерминации психологических процессов принятия решений. Автором разработана собственная методика определения психологических особенностей принятия решения. Действие КС осуществляется автономно, то есть бессознательно, следовательно, принятие решений как интегрирующий процесс обусловлен когнитивно-стилевыми характеристиками. Взаимосвязь КС и типа принятия решений рассматривается в биполярном и квадрупольном аспектах, что обеспечивает системное описание выявленных различий. Методы исследования: диагностика КС с помощью методик К. Готтшальдта, Дж. Кагана, Г. Струпа, Дж. Келли; авторская методика диагностики характера принятия решений. Автор исследует несколько КС: 'полезависимость / полнезависимость', 'импульсивность / рефлексивность', 'ригидный / гибкий познавательный контроль', 'когнитивная простота / сложность'. Устанавливаются следующие детерминанты для носителей исследуемых КС: «готовность или неготовность к риску», «рациональные или интуитивные решения», «мотивация достижения или избегания», «высокая или низкая скорость принятия решений» [Семичева 2010].

Слабые стороны работы: представлены не все детерминанты КС. Для полюса 'когнитивная сложность' не выявлены маркеры «готовность или неготовность к риску», «мотивация достижения или избегания»; не обозначена характеристика «готовность или неготовность к риску» у представителей полюсов 'ригидный / гибкий познавательный контроль'.

В диссертации Г.А. Молохиной [Молохина 2010] КС представлены четырьмя основными стилями мышления: инициативный, критический, управленческий и практический. В работе исследуются возрастные и гендерные особенности названных стилей мышления в динамике. Установлено наличие различий суммарного показателя выраженности стилей мышления в зависимости от возрастных особенностей. Гендерные отличия

проявляются в разных профилях стилей мышления в зависимости от гендерной идентичности: стиль мышления юношей совпадает с профилем представителей маскулинного типа, стиль мышления девушек – представителей андрогинного типа [Молохина 2010]. Методы исследования: анкета, опрос, методики А.К. Белоусовой, Р. Кеттелла, корреляционный анализ. Исследование стилей мышления проводится по следующим психологическим детерминантам, определяющим их развитие: интеллектуальные, эмоционально-волевые, межличностные и коммуникативные качества.

Параметры в каждом стиле мышления представлены неравномерно, что нарушает системный, сбалансированный подход в описании особенностей каждого стиля. Так, анализ инициативного стиля мышления автор проводит по следующим детерминантам: интеллектуальные (высокий интеллект), эмоционально-волевые (спокойствие, уверенность в себе), межличностные (независимо-доминирующий тип отношений), при этом отсутствует параметр коммуникативных качеств. Характеристика критического стиля мышления осуществляется лишь по одному критерию: межличностный (покорно-застенчивый тип отношений), при этом все остальные параметры в анализе отсутствуют. Управленческий стиль мышления характеризуется по следующим детерминантам: интеллектуальные (практичность, реалистичность), эмоционально-волевые (сдержанность в проявлении эмоций) и межличностные (стремление доминировать над другими), при этом добавляется еще один критерий – качества самоактуализирующейся личности (стремление жить настоящим), а критерий коммуникативных качеств отсутствует. Практический стиль мышления анализируется по качествам: эмоционально-волевые (спокойствие, уверенность в себе), межличностные (властно-лидирующий), коммуникативные (доминантность, подозрительность), качества самоактуализирующейся личности (стремление жить настоящим), при этом параметр интеллектуальных качеств отсутствует [Молохина 2010]. Существенным недостатком такого описания стилей

мышления является использование разного количества параметров для характеристики каждого стиля, что не позволяет говорить о системности подхода.

А.А. Семяшкин [Семяшкин 2010] исследует соотношение когнитивно-стилевых и личностных свойств: влияние КС 'полезависимость / полenezависимость' и 'аналитичность / синтетичность' на темперамент и мотивацию достижения. Автор устанавливает, что связь КС с мотивацией достижения и темпераментов обусловлена возрастной динамикой и гендерной спецификой [Семяшкин 2010]. Анализ проводится по «крайним» и «промежуточным» когнитивно-стилевым полюсам. Методы исследования: методы диагностики КС Р. Гарднера, Г. Уиткина, тесты-опросы, методики исследования личности Т. Элерса, Г.Ю. Айзенка.

Гендерные различия во влиянии КС на индивидуально-личностные особенности проявляются в следующем: у женщин сильнее выражена «аналитичность» в сравнении с мужчинами; у мужчин, в отличие от женщин, обнаружена взаимосвязь полenezависимости с мотивацией достижения.

Возрастные различия состоят в следующем: показатели «аналитичности» возрастают по мере перехода от младшего подросткового возраста к поздней юности, а затем снижаются к периоду зрелости; показатели полenezависимости возрастают по мере перехода от младшего подросткового к раннему юношескому возрасту и достигают максимальных величин на стадии поздней юности.

Автором обнаружена прямая связь между полenezависимостью и психомоторной пластичностью, интеллектуальной эргичностью, активностью и обратная – с эмоциональностью. Выявлено, что мотивация достижения успеха у полезависимых респондентов менее выражена, чем у полenezависимых личностей и промежуточной субгруппы. Отмечается положительная связь аналитичности с интеллектуальной эргичностью, а синтетичности – с эмоциональностью [Семяшкин 2010]. Следует отметить,

что предложенная научная методика может быть применима к анализу иных данных.

В основе диссертации М.Н. Юртаевой [Юртаева 2011] лежит теоретическое осмысление соотношения когнитивно-стилевых и личностных характеристик в рамках КС 'толерантность / нетолерантность к неопределенности' с учетом феномена «расщепления» полюсов. Для выявления корреляций автор использует комплексный подход. Эмпирически подтверждается отсутствие четких границ между отдельными КС. Эффект влияния КС на выраженность толерантности к неопределенности объясняются с помощью механизма непроизвольного интеллектуального контроля. Автор устанавливает двоякую природу взаимосвязей между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками: а) непроизвольный интеллектуальный контроль связан с толерантностью к неопределенности; б) эффекты крайних значений КС связаны с интолерантностью к неопределенности [Юртаева 2011].

Значимым теоретическим достижением работы является обоснование комплексного аналитико-интегративного подхода к исследованию феномена толерантности к неопределенности, а также установление субстанциональных компонентов данного феномена: «непредубежденность», «непринятие неопределенности и риска», «угроза я», «полезависимость» [Юртаева 2011]. Важным достижением является эмпирическое подтверждение отсутствия четких границ между разными КС.

Далее будут рассмотрены лингвистические исследования проблемы КС.

Лингвистические подходы можно разделить на два направления: 1) исследование нескольких КС одновременно, при этом выбирается пятикомпонентная система стилей мышления; 2) исследование одного конкретного КС. В настоящей работе будут представлены оба подхода в хронологическом порядке.

В подходе В.В. Киселевой [Киселева 2006] КС исследуются в рамках концепции пяти стилей мышления: идеалистический, реалистический, прагматический, синтетический и аналитический [Harrison 2002]. Для анализа используются тексты репродуктивного дискурса, являющиеся аргументативными реакциями респондентов на исходный прочитанный текст, также обладающий аргументативными признаками. Установлена взаимосвязь между конкретным стилем мышления и типом вербальных реакций. В работе используются следующие понятия для характеристики стилей мышления: метод оперирования фактами (определяет организационную структуру текста, создаваемого языковой личностью), аргументационная призма (механизм извлечения информации из текста), аргументационный мотив (индивидуальные особенности осмысления актуальной информации в тексте) и персонификация (параметр персонального отношения к ситуации, отражающий взаимосвязь между опытом реципиента и его вербальным выражением) [Киселева 2006]. В результате получены следующие данные для носителей пяти стилей мышления:

1) по методу оперирования фактами: для идеалистов характерен ретроспективный метод, при этом организация структуры текста горизонтальная; для реалистов – фокусированный метод, структура текста вертикальная; для прагматиков – перспективный метод, структура текста диагональная (ступенчатая); для синтезаторов – мозаичный метод, структура текста диагональная; для аналитиков – графический метод, структура текста диагональная;

2) по персонификации: идеалистам свойственна абсолютная персонификация, реалистам – минимальная, прагматикам – относительная, аналитикам – условная, синтезаторы характеризуются отсутствием персонификации;

3) по аргументационной призме: для идеалистов характерны тезисы декларативные, модальные, гипотетических ситуаций, мнений; для реалистов

– декларативные, оценочные, мнений; для прагматиков – декларативные, классификационные, гипотетических ситуаций, мнений; для синтезаторов – декларативные, оценочные, гипотетических ситуаций, мнений; для аналитиков – декларативные, оценочные, гипотетических ситуаций;

4) по аргументационным мотивам: идеалистов характеризует гуманистический мотив, предполагающий использование оговорок с целью компромисса; реалистов – эмпирический, сопряженный с использованием ограничителей и оговорок; прагматиков – маркетинговый, сопровождающийся использованием оговорок с установленными условиями; для синтезаторов – конфронтационный с использованием оговорок, указывающих на противоречие; для аналитиков – конструирующий, предполагающий использование оговорок с целью оценивания, а также ограничителей и свидетельств [Киселева 2006]. Данный подход может быть использован в других типах дискурса.

С.В. Калашникова [Калашникова 2007] исследует пять указанных выше стилей мышления, а именно: прагматические и структурно-семантические параметры аргументативного дискурса носителей каждого стиля мышления на материале репродуктивных текстов. Анализ полученных результатов производится с помощью сопоставления аргументативных структур текстов респондентов с аргументативными структурами экспертного текста. Аргументативный дискурс представлен следующими характеристиками: «1) коммуникативная цель; 2) тип макроинтенции; 3) способ обоснования; 4) тематичность; 5) приоритетный тип предикатов» [Калашникова 2007]. Получены следующие данные:

1) идеалистов отличает предикативность (динамизм) дискурса. Коммуникативной целью является искажение и опущение, тип макроинтенции – фатические, обоснование с помощью трансакции и коммуникации, тематичность – многотопиковость, приоритетными являются предикаты визуальности и аудиальности;

2) реалистам присущ динамический характер дискурса, многотопиковость, императивные макроинтенции, преобладание предикатов рациональности. Обоснование с помощью трансакции, коммуникативная цель – генерализация;

3) прагматики характеризуются динамизмом дискурса, однотопиковостью, императивными макроинтенциями, использованием предикатов визуальности и рациональности. Обоснование с помощью интеракции, коммуникативная цель – генерализация;

4) синтезаторов отличает статичность дискурса, многотопиковость, экспрессивные макроинтенции, предпочтение предикатов кинестетичности. Коммуникативная цель – опущение, способ обоснования точки зрения – интеракция;

5) аналитикам присущ статичный характер дискурса, многотопиковость, фатические макроинтенции, использование предикатов рациональности. Коммуникативная цель – генерализация, способ обоснования – коммуникация [Калашникова 2007].

Несмотря на выявленные различия, аргументация всех пяти стилей мышления представлена в работе как адекватная. Работа отличается глубокой проработкой респонсивного дискурса.

В диссертации В.А. Скворцовой [Скворцова 2012] КС изучаются также в аспекте пятикомпонентной системы стилей мышления с точки зрения выявления индивидуальной коммуникативной стратегии на основе диалогических текстов интервью. Исследуемый дискурс отличается двукомпонентностью: интервьюер ставит проблему, а интервьюируемый ее развивает. Методы исследования: наблюдение, интервью, интерпретационный анализ. Коммуникативная модель представлена в двух аспектах: а) структурно-тематическом, предполагающем наличие коммуникативной стратегии, которая состоит из тактик: постановка проблемы, оценка ситуации, анализ проблемы, решение проблемы; и б) семантико-прагматическом, включающем речевые параметры: языковые

средства, логика мышления, способ аргументации, моделирование сценария. В результате установлено:

1) синтезаторы применяют тактики постановки проблемы, оценки и решения проблемы, используют лексические единицы со значением опровержения, провокации, стратегии конфликта;

2) идеалисты: тактики постановки проблемы, оценки и анализа, высказывания с положительной оценкой, стратегии компромисса, сотрудничества;

3) прагматики: тактики постановки и решения проблемы, оценки, употребление метафор, стратегия сотрудничества с опорой на свой опыт;

4) аналитики: тактики постановки, анализа и решения проблемы, стратегия предложения с опорой на факты;

5) реалисты: тактики развития, решения и анализа проблемы [Скворцова 2012].

Работе не хватает сбалансированности: так, не определены стратегии для реалистов.

В диссертации Е.В. Бесединой [Беседина 2011] исследуется аргументативный дискурс как выражение КС 'когнитивная простота / сложность' и ЯЛ одновременно. Исследуются тексты аргументативного реагирования на исходный аргументативный текст. Выявляются специфические особенности интерпретации исходного текста, проявляющиеся в языковых чертах, различные для каждого носителей каждого полюса. Методы: аргументативный анализ, количественный анализ, репертуарный тест. Автор приходит к заключению, что способы построения аргументативного дискурса зависят от КС личности, в частности, в дискурсе когнитивно сложных личностей преобладают распространенные предложения, активные конструкции, предикаты рациональности, единицы с узкой сферой референции и детализированные описания ситуации, а в дискурсе когнитивно простых – нераспространенные предложения, пассивные конструкции, предикаты визуальности, кинестетичности, единицы

с широкой сферой референции [Беседина 2011]. Когнитивно сложным личностям «присущи языковые черты ‘активность’, ‘персуативность’, ‘конкретность’, ‘аналитичность’, а когнитивно простым – ‘созерцательность’, ‘хэзитивность’, ‘абстрактность’, ‘синтетичность’» [Беседина 2011].

В данной работе впервые аргументативный дискурс рассматривается с точки зрения стилевого и лингвоперсонологического подходов совокупно.

В диссертации В.Ю. Зайцевой [Зайцева 2012] исследуются особенности аргументативного дискурса представителей КС ‘конкретная / абстрактная концептуализация’. Материалом является письменный монологический аргументативный дискурс, то есть инициативный дискурс. Установлена взаимосвязь между способами построения аргументативного дискурса и КС ‘конкретная / абстрактная концептуализация’. Выявлены следующие характеристики: а) для полюса абстрактности – нечеткие аргументативные схемы, отсутствие ограничителей, неполные суждения, большее количество доводов и более длинные тексты; б) для полюса конкретности – четкие аргументативные схемы, использование ограничителей, небольшое количество доводов. Носители ‘абстрактной концептуализации’ проявляют черты «‘активность’, ‘пассивность’, ‘динамичность’, ‘статичность’, ‘голословность’, ‘абстрактность’, ‘синтетичность’, ‘директивность’, ‘конфликтность’, ‘центрированность’, ‘децентрированность’, ‘юмористичность’» [Зайцева 2012], носители ‘конкретной концептуализации’ – «‘активность’, ‘динамичность’, ‘статичность’, ‘хэзитивность’, ‘персуативность’, ‘голословность’, ‘конкретность’, ‘аналитичность’, ‘буквальность’, ‘центрированность’» [Зайцева 2012].

Данный подход отличается глубоким исследованием и наиболее полной характеристикой выбранного КС.

В диссертации И.А. Степановой [Степанова 2022] исследуются особенности структуры аргументативного дискурса и вербализации аргументов представителей КС ‘полезависимость / полenezависимость’ на материале текстов репродуктивного дискурса, представляющего собой

вербальные реакции респондентов на стимульную статью. Установлено, что для полнезависимых личностей характерно повторение всех Аргументативных Шагов, передача Тезисов и Данных, но с перестройкой их порядка следования; сокращение объема, отсутствие новых Доводов. Для полезависимых – опущение большей части Аргументативных Шагов, Тезисов и Данных, добавление новой информации. Дискурс полнезависимых испытуемых отличается следующими особенностями: активные конструкции, предикаты рациональности, глаголы со значением динамичности, распространенные предложения, причастные и деепричастные обороты, единицы с узкой сферой референции; дискурс полезависимых испытуемых отличается использованием пассивных конструкций, предикатов визуальности и кинестетичности, глаголов со значением статичности, нераспространенные предложения, единицы с широкой сферой референции [Степанова 2022].

Данный подход характеризуется глубокой проработкой выбранного КС и быть применен для анализа иных типов дискурса.

Следует отметить, что все рассмотренные выше исследования являются изолированными, т. е. не учитывают результаты, представленные в более ранних работах.

Обзор работ по КС позволяет сделать вывод о том, что значительная часть исследований проводилась на материале текстов аргументативного дискурса и была направлена на изучение особенностей аргументативной деятельности носителей определенного КС. Исследование КС личности на дискурсах иного типа (например, нарративном), а также изучение иных видов деятельности (например, интерпретирующей) в зависимости от КС ранее не проводилось. В настоящей работе исследуется КС личности ‘когнитивная простота / сложность’ с точки зрения особенностей интерпретирующей деятельности, что не было описано ранее. Далее представлены основные характеристики носителей противоположных полюсов данного КС, выявленные ранее в науке.

1.2.3. Когнитивный стиль ‘когнитивная простота / сложность’

КС ‘когнитивная простота / сложность’ появился на основе теории личностных конструктов Дж. Келли и его метода репертуарных решеток в 60-х гг. XX века [Kelly 1955; Франселла 1987].

Основная идея данной теории – возможность понимания личности через особенности ее восприятия: понимания, оценивания и прогнозирования событий окружающей действительности на основе субъективного опыта, организованного в виде системы личностных конструктов. Главный постулат теории Дж. Келли состоит в следующем: «Личностные процессы направляются по руслам конструктов» [Козлова 1976: 131].

Конструкт – единица системы мировосприятия личности. Он субъективен (человек сам придумывает конструкты), не всегда поддается словесному выражению (может быть сформулирован как «не это»), проницаем (может использоваться для характеристики разных объектов), биполярен (констатирует сходства и различия), изменчив (может перестраиваться под влиянием нового опыта) [Kelly 1955, 1969].

Теория личностных конструктов и разработанный на ее основе метод репертуарных решеток является наиболее популярным способом диагностики когнитивной сложности. Исследование этого КС проводилось в сфере межличностного общения, психологических характеристик и аргументативного дискурса. Проведенные исследования показывают следующие результаты.

Когнитивно сложные лица:

- в большей степени проявляют коммуникативную компетентность, что предполагает успешность социального поведения [Bieri 1955];
- более склонны к манипулятивному поведению, а также к коммуникативной и личностной тревоге [Кочарян 1986];
- реже вступают в конфликтные отношения (в данном случае низкая конфликтность когнитивно сложных индивидов объясняется их

большой склонностью к манипулятивному общению и, таким образом, сокрытию своей агрессии) [Южанинова 1984, 1990];

- точнее определяют эмоциональные состояния людей и лучше понимают невербальную информацию, следовательно, склонны к более глубокому пониманию социальных ситуаций, в отличие от когнитивно простых [Шкуратова 1994];
- характеризуются разнообразной палитрой изобретаемых конструктов: называют больше разнообразных качеств окружающих их людей [Южанинова 1988];
- обладают более дифференцированной структурой самооценки и большей социальной пластичностью [Федорова 2004];
- прежде всего обращают внимание на индивидуальные характеристики людей: четко отличают себя от других и находят больше различий между собой и окружающими людьми [Шкуратова 1994];
- более способны к пониманию своего собеседника, а также более критично оценивают себя и своих знакомых, менее склонны судить о других по аналогии с собой [Шкуратова 1994];
- более точны в прогнозировании поведения других людей [Leventhal 1957];
- проявляют больше терпимости к противоречивой информации о людях [Шкуратова 1994];
- при предъявлении противоречивой информации чаще дают амбивалентные оценки качеств других людей [Leventhal 1957];
- при получении дополнительной информации улучшают свои первоначальные оценки или изменяют их [Шкуратова 1994];
- выстраивают конструктивную систему, содержащую четко дифференцированные конструкты [Hjelle 1976: 181];

- характеризуются более эффективным поведением во время стресса, процесс адаптации к новым условиям проходит более эффективно [Франселла 1987];
- характеризуются более высокой степенью тревожности, догматизма, ригидности, что затрудняет построение синтетического образа окружения, а также меньшей социальной адаптивностью [Кочарян 1986];
- характеризуются низкой скоростью принятия решений и более высокой степенью рациональности [Семичева 2010];
- в аргументативном дискурсе чаще используют активные конструкции, распространенные предложения, единицы с узкой сферой референции и детализированные описания [Беседина 2011].

Когнитивно простые лица:

- характеризуются большей социальной некомпетентностью и конфликтностью [Bieri 1955];
- характеризуются слабым разнообразием изобретаемых конструктов: называют меньше характеристик окружающих людей [Южанинова 1990];
- менее точны в прогнозах относительно поведения других людей, однако, при увеличении количества информации о них, способны улучшить свои прогнозы [Leventhal 1957];
- находят больше сходств между собой и другими людьми, сложнее воспринимают различия [Шкуратова 1994];
- чаще проявляют поляризацию оценок: применяют оценочную категорию «черный – белый», оценивая позитивно себя и более привлекательных знакомых и негативно – непривлекательных [Южанинова 1990];

- хуже воспринимают противоречивую информацию и более склонны составлять согласованное, непротиворечивое мнение о человеке [Leventhal 1957];
- при предъявлении противоречивой информации обнаруживают эффект новизны: демонстрируют склонность менять свое суждение о человеке [Leventhal 1957];
- при предъявлении дополнительной информации в наименьшей степени склонны изменять уже сложившуюся оценку [Lundy 1957];
- характеризуются объективным восприятием других людей [Федорова 2004];
- выстраивают конструктивную систему, в которой различия между конструктами неясны [Хьелл 2019];
- характеризуются менее эффективным поведением во время стресса, а процесс адаптации к новым условиям протекает болезненно [Франселла 1987];
- характеризуются высокой скоростью принятия решений, менее выраженной рациональностью и более высокой степенью интуитивности [Семичева 2010];
- отличаются большей готовностью к риску и мотивацией избегания [Семичева 2010];
- чаще используют нераспространенные предложения, пассивные конструкции, единицы с широкой сферой референции и обобщенные описания [Беседина 2011].

Таким образом, представлены основные выявленные на сегодняшний день психологические и лингвоаргументативные характеристики носителей исследуемого КС 'когнитивная простота / сложность'.

Диагностика КС 'когнитивная простота / сложность' производилась с помощью метода репертуарных решеток Дж. Келли, представленного далее.

1.2.4. Диагностика когнитивного стиля ‘когнитивная простота / сложность’

В целях диагностики КС когнитивная простота / сложность Дж. Келли разработал метод репертуарных решеток (Реп-тест). Репертуарная решетка является инструментом психологического исследования, структурированного интервью. Она позволяет формализовать информацию о том, как человек видит мир, оценивает людей и ситуации, и представить математическое обоснование связей между конструктами индивида. Заполненные респондентами репертуарные решетки представляют своеобразную карту системы конструктов личности и структуры содержания ее мировоззрения наподобие идеографической карты, которая позволяет выявить индивидуальные особенности мышления индивида.

Для проведения Реп-теста подбираются элементы – те объекты, которые респонденты будут сравнивать между собой. В сфере межличностных отношений в качестве элементов выступают люди. Испытуемому предлагается список ролевых персонажей, к которым необходимо подобрать конкретных людей из своего окружения. Изначально Дж. Келли предложил список из 24 ролевых персонажей; последующие разработчики репертуарных решеток модифицировали его список, чтобы он мог отвечать конкретным требованиям. Список ролей разработан таким образом, чтобы охватить разные сферы жизни испытуемого. Он включает в себя 5 групп людей:

- группа «семья»: я, мать, отец, брат, сестра;
- группа «близкие»: супруг, бывший возлюбленный (возлюбленная), друг (подруга), бывший друг (подруга);
- группа «валентности»: отвергаемый человек, жалкий человек, угрожающий человек, привлекательный человек;
- группа «авторитеты»: принимаемый учитель, отвергаемый учитель, начальник;

- группа «ценности»: успешный человек, счастливый человек, нравственный человек [Франселла 1987: 59].

Испытуемый должен представить своих знакомых из ролевого списка и заполнить специально подготовленную таблицу, или матрицу, в которой по горизонтали расположены все перечисленные элементы (роли), а по вертикали – разнообразные комбинации сравниваемых элементов. Такая таблица содержит 20 строк, 19 столбцов и два пустых поля справа, обозначенных как «выявленный полюс» и «противоположный полюс». В каждой строке присутствует три отмеченных кружочками элемента (триада), которые испытуемый должен сравнивать (отсюда название – метод последовательных триад). Триады составлены таким образом, чтобы можно было впоследствии характеризовать отношения респондента с членами семьи, близкими, авторитетами, а также его ценности, мотивы и т. д. Каждая роль встречается в триадах с одинаковой частотой, что позволяет выработать разные критерии сравнения.

Следует отметить, что 20 строк не является предельным числом при составлении репертуарной решетки: более расширенные таблицы включали в себя дополнительные триады. Однако зарубежные исследования показали, что количество триад, равное 20, является наиболее оптимальным. Так, Д. Хант предъявлял испытуемым решетки, содержащие до 40 строк. В ходе экспериментов выяснилось, что в промежутке между двадцатой и тридцатой строками у всех испытуемых начинаются трудности с изобретением новых конструктов, и они начинают их многократно повторять, а после тридцатой строки респонденты и вовсе не могут придумывать новые конструкты и либо используют старые, либо ставят прочерки [Harvey 1961].

Конструкты выявляются следующим образом: испытуемого просят подумать, какая характеристика делает похожими двух людей из одной выделенной триады и отличает их от третьего человека. Когда респондент принял решение, его просят перечеркнуть клеточки, соответствующие тем двум людям, которые похожи. Третья клетка, принадлежащая отличному от

них человеку, остается пустой. Затем в графе «выявленный полюс» требуется написать слово или короткую фразу, разъясняющую, чем именно эти два человека схожи. В графе «противоположный полюс» записывается противоположная по смыслу характеристика, которая отличает третьего человека. Затем испытуемого просят оценить остальных 16 человек строки и отметить галочкой всех людей, обладающих признаком по выявленному полюсу. Подобным образом заполняются все остальные строки. В результате получается решетка с помеченными и пустыми клетками и записанными конструктами в правых колонках.

Для интерпретации результатов Реп-теста исследователь учитывает следующие данные: количество и разнообразие выявленных конструктов, их содержание и характер, связь различных элементов с конструктами и между собой, дополнительные характеристики, например, проницаемость или коммуникабельность конструктов.

Диагностика когнитивной простоты / сложности производится с помощью двух индексов: степень дифференцированности конструктов, предложенный Дж. Виери [Vieri 1955], и степень их интегрированности, предложенный Д. Баннистером [Miller 1979]. Высокая степень дифференцированности предполагает разнообразие выработанных конструктов и сопряжена с когнитивной сложностью, а низкая степень – сходность конструктов, что обусловлено когнитивной простотой. Показатель интегрированности характеризует степень взаимосвязанности между конструктами, сложность связей. Когнитивная сложность характеризуется высокой степенью интегрированности конструктов, а когнитивная простота – низкой. Личности, продемонстрировавшие показатели высокой дифференцированности и низкой интегрированности, а также низкой дифференцированности и высокой интегрированности относятся к смешанному типу КС [Galifa 2000].

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что когнитивный аспект репрезентирует два параметра личности: концептосфера и

конструктосфера [Корниенко 2021: 28]. Концептосфера включает в себя мыслительные образы, понятия, схемы (концепты), т. е. составляет картину мира личности. Конструктосфера охватывает совокупность схожих ментальных образований, формирующихся на основе ценностных ориентиров, мировоззрения и мировосприятия (конструктов). Дж. Келли определяет ее следующим образом: «Конструкты суть способа истолкования мира» [Келли 2000: 14].

Личностный опыт человека предшествует формированию конструктов (конструктосферы), совокупность которых впоследствии составляет систему взглядов, или картину мира (концептосферу), позволяющую оценивать и прогнозировать те или иные события. Сформировавшиеся аспекты концептосферы объясняют индивидуальные различия представлений людей о мире, которые приводят к различиям в когнитивной деятельности, а именно: в способах восприятия, обработки, организации и анализа информации, оценки и прогнозирования событий.

Использование теории КС в исследовании особенностей продуцирования текста позволит измерить когнитивные характеристики личности на основе анализа предложенных ею конструктов, оценить степень влияния личностного фактора на способы построения текста с помощью анализа способов интерпретации и передачи содержания исходного иноязычного текста, т. е. выявить основные параметры ЯЛ.

1.3. Трансформационные операции, совершаемые при передаче содержания иноязычного текста, и языковые черты

Согласно положению В.Г. Гака, в основе любых трансформационных операций лежат логико-семантические отношения между понятиями [Гак 1998: 471]. Данное положение позволяет проследить преобразования смыслов в процессе построения текста с помощью различения типов отношений между задействованными понятиями. Такой подход представляет

интерес для анализа ЯЛ и выделения новых языковых черт, уточняющих и расширяющих концепцию С.А. Сухих. В основе таких языковых черт лежат трансформационные операции как процессы преобразования смыслов.

Исследуя семантические трансформации и лежащие в их основе логические операции, В.Г. Гак выделяет пять типов логических отношений, которым соответствуют определенные семантические процессы: а) равнозначность – синонимия; б) внеположенность (исключение) – смещение; в) контрадикторность – антонимия; г) подчинение (включение) – расширение или сужение; д) переименование (пересечение) – перенос (по сходству – метафора, по смежности – метонимия) [Гак 1998: 470-471]. Попытка соотнести указанные формально-логические категории и трансформационные операции были предприняты Я.И. Рецкером: а) равнозначность – отсутствие трансформации; б) внеположенность – компенсация; в) контрадикторность – антонимический перевод; г) подчинение – генерализация / конкретизация; д) переименование – смысловое развитие, целостное преобразование [Рецкер 2007: 63; Гарбовский 2007: 418].

В настоящей работе исследуется интерпретирующая деятельность представителей противоположных полюсов КС 'когнитивная простота / сложность', которая состоит в передаче содержания исходного (первичного) иноязычного текста посредством создания собственного (вторичного) текста на родном языке. Под передачей содержания исходного текста понимается изложение основных компонентов содержания оригинального текста. В данном случае речь идет не о профессиональном переводе, а о том, каким образом человек оперирует исходным текстом после его прочтения и какие трансформационные операции использует для передачи его содержания. Деятельность, которую совершают испытуемые, является интерпретирующей, а создаваемые ими вторичные тексты относятся к нарративному типу дискурса.

Нарративный дискурс, взятый в интерпретационном аспекте, предполагает изложение субъектом основных компонентов содержания оригинального иноязычного текста средствами родного языка. Такие компоненты содержания присутствуют как в исходном, так и в результирующем текстах. При этом в последних проявляются лингвистические особенности интерпретирующих субъектов, поскольку интерпретация является деятельностью когнитивной, получающей вербальные манифестации. Такие манифестации могут быть исследованы с помощью обращения к проявляющимся в результирующих текстах признакам. В диссертации использована система таких признаков, разработанная С.А. Сухих [Сухих 1998]. Она предусматривает обнаружение речезыковых маркеров, на основе которых становится возможным выявление особых языковых черт – устойчивых особенностей дискурсивно-специфического вербального поведения ЯЛ. Поскольку изучение ЯЛ следует проводить с учетом дискурсивно-специфических факторов, в диссертации предлагается акцент на двух из них: лингвистических особенностях собственно дискурса и когнитивной специфики субъектов, обращающихся к данному дискурсу.

В настоящей работе исследуется не качество перевода, а то, каким образом респонденты продуцируют текст, что из содержания исходного текста они передают и как именно. Несмотря на то, что исходный текст представлен на иностранном (английском) языке, деятельность респондентов не является собственно переводческой в строгом смысле этого слова. Это объясняется тем, что респонденты не обладают компетенциями в области теории и практики перевода: курс по переводоведению отсутствует в их образовательной программе. Респонденты не имеют навыков рефлексии в переводческой деятельности, выполненная ими трансляция текста не обладает чертами перевода в профессиональном смысле. Поскольку респонденты не имеют переводческой квалификации, речь не идет об анализе черт профессиональной ЯЛ. В связи с данными обстоятельствами их

деятельность расценивается не как переводческая, а как интерпретирующая¹, предполагающая непрофессиональную передачу содержания иноязычного текста средствами родного языка, т. е. продуцирование своего собственного текста. Именно в этой области обнаруживается влияние КС: то, каким образом человек выстраивает свой текст, какими средствами раскрывает смысл исходного текста (интерпретирует его). Следует отметить, что все респонденты успешно справились с проблемой понимания содержания предложенного текста, однако передача содержания производилась разными способами: например, одни чаще использовали эллипсис, другие – наоборот, вводили дополнительные, уточняющие элементы; одни более склонны использовать предикативные единицы, другие – номинативные. Такие различия в передаче содержания одного и того же текста обусловлены КС человека – присущим ему способом выражения своих мыслей, когнитивной спецификой, которая не осознается, но проявляется в вербальном поведении.

Поскольку использованная в анализе языкового материала концепция С.А. Сухих не имеет отношения к интерпретирующей деятельности, не все языковые черты, описанные в данной концепции, применимы к исследовательскому материалу настоящей диссертации. Языковые черты, относящиеся исключительно к аргументативному дискурсу, не могли проявиться в нарративном тексте; при этом в последнем были обнаружены иные языковые черты, не выделенные у С.А. Сухих.

Изложение компонентов содержания первичного текста при создании вторичного текста на родном языке сопровождается процессом преобразования смыслов исходного текста. Трансформационные приемы и операции, совершаемые респондентами при передаче содержания иноязычного текста средствами родного языка, близки или соответствуют терминологически принятым в переводоведении. Такие трансформации

---

¹ От англ. слова *interpretation* – перевод, толкование

совершаются неосознанно и объясняются влиянием КС – привычного способа выражения своих мыслей.

В настоящей работе предпринята попытка соотнесения выделяемых учеными-лингвистами трансформационных операций с языковыми чертами, проявившимися в нарративном дискурсе. За основу взята система трансформационных операций Я.И. Рецкера [Рецкер 2007] и В.Н. Комиссарова [Комиссаров 1990]. Такое соотнесение необходимо для обоснования расширения концепции С.А. Сухих за счет добавления новых языковых черт, выявленных в нарративном дискурсе.

Частеречные преобразования (операции замены частей речи или членов предложения, называемые В.Н. Комиссаровым грамматическими трансформациями [Комиссаров 1990: 173-183]) не являются семантическими преобразованиями, поскольку предполагают лишь формальные изменения, а не смысловые. В концепции С.А. Сухих такие трансформации совершаются в рамках языковых черт ‘активность’ и ‘созерцательность’. Они относятся к типу логического отношения «равнозначность» и к типу семантического преобразования «синонимия». В нарративном дискурсе частеречные преобразования проявляются в рамках языковых черт ‘активность’, ‘созерцательность’ и ‘транспозиция’, причем последняя вводится впервые на основе исследования нарративных текстов.

Трансформационная операция конкретизации, сопровождающаяся заменой понятия с более широким объемом, но менее сложным содержанием исходного текста на понятие с более узким объемом, но более сложным содержанием [Гарбовский 2004: 433], детерминируется логической категорией подчинения и семантическим преобразованием сужения. Операция конкретизации соответствует языковой черте ‘конкретность’, которая проявляется в нарративном дискурсе, что будет показано во второй главе.

Трансформационная операция генерализации, характеризующаяся заменой понятия с более узкой сферой референции, но более сложным

содержанием на понятие с более широким объемом референции, но менее сложным содержанием [Гарбовский 2004: 425 – 426], детерминируется логической категорией подчинения и семантическим преобразованием расширения. Операция генерализации соответствует языковой черте ‘абстрактность’, которая проявляется в нарративном дискурсе.

Операция «лексическое добавление» схожа с операцией конкретизации, поскольку обе трансформации основываются на ограничении понятия, с той разницей, что при конкретизации уточняющий признак находится в содержании самого конкретизируемого понятия, а лексические добавления подразумевают введение в текст дополнительных лексических единиц, уточняющих содержание исходной единицы [Гарбовский 2007: 434]. Данная трансформация детерминируется логической категорией подчинения (сужение) и соответствует языковой черте ‘аналитичность’.

Операция опущения, предполагающая игнорирование некоторых элементов смысла, определяется логической категорией подчинения (расширение) и соответствует языковой черте ‘синтетичность’. Языковые черты ‘аналитичность’ и ‘синтетичность’ также проявляются в нарративном дискурсе.

Трансформационная операция «смысловое развитие» определяется Я.И. Рецкером как «замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним» [Рецкер 2007: 51]. Исследователь отмечает, что процесс передачи содержания исходного текста может сопровождаться различными заменами, например, процесс может быть заменен предметом, а предмет – признаком и т. д. [Рецкер 2007: 52]. Такие замены обусловлены логической категорией перекрещивания и семантическим преобразованием переноса, когда «лишь часть объема одного понятия входит в объем другого понятия и, в свою очередь, часть объема второго понятия входит в объем первого понятия» [Горский 1958: 50]. Замены единиц исходного текста на логически связанные с ними единицы при создании нового текста сопровождаются глубокими расхождениями

лексических единиц, логической структуры предложения и образности. Операция смыслового развития совершается в рамках языковой черты 'ассоциативность'. Данная языковая черта не описана в концепции С.А. Сухих и вводится в концепцию для характеристики нарративного типа дискурса.

Также важно обратить внимание на операцию целостного преобразования, являющейся, по определению Я.И. Рецкера, «определенной разновидностью смыслового развития, которая обладает большей автономностью и обнаруживает в значительно меньшей степени логическую связь между планами выражения исходного языка и переводного языка» [Рецкер 2007: 60]. Данная операция осуществляется в рамках логической категории перекрещивания [Гак 1998; Гарбовский 2007: 418] и является проявлением языковой черты 'ассоциативность'.

Операция «антонимический перевод» определена Я.И. Рецкером как «крайняя точка приема смыслового развития, которая представляет собой замену какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием в переводе, сопровождающуюся перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного плана содержания» [Рецкер 2007: 54]. Данная операция обусловлена логической категорией контрадикторности, которой соответствует семантическое преобразование антонимия: «отношения контрадикторности (или отрицания понятия) имеют место между понятиями, которые получают друг из друга путем операции отрицания» [Горский 1958: 55]; «если мы имеем какое-либо понятие Р, то контрадикторным окажется понятие не-Р» [Гарбовский 2004: 466]. Антонимические замены между понятиями сопровождаются заменами утвердительных конструкций на отрицательные или наоборот.

Следует обратить внимание на использование названия трансформации «антонимический перевод»: данное понятие является устоявшимся термином, используемым для обозначения трансформационной операции, совершаемой при преобразовании элементов смысла исходного текста,

которая «основывается на формально-логической категории контрадикторности» [Рецкер 2007: 54]. Употребление термина «антонимический перевод» обусловлено не переводческой направленностью исследования, а тем, что данное понятие является общепринятым, установленным термином, используемым для обозначения трансформационной операции, при этом данная операция может совершаться и неспециалистами. Таким образом, это не перевод, а название операции (по Я.И. Рецкеру). В концепции С.А. Сухих не описаны языковые черты, в которых проявляется тип трансформации «антонимический перевод». В нарративном дискурсе антонимические замены проявляются в рамках языковой черты 'противоположность'.

В.Н. Комиссаров в числе грамматических трансформаций выделяет операции членения и объединения предложений. Исследователь отмечает, что эти трансформации необходимы для того, чтобы предложения не были слишком громоздкими, осложненными причастными и деепричастными оборотами, подчинительными связями или вводными конструкциями, а переходы между предложениями были более плавными. Согласно определению В.Н. Комиссарова, членение предложения – способ преобразования «при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры переводного языка» [Комиссаров 1990: 179]. Операция членения приводит к преобразованию сложного предложения в простое или преобразованию одного предложения исходного текста в два и более самостоятельных предложения в полученном тексте. Операция объединения – способ преобразования, «при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное» [Комиссаров 1990: 180]. В концепции С.А. Сухих отсутствуют языковые черты, в рамках которых проявляется данная трансформация. В настоящей работе была предложена языковая черта 'рекомбинация', которая проявляется в нарративном дискурсе и характеризуется преобразованием

исходной синтаксической структуры предложения: объединением и членением предложений.

Операция компенсации основана на логической категории внеположенности, при которой «объемы двух понятий полностью исключают друг друга и при этом не исчерпывают области предметов, о которой ведется рассуждение» [Горский 1958: 49]. В. Г. Гак отмечает, что логическая категория внеположенности детерминирует семантическое преобразование «смещение» – «использование для наименования данного понятия названия смежного понятия в пределах одного родового понятия» [Гак 1971: 83]. Операции компенсации соответствуют языковые черты 'юмористичность', представленной в концепции С.А. Сухих, и 'прагматичность', которая вводится для характеристики нарративного дискурса.

Отсутствие передачи юмористических и прагматических компонентов исходного текста и, как следствие, отсутствие трансформационной операции является проявлением языковой черты 'буквальность'.

В настоящей работе предпринята попытка построения коллективной (модельной) когнитивно-стилевой (когнитивно сложной и когнитивно простой) ЯЛ на основе номотетического подхода [Сухих 2023] – выявления важнейших общих, регулярных языковых характеристик и универсальных закономерностей вербального поведения носителей исследуемого КС (группы когнитивно сложных и когнитивно простых личностей). Предпринята попытка выявления набора языковых признаков, отражающих стереотипные когнитивно-стилевые формы передачи информации: восприятие и обработка исходного текста, особенности продуцирования собственного текста, что характеризует тип когнитивно сложной и тип когнитивно простой ЯЛ.

В работе используется методика, апробированная в диссертациях Е.В. Бесединой, И.А. Степановой. Исследование представляет собой двухэтапный эксперимент, первая часть которого направлена на выявление КС личности с

помощью метода Дж. Келли, вторая – на выявление зависимости вербального поведения от принадлежности к определенному полюсу КС. Важно отметить отличия упомянутых работ от настоящего исследования: в диссертациях Е.В. Бесединой и И.А. Степановой исследуются тексты аргументативного реагирования на исходный текст. В настоящей работе исследуются особенности передачи компонентов смысла исходного (иноязычного) текста средствами родного языка (нарративный дискурс). От респондентов не требовалось производить аргументативную деятельность: выражать свою точку зрения относительно текста и доказывать ее, делать выводы, разрешать неопределенность, подвергать сомнению какие-либо факты; их деятельность была направлена на прочтение предложенного готового иноязычного текста (первичного) и создание собственного (вторичного) текста в явной опоре на исходный текст.

Обзор диссертаций, посвященных исследованию ЯЛ в разных типах дискурса, позволяет сделать вывод о том, что языковые черты и выявленные характеристики ЯЛ зависят от конкретного языкового материала (аргументативный текст; текст на иностранном языке, на основе которого создается текст на родном языке).

Выводы по Главе I

В главе предпринята попытка проанализировать ряд проблем, связанных с центральным понятием лингвоперсонологии – языковой личностью, а также когнитивно-стилевыми исследованиями личности.

Под ЯЛ, вслед за С.А. Сухих, понимается сложная многоуровневая система, сочетающая в себе языковую компетенцию, коммуникативную компетенцию и тезаурус. ЯЛ обладает определенным КС, под которым, согласно М.А. Холодной, понимаются присущие личности относительно устойчивые индивидуальные особенности мышления, анализа и переработки

информации, позволяющие выделять типы людей со схожими параметрами когнитивной деятельности.

Особенности мышления ЯЛ проявляются в конкретных языковых чертах – систематических устойчивых особенностях вербального поведения. Выявление языковых черт ЯЛ возможно в условиях анализа языкового материала, манифестантом которого является дискурс. В настоящем исследовании рассматривается интерпретирующий тип дискурса, а именно: особенности продуцирования личностью собственного (вторичного) текста в результате изучения исходного (первичного) иноязычного текста.

В настоящей главе рассмотрены основные концепции КС и ЯЛ. Представлен обзор диссертаций по КС в рамках психологического подхода [Макаренко 2003; Федорова 2004; Семичева 2010; Молохина 2010; Семяшкин 2010; Юртаева 2011] и лингвистического подхода [Киселева 2006; Калашникова 2007; Беседина 2011; Скворцова 2012; Зайцева 2012; Степанова 2022]. Обзор работ в рамках психологического подхода позволяет составить общее представление о том, какие психологические характеристики присущи носителям противоположных полюсов отдельных КС. Обзор работ в рамках лингвистического подхода позволяет установить выявленные на сегодняшний день особенности вербального поведения представителей различных КС. Следует отметить, что значительная часть работ посвящена исследованию особенностей аргументативного дискурса носителей разных КС. Описанные исследования проводились на материале текстов инициативного монологического дискурса, репродуктивного дискурса, диалогических текстов интервью. Анализ существующих работ позволяет сделать вывод о том, что особенности интерпретирующей деятельности носителей противоположных полюсов КС не изучались ранее. Попытка исследования данных аспектов предпринята в практической части настоящей работы.

Представлен обзор диссертаций, посвященных проблеме коллективной ЯЛ [Фомин 2004; Варнавских 2004; Василюк 2004; Панова 2005;

Шойсоронова 2006; Мамаева 2007; Тарасенко 2007; Котова 2008; Касимханова 2015; Загуменнов 2018; Шляховой 2021], что позволяет интегрировать основные полученные результаты по исследуемой теме на сегодняшний день. Анализ перечисленных работ позволяет утверждать, что исследование коллективной (модельной) ЯЛ в рамках концепции когнитивных стилей не проводилось ранее. В настоящей работе описание когнитивных стилей осуществляется в рамках КС 'когнитивная простота / сложность' с позиции того, как определенный тип ЯЛ (а именно, тип когнитивно простой и тип когнитивно сложной ЯЛ) продуцирует собственный (вторичный) текст после изучения предложенного (первичного) текста и какие языковые черты присущи каждому типу личности.

В настоящей работе используется апробированная ранее методика: методика диагностики КС 'когнитивная простота / сложность' с помощью метода репертуарных решеток Дж. Келли апробирована в диссертации Е.В. Бесединой [2011]; методика работы с концепцией С.А. Сухих апробирована в диссертациях Е.В. Бесединой [2011], В.Ю. Зайцевой [2012], И.А. Степановой [2022], А.И. Павленко [2023].

Следует добавить, что анализ представленных в теоретической части работ позволяет сделать вывод о недостаточности применения количественных методов в лингвистике, в связи с чем в настоящей работе применен метод математической статистики для проверки полученных данных.

ГЛАВА II.
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕДАЧИ СОДЕРЖАНИЯ
ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА
КОГНИТИВНО СЛОЖНЫМИ И КОГНИТИВНО ПРОСТЫМИ
ЯЗЫКОВЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ

2.1. Методика и описание эксперимента

В исследовательской части диссертации предпринята попытка установить вербальные особенности построения текста носителей КС ‘когнитивная простота / сложность’.

В исследовательской части был проведен эксперимент, направленный на исследование КС респондентов и особенностей продуцирования текста носителей КС ‘когнитивная простота / сложность’. Участниками эксперимента стали 200 студентов Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского института Лингвистики и мировых языков, приблизительно однородных по социумно-возрастным параметрам: студенты 3 – 4 курсов возраста 19 – 22 лет. Уровень владения иностранным языком оценивался прохождением рабочих программ по иностранному языку: результатами текущей и промежуточной аттестации участников эксперимента.

Цель эксперимента заключалась в сопоставлении способов передачи содержания иноязычного текста и особенностей построения текста средствами родного языка личностей, относящихся к полюсам ‘когнитивная простота / сложность’; определении лингвоперсонологических характеристик носителей исследуемого КС в нарративном дискурсе. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1) распределить испытуемых по полюсам ‘когнитивная сложность’ и ‘когнитивная простота’ с помощью специального теста, основанного на методе репертуарных решеток Дж. Келли;

2) выявить особенности передачи содержания исходного текста носителей исследуемого КС и соотнести выявленные особенности с языковыми чертами экспонентного, субстанционального и интенционального уровней ЯЛ (в соответствии с концепцией С.А. Сухих);

3) представить количественные данные относительно проявления каждой языковой черты когнитивно сложными и когнитивно простыми респондентами;

4) на основе представленных данных определить различия в проявлениях языковых черт для каждого стилевого полюса и составить портрет когнитивно сложной и когнитивно простой ЯЛ.

Для распределения респондентов по стилевым полюсам когнитивная простота / сложность был применен метод репертуарных решеток Дж. Келли. Процедура тестирования состоит в следующем. Испытуемому выдается специально составленный бланк Реп-теста (Приложение 2) и прилагающийся к нему список ролей, состоящий из 19 человек (Приложение 3). Список ролей охватывает людей из разных сфер жизни испытуемых: члены семьи, ближайшее окружение, люди, символизирующие авторитеты и ценности, и люди, находящиеся с испытуемым в отношениях угрозы, отвержения или привлекательности. Процедура заполнения репертуарной решетки подробно описана в параграфе 1.2.4.

Задание для заполнения Реп-теста сформулировано следующим образом:

«Перед вами бланк Реп-теста в виде таблицы, которую вам предстоит заполнить, и прилагаемый к нему список 'Роли'.

Ознакомьтесь со списком 'Роли'. Данный список включает в себя людей из вашего окружения: всего 19 человек. Подумайте, кто из ваших личных знакомых больше всего подходит для каждой роли из списка. Вы можете записать их имена для собственного удобства: экспериментатору данная информация не нужна. После ознакомления со списком 'Роли' и выбора подходящих лиц перейдите к заполнению Реп-теста (таблицы).

В верхней строке расположены Роли от 1 до 19: это те лица из вашего окружения, которых вы только что назвали. Далее следуют строки, пронумерованные от 1 до 20. В каждой из этих строк вы видите три роли, выделенные цветом: этих людей вам предстоит сравнить. Всего представлено 20 комбинаций ролей.

Сравнение производится следующим образом: подумайте, по какому признаку двое из трех обозначенных цветом лиц похожи, но при этом отличны от третьего человека. Заштрихуйте клеточки, соответствующие двум похожим людям, а третью клеточку оставьте пустой. В графе «Выявленный полюс (А)» запишите то качество, которое объединяет двух похожих людей (например, общительный). Можно использовать не одно, а несколько слов: словосочетания, предложения. В графе «Противоположный полюс (Б)» запишите противоположное качество, которое отличает третьего человека от первых двух (например, необщительный). Подумайте, кто еще из оставшихся 16 человек строки обладает признаком А и отметьте их галочкой.

Заполните таким же образом все строки таблицы».

Заполнение бланков Реп-теста осуществлялось в письменной форме. На выполнение задания отводилось 60 минут, при этом студентам, не успевающим заполнить таблицу, выделялось дополнительное время – 10 минут. При заполнении таблицы респондентам разрешалось задавать вопросы экспериментатору в случае, если задание было неясно. Экспериментатор старался максимально понятно разъяснить суть задания испытуемым и ответить на все их вопросы.

Полученные решетки обрабатывались с помощью специальной компьютерной программы Дж. Грайса “Idiogrid”. Данная программа анализирует выработанные конструкты как по количественным, так и по качественным признакам. Количественный анализ предполагает вычисление корреляций между конструктами, выявление числа совпадений, определение расстояния между каждым элементом и конструктом. Качественный анализ –

характеристика содержательной части конструкторов, мера их взаимосвязанности и кластеризации.

При работе с программой необходимо произвести следующие настройки: в разделе “Grid type” выставить параметр “Binary”, так обрабатываемая решетка бинарного типа; в разделе “Elements” поставить 19, а в разделе “Constructs” – 20, так как имеется 19 ролей и 20 вариантов их комбинаций. После этого следует заполнить решетки: в клетках, которые были отмечены респондентами галочками или закрашены, требуется поставить цифру 1, а в пустых клетках – 0. Затем в разделе “Edit constructs or elements” необходимо указать все роли и выработанные конструкторы: конструкторы под буквой А (выявленный полюс) обозначены заголовком “Emergent poles”, конструкторы под буквой Б (противоположный полюс) – “Implicit poles”, роли – “Elements”. Далее следует нажать на кнопку “Analyses” и выбрать панель “Summary Indices”, в которой необходимо выбрать два диагностических индекса из предлагаемых четырех: “Matching score (Bieri Complexity)” и “Intensity (Fransella and Bannister)”. “Matching score” – индекс Биери, который показывает уровень дифференцированности конструкторов, а “Intensity” – индекс Баннистера, который показывает уровень их интегрированности. Полученные индексы имеют значения от 0 до 1. Значения от 0 до 0,5 говорят о низком уровне дифференцированности и низком уровне интегрированности, а значения от 0,5 до 1 – о высоком уровне дифференцированности и высоком уровне интегрированности.

Испытуемые с индексом Биери $< 0,5$ и индексом Баннистера $< 0,5$ являются когнитивно простыми, а испытуемые с индексом Биери $> 0,5$ и индексом Баннистера $> 0,5$ – когнитивно сложными. Испытуемые с индексом Биери $< 0,5$, а индексом Баннистера $> 0,5$ и наоборот: с индексом Биери $> 0,5$, а индексом Баннистера $< 0,5$ – признаются носителями смешанного типа [Galifa 2000].

В результате обработки решеток программой “Idiogrid” 200 испытуемых были разделены следующим образом: когнитивно сложные – 84

человека (42%); когнитивно простые – 97 человек (48,5%); носители смешанного стиля – 19 человек (9,5%). Настоящее исследование посвящено изучению полюсных значений; данные по испытуемым, вошедшим в зону неопределенности, оставлены без рассмотрения.

Во второй части эксперимента респондентам был предложен текст на иностранном (английском) языке, представляющий собой отрывок из произведения английской классической художественной литературы объемом 307 слов (Приложение 4). От респондентов требовалось прочитать текст, понять его содержание и передать смысл предложенного текста с помощью средств родного языка, создавая и выстраивая свой собственный текст в письменной форме. На выполнение данного задания было отведено 60 минут.

Представленный текст обладает следующими характеристиками: стиль – художественный, жанр – литературно-художественный (юмор), ведущая функция – экспрессивная, ведущая архитектонико-речевая форма – диалог. Экстралингвистические характеристики: автор текста Ч. Диккенс, заголовок отсутствует, текст является отрывком из произведения «David Copperfield». Краткое содержание: текст представляет собой разговор Дэвида Копперфилда и извозчика мистера Баркиса об отъезде главного героя в Ярмут и о кулинарных способностях служанки Клары Пегготи. Характеристика лексических средств: основной лексический фон представлен общеупотребительной лексикой (*said, take, ate, made, saw, sat, whistle*), также присутствует разговорная и просторечная лексика (*stage-catch, 'em, parsties, doos*), экспрессивная лексика (междометия “*Ah!*”, “*Oh*”, шуточная и ироническая игра слов “*sweethearts – sweetmeats*”). Грамматические особенности: тип темпоральности – преобладание глаголов времени Past Indefinite (*asked, said, observed, ate, saw, made*). Отдельные примеры отклонения от основного типа темпоральности – сказуемые в Present Indefinite (*person walks, she makes*) – не оказывают влияния на общую тенденцию (речь идет о регулярных, повторяющихся действиях, требующих,

согласно правилам английской грамматики, употребления форм Present Indefinite: в первом случае – о регулярных прогулках, во втором – о постоянном приготовлении выпечки). В тексте отсутствуют сказуемые в страдательном залоге и глаголы в повелительном наклонении. Синтаксически относительно простой текст, преобладают простые предложения с прямой речью, также присутствуют сложные предложения: сложносочиненные, сложноподчиненные, условное предложение. Графические средства: присутствуют кавычки, оформляющие прямую речь. В тексте присутствуют два вида информации: эмоциональная и эстетическая информация. Эмоциональная информация выражается в преобладании активного залога сказуемого, темпоральности прошедшего времени, наличии просторечий, диалектизмов, передающих эмоции междометий. Эстетическая информация проявляется в употреблении игры слов. Источник текста индивидуальный (Ч. Диккенс), реципиент – массовый (текст адресован широкому кругу читателей). Коммуникативное задание текста заключается в реализации эстетической функции, юмористичности.

Выбор текста для изучения респондентами был обусловлен следующими факторами: возможность проявления наибольшего количества разных трансформационных операций и демонстрации наибольшего количества языковых черт на разных уровнях ЯЛ. Особенно этот критерий актуален для интенционального уровня: важно, чтобы предложенный текст давал возможность проявить языковые черты 'юмористичность' и 'буквальность' в рамках концепции С.А. Сухих, а также содержал прагматические компоненты, дающие возможность анализировать передачу прагматического потенциала текста носителями противоположных полюсов исследуемого КС. Не все тексты отвечают данным требованиям, некоторые тексты дают возможность анализа дискурса только на экспонентном и субстанциональном уровнях. Также немаловажен объем выбранного отрывка: он должен представлять собой законченное смысловое произведение, завершенное по содержанию и понятное. Нельзя обрывать

текст на середине предложения или не включать в отрывок начальные и конечные предложения, так как это может отрицательно повлиять на понимание его содержания респондентами. При выборе объема текста автор следовал общей научной традиции и принципам методики эксперимента, согласно которым берутся относительно короткие тексты (например, в лингвистических диссертациях по когнитивным стилям Е.В. Бесединой, В.В. Киселёвой, И.А. Степановой). Чрезмерно длинный текст увеличит количество времени, затрачиваемое на его интерпретацию, что может привести к потере концентрации внимания и интереса у респондентов и, несомненно, повлияет на качество их работы в негативную сторону. Таким образом, выбранный для изучения респондентами текст должен быть относительно коротким по объему, законченным по смыслу и при этом содержать возможности для проявления наибольшего количества трансформационных операций и языковых черт.

По завершении второй части эксперимента полученные тексты испытуемых были проанализированы на предмет особенностей выражения смысла исходного текста и построения персонального текста когнитивно сложными респондентами (далее – КСР) и когнитивно простыми респондентами (далее – КПР). Следует отметить, что в настоящей работе исследуется не качество перевода, а то, каким образом респонденты продуцируют текст, что из содержания исходного текста передают и какими способами. Как уже было сказано ранее, в связи с отсутствием профессиональных навыков участников эксперимента, деятельность респондентов считается не переводческой, а интерпретирующей. Далее представлены выявленные закономерности продуцирования текста КСР и КПР.

2.2. Лингвистические особенности продуцирования текста и языковые черты когнитивно сложных и когнитивно простых личностей

2.2.1. Экспонентный уровень анализа дискурса

Экспонентный уровень характеризует языковую компетенцию личности. Согласно С.А. Сухих, данный уровень выявляет «языковые черты ‘персуативность’, ‘голословность’, ‘хэзитивность’, ‘активность’ и ‘созерцательность’» [Сухих 1998: 110].

Языковая черта ‘персуативность’ обнаруживается «когда при наличии достоверного факта используется дополнительная и даже избыточная аргументация и высокая степень аффирмативности в пропозиции» [Сухих 1998: 112]. Данная языковая черта характерна для аргументативного дискурса, предполагающего обоснование своей точки зрения, приведение доказательств, разрешение неопределенности или выражение сомнений относительно каких-либо данных, но не нарративного дискурса, исследуемого в настоящей работе. Как уже было сказано, деятельность респондентов в настоящем исследовании связана с прочтением исходного текста на иностранном языке и продуцированием собственного текста средствами родного языка. От испытуемых не требовалось давать пояснения или комментарии, в которых содержались бы их суждения относительно текста, выводы, доказательства своей позиции, т. е. благодаря которым могла бы проявиться языковая черта ‘персуативность’. Таким образом, в нарративном дискурсе данная языковая черта проявиться не может. Далее в работе будут представлены результаты только по тем языковым чертам концепции ЯЛ С.А. Сухих, которые способны проявиться в нарративном дискурсе.

Языковая черта ‘голословность’ «выражается в констатации факта при неточном знании, проявлении высокой степени утвердительности, не

допускающей развернутой аргументации, а также в минимальной аргументации при констатации достоверных фактов» [там же]. Аналогично, данная черта также проявляется в аргументативном, а не нарративном дискурсе.

Языковая черта ‘хэзитивность’, или ‘сомневаемость’ «свидетельствует об ограниченной осведомленности респондента, его неуверенности и проявляется в использовании языковых маркеров со значением вероятности, неопределенности» [там же]. Аналогично, данная черта может быть выявлена в аргументативном, а не нарративном дискурсе.

Языковые черты ‘активность’ и ‘созерцательность’ способны проявиться как в аргументативном, так и в нарративном дискурсе, поэтому в настоящей работе они будут рассмотрены более детально.

С.А. Сухих отмечает, что языковые черты ‘активность’ и ‘созерцательность’ определяются выбором конструкций со значением динамичности или статичности, активности или пассивности. Выделение этих черт основано на положении У. Чейфа о том, способы вербализации опыта зависят от индивидуальных различий [Чейф 1975]: при описании одной и той же ситуации одни респонденты чаще используют предикативные единицы, другие – номинативные. Выражая смысл исходного текста и создавая собственный текст на родном языке, участники эксперимента могут придавать единицам значение активности, трансформируя их из номинативных форм в предикативные, или наоборот, лишая значения активности, номинализируя их.

2.2.1.1. Языковая черта ‘активность’

Языковая черта ‘активность’ характеризуется заменой единиц исходного текста на единицы с более выраженным значением активности в создаваемом тексте. По мнению С.А. Сухих, «формальным маркером «активности» является предпочтение глагольных форм со значением действия, процесса, конструкций со значением динамичности и

предикативных единиц вместо номинативных» [Сухих 1998: 111]. В результате построения текста на родном языке языковая единица оригинала, имеющая значение статичности, может быть преобразована в единицу со значением динамичности. Рассмотрим конкретные примеры преобразований, свидетельствующих о проявлении языковой черты 'активность'.

1. Актантная деривация – «изменение ситуации, в результате которого она преобразуется в новую ситуацию с соответствующим изменением состава аргументов и/или их семантических функций» [Плунгян 2011: 202].

В концепции С.А. Сухих языковая черта 'активность' проявляется в том случае, если происходит смена семантической роли актанта на более активную в рамках одной ситуации, например, при смене категории залога с пассивного на активный. Аналогично, обратные изменения – с активного залога на пассивный и смена семантической роли актанта на более пассивную – будет считаться проявлением языковой черты 'созерцательность'.

Общий принцип проявления языковой черты 'активность', представленный в концепции С.А. Сухих, рассмотрен в более детальном варианте, предложенном В.А. Плунгяном. Исследователь выделяет три типа актантной деривации, зависящих от характера преобразования ситуации: «(а) повышающий (добавление нового участника), (б) понижающий (устранение исходного участника) и (в) интерпретирующий (изменение семантической роли участника)» [Плунгян 2011: 202-213]. Также возможен смешанный тип актантной деривации, например, повышающий и интерпретирующий одновременно (такие примеры будут показаны ниже).

В настоящем исследовании изменения в сторону активности рассматриваются не в рамках отдельных конструкций, а в рамках целых ситуаций. Изменение ситуаций в результате залоговых преобразований приводит к изменению предикатных слов и набора актантов и/или их семантических функций, например, замене пассивных участников ситуации на активные, и наоборот.

Для анализа предложенных испытуемыми примеров актантной деривации взята за основу терминология актантов, представленная в концепции В.В. Богданова. Следует отметить, что в данной концепции актант является элементом синтаксической структуры, которому соответствует аргумент на уровне семантической структуры [Богданов 1977: 96]. В основе классификации В.В. Богданова лежат признак одушевленности и признак активной деятельности. Взаимодействие этих признаков друг с другом позволяет выделить глубинные падежи с конкретными ролями:

- агентив – активный одушевленный деятель, производитель действия: **Мама** печет пироги;
- элементив – активный неодушевленный производитель действия, стихийная сила, меняющая положение дел: **Паводок** погубил посевы;
- пациентив – пассивный одушевленный объект действия, состояния или отношения: Начальник уволил **работника**;
- объектив – неодушевленный предмет как объект действия, состояния или отношения, не подвергающийся изменениям: Он открыл **калитку**;
- инструментатив – орудие, инструмент, посредством которого активный участник совершает действие: Он забил гвоздь **молотком**;
- медиатив – средство: Он укрыл ребенка **простыней**;
- бенефициатив – одушевленный объект, являющийся получателем выгоды или ущерба от действия: У **соседа** украли собаку;
- результатив – результат действия предиката, вследствие которого объект изменяет свое состояние: Он сварил **суп**;
- перцептив – одушевленный или неодушевленный объект физиологического или психического действия или состояния, предмет восприятия: Я смотрю на **цветы**;
- экспериенсив – одушевленный аргумент, находящийся в некотором физиологическом или психическом состоянии, которое выражается предикатом, субъект восприятия: **Я** рад подарку;

- ономасиатив – название, прозвище, кличка одушевленного или неодушевленного объекта: Эта река называется **Белая**;
- дескриптив – носитель свойства, выражаемого предикатом: Окна в доме **маленькие**;
- локатив – место: Он работает в **университете**;
- композитив – материал, вещество, содержимое, составной компонент предмета: Дом построен из **кирпича** [Богданов 1977: 52-55].

Следует подчеркнуть, что при анализе работ респондентов оценивалось не литературное качество текстов, а те операции над исходным текстом, которые совершили КСР и КПР. Трансформационные операции, применяемые респондентом для выражения смысла оригинального текста при построении собственного текста на родном языке, являются отражением его индивидуальных особенностей мышления, привычных и присущих только ему способов изложения мыслей, т. е. КС.

Далее будут рассмотрены конкретные примеры проявления языковой черты ‘активность’. Результаты анализа представлены в двух формах: а) вербально-описательный способ, показывающий, какое количество КСР и КПР применили то или иное преобразование в числовом выражении для каждого примера; и б) статистический способ, ориентированный на получение дальнейших выводов с помощью специфических инструментов математической статистики. Представленный анализ построен следующим образом: 1) перечисление основных примеров выражения языковой черты ‘активность’ с указанием количества КСР и КПР, проявивших указанную языковую черту; 2) последующее представление результатов статистической обработки полученных данных.

1) *No **person** walks with **her**?*

***Она** ни с кем не гуляет? / **Она** ни с кем не встречается? / Нет никого, с кем **она** встречается? / **Она** с кем-нибудь прогуливается? / **Она** с кем-нибудь ходит гулять? / **Она** никого не держит на примете? / **Она** ни с кем не водит знакомство? / **Она** одна все время? (47 КСР; 8 КПР).*

В полученных работах пациентив *her* заменен на агентив *она*. Это пример интерпретирующего типа актантной деривации: в результате межъязыкового преобразования изменяются семантические роли участников ситуации с пассивной на активную (*her* – *она*) и наоборот (*person* – *ни с кем, с кем-нибудь*). Таким образом, лексическая единица оригинала *her* становится активной.

Следует отметить, что при построении данного предложения была проявлена не только языковая черта ‘активность’, но и другие языковые черты. Так, КСР активно применяли операции конкретизации, логического развития, антонимического перевода; когнитивно простые – генерализации. Подробнее обо всех этих трансформациях будет сказано ниже, в соответствующем разделе для каждой языковой черты. В настоящем разделе приведены примеры остальных респондентов для демонстрации разнообразия языковых черт, применяемых в рассматриваемом предложении:

(1) *А нет ли человека, прогуливающегося с ней / гуляющего с ней / разгуливающего с ней / бегающего за ней?* (языковая черта ‘созерцательность’: 8 КСР; 49 КПР);

(2) *Никто с ней не общается? / Никто не проводит с ней время? / С ней никто не водится? / С ней кто-нибудь общается? / У нее есть кто-нибудь? / Никто не бывает у нее? / Она ни с кем не общается?* (языковая черта ‘абстрактность’: 0 КСР; 48 КПР);

(3) *У нее нет любимого человека / нет ли у нее какого-нибудь обольстителя / дорогого человека / кого-то дорогого сердцу / друга / у нее нет никаких возлюбленных?* (языковая черта ‘ассоциативность’: 35 КСР; 0 КПР);

(4) *“Воздыхателей, что ходят вокруг нее” / За ней кто-нибудь ухаживает? / У нее есть кто-нибудь? / Она одна все время? / Она с кем-нибудь ходит гулять? / А с ней кто-нибудь общается? / Есть ли кто-нибудь, кто вертится вокруг нее?* (языковая черта ‘противоположность’: 54 КСР; 9 КПР);

(5) *Никто за ней не ухлестывает / есть ли кто-нибудь, кто вертится вокруг нее? / Неужели до сих пор за ней никто не приударил!? / Она ни с кем не хороводится / не якшается / не дружится? / Кто-нибудь захаживает к ней? / Никто ее не обхаживает?* (языковая черта ‘прагматичность’ 8 КСР; 0 КПР).

Следует обратить внимание, что в одном и том же предложении может быть совершено сразу несколько преобразований и таким образом зафиксировано проявление двух или более языковых черт одновременно, а не только одной. Например, актантная деривация может сочетаться с трансформациями логического развития, антонимического перевода и др.; такие примеры будут показаны в соответствующих разделах. Так, вариант *Она одна все время?* обнаруживает одновременно языковые черты ‘активность’, ‘ассоциативность’ и ‘противоположность’. Аналогично, *Есть ли кто-нибудь, кто вертится вокруг нее?* – одновременно языковые черты ‘противоположность’ и ‘прагматичность’. Именно поэтому один и тот же пример будет проанализирован в нескольких разделах с точки зрения каждой проявленной в нем языковой черты.

В настоящем параграфе рассматриваются только те примеры, которые отвечают критериям языковой черты ‘активность’ независимо от того, проявилась ли эта черта одна или в сочетании с другой языковой чертой одновременно.

2) *And there I shall take you to the stage-cutch, and **the stage-cutch** that'll take **you** to - wherever it is* (56 КСР; 3 КПР).

*Я доведу тебя до дилижанса, а там уже **ты** доберешься, куда следует / а на дилижансе **ты** сможешь доехать куда угодно / сможешь добраться куда угодно (здесь подразумевается участник ситуации **ты**) / **ты** доедешь до нужного места.*

Это пример смешанного типа актантной деривации – понижающего и интерпретирующего. С одной стороны, в одном из примеров устранен один из участников ситуации – дилижанс (*ты доберешься, куда следует* – не

сказано, что на дилижансе), с другой – заменяется пациентив *you* на агентив *ты*.

3) ... *which made no more impression on his big face than it would have done on an elephant's* (56 КСР; 0 КПР).

...а его **большое лицо** осталось таким же равнодушным, каким могло бы быть у слона / при этом его **толстое лицо** оставалось совершенно безучастным, как у слона / а его **большое лицо**, словно слоновье, не выразило по этому поводу никаких эмоций / а его **широкое лицо** по-прежнему выражало нерушимое спокойствие, словно это был слон / а его **круглое лицо** никак не изменилось при этом, точно слоновье.

В результате преобразования происходит замена локатива *his big face* на экспериенсив *его большое / толстое / широкое лицо*, при этом приобретается активное значение. Это пример интерпретирующего типа актантной деривации.

2. Замена адъективированного причастного предиката действия на глагольный предикат действия.

1) *He sat looking at the horse's ears...*

Он сидел и **смотрел** на уши лошади / **рассматривал** лошадиные уши / **посматривал** / **вглядывался** (81 КСР; 14 КПР).

2) ...*he didn't whistle, but sat looking at the horse's ears* (76 КСР; 15 КПР).

<...> а лишь сидел и **всматривался** в лошадиные уши / **поглядывал** на уши лошади / **таращился** / **наблюдал** за лошадиными ушами.

В примерах 1) и 2) адъективированное причастие *looking* заменено на глагольный предикат действия *смотрел, рассматривал, посматривал, вглядывался, поглядывал и т. д.*, приобретая, таким образом, более активное значение.

Причастие как форма глагола, обозначающая признак предмета, связанный с действием, совмещает в себе свойства глагола и прилагательного [Виноградов 1972]. Причастие содержит одновременно статичное значение (свойство прилагательного) и динамичное значение

(свойство глагола). Преобразование причастия в глагол означает сообщение динамического значения исходной единице, что свидетельствует о проявлении языковой черты «активность».

3) ...*he being*, as I observed in a former chapter, of a *phlegmatic temperament*... (79 КСР; 13 КПР).

...он **был** ... флегматиком по темпераменту / **имел** флегматичный темперамент...

Адъективированный причастный предикат состояния заменяется на глагольный предикат состояния, приобретая, таким образом, более активную форму.

3. Замена единиц с номинативным характером на единицы с предикативным характером:

1) *As this was a great deal for the carrier (whose name was Mr. Barkis)...*

...которого **звали** мистер Баркис... (65 КСР; 18 КПР).

В данном примере существительное *name* в оригинале заменено на глагол *звать*.

К маркерам языковой черты 'активность' С.А. Сухих относит выбор предикативных единиц для изложения смысла вместо номинативных. «Номинативные единицы служат для называния, обозначения предметов, явлений, качеств, действий, а предикативные – для сообщения о свойствах, процессах, действиях, отношениях предметов, явлений, качеств, действий» [СЛТ].

Произведение данной замены указывает на движение значения единицы от статичности к динамичности.

2) ... *and does all our cooking*.

... и все для нас **готовит** / и все умеет **готовить** / да и вообще все **готовит** (56 КСР; 3 КПР).

Существительное *cooking* в исходном тексте заменено на глагол *готовит*, таким образом, исходная единица меняет свое значение на более активное.

3) ...*which he ate at one **gulp**, exactly like an elephant...*

...он проглотил его **не жуя** / даже **не прожевав** / **не разжевав**, прямо как слон... (41 КСР; 4 КПР).

Произведена замена существительного *gulp* на предикат-деепричастие действия *не жуя*.

Таким образом, рассмотрено 9 примеров потенциального проявления языковой черты ‘активность’ в предложенном тексте. Количество КСР и КПР, проявивших языковую черту ‘активность’, для каждого примера указано в скобках. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 557 раз, а когнитивно простые испытуемые – 78 раз.

Следует отметить, что количество примеров из текста, в которых респонденты проявляют исследуемую языковую черту, существенно различается: одни респонденты проявили языковую черту ‘активность’ в 1, 2, 3 или 4 примерах из текста, другие – в 5, 6, 7, 8 или 9 примерах. Также были респонденты, не проявившие данную языковую черту вообще (0 примеров). В связи с этим важно показать распределение респондентов по числу примеров в специальной таблице, в которой представлено количество КСР и КПР, проявивших языковую черту ‘активность’ в примерах из текста от 0 до 9. Такая таблица (таблица 2) будет представлена ниже в рамках описания процедуры обработки полученных данных с помощью метода математической статистики.

Обработка экспериментальных данных производилась с помощью метода математической статистики – критерия хи-квадрат (χ^2) Карла Пирсона².

---

² Процедура и корректность статистических измерений подтверждена на консультациях с канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления Натробиной О.В., канд. пед. наук, доц. каф. физики и математики Алмазовой Т.А.

Критерий χ^2 – это статистический тест, применяемый для сопоставления двух, трех или более групп категориальных данных с целью оценки статистической значимости различий между фактическим количеством результатов, выявленным в результате эксперимента, и теоретическим количеством, ожидаемым в исследуемых группах в случае справедливости нулевой гипотезы (см. ниже). Данный критерий позволяет произвести расчет однородности экспериментальных выборок и установить отсутствие или наличие различий между двумя эмпирическими распределениями (см. ниже в табл. 2).

Прежде чем приступить к описанию процедуры статистической обработки, необходимо определить некоторые статистические понятия, которые понадобятся при анализе:

1) генеральная совокупность – множество всех мыслимо возможных единиц (конечное или бесконечное), обладающих типичностью, качественной однородностью и наличием вариации, над которыми проводится наблюдение. В настоящем исследовании имеется две генеральные совокупности: множество (а) когнитивно сложных личностей и (б) когнитивно простых личностей, отвечающих критериям однородности (студенты Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского института Лингвистики и мировых языков в возрасте 19-22 лет). Поскольку генеральные совокупности в настоящем исследовании не имеют временных границ (ввиду поступления в университет каждый год новых студентов и выпуска закончивших обучение), можно утверждать, что количество элементов в двух совокупностях условно бесконечно;

2) выборочная совокупность, или выборка – часть единиц из генеральной совокупности, которая отбирается в рамках эксперимента и на основе которой будет характеризоваться вся генеральная совокупность; результат ограниченного ряда наблюдений. В настоящем исследовании имеется две выборки – это КСР и КПП, принявшие участие в эксперименте;

3) объем выборки (N) – число случаев, включенных в выборочную совокупность. Выборки условно разделяются на большие и малые. В математической статистике принято считать выборки объемом до 30 элементов малыми, а более 30 – большими [Ивановский 2008: 227]. Малые выборки применяются для статистического контроля известных свойств уже изученных совокупностей, большие – для установки неизвестных свойств совокупности. Большие выборки характеризуются большей точностью исследования, так как результат выборочных наблюдений больше приближается к показателям всей генеральной совокупности. В нашем исследовании объем выборки когнитивно сложных личностей $N_1 = 84$ чел., когнитивно простых $N_2 = 97$ чел. Обе выборки являются большими, что является важным аспектом, поскольку мы исследуем неизвестные свойства – выраженность языковых черт в зависимости от полюса КС;

4) признак – свойство, характерная черта единиц совокупности, которая наблюдаема и измеряема. В настоящем исследовании признак – это выраженность языковых черт, которые наблюдаются в интерпретирующей деятельности респондентов. Признак измеряется количеством примеров из текста, в которых проявилась каждая языковая черта;

5) вариация – многообразие и изменчивость величины признака. Количество примеров проявления в тексте каждой языковой черты варьирует: например, рассматриваемая нами языковая черта ‘активность’ могла проявиться в тексте респондентов от 1 до 9 раз или не проявиться вовсе;

б) статистическая значимость – параметр, подтверждающий, что результаты исследования достигнуты не случайно, обнаружено влияние некоторого фактора, наблюдается связь (в настоящем исследовании – это влияние КС на выраженность той или иной языковой черты при выражении смысла исходного текста и построении собственного текста) на уровне значимости $p=0,05$ или $p=0,01$. Если $p=0,05$, существует 5% вероятность того, что полученные в ходе эксперимента результаты являются случайными и

95% вероятность, что они связаны с условиями, которые мы исследуем в эксперименте (зависимость способов и приемов передачи смысла от когнитивного стиля). Если $p=0,01$ – результаты эксперимента случайны с 1% вероятностью и обусловлены исследуемыми взаимосвязями с 99% вероятностью. Таким образом, значение p – это вероятность того, что был неправильно сделан вывод о взаимосвязи КС личности и выраженности языковых черт [Головин 1971].

Применение критерия χ^2 К. Пирсона в исследовании требует выполнения условий:

а) измерение проводится в любой шкале, начиная от шкалы наименований (то есть простого распределения по принципу ‘да’ или ‘нет’: ‘проявил языковую черту в тексте’ или ‘не проявил языковую черту в тексте’);

б) выборки случайны и независимы (т. е. респонденты для эксперимента отобраны случайным образом, а результаты измерения признака у испытуемых одной группы не влияют на результаты измерения этого же признака у испытуемых другой группы);

в) объем выборки достаточно большой: от 30 элементов и более; увеличение объема выборки повышает точность критерия;

г) теоретическая частота ячейки таблицы не должна быть меньше 5. Это значит, что минимальное количество наблюдений находится в зависимости от количества разрядов, на которые распределяется исследуемый признак, и определяется по формуле: $N_{min} = k*5$ (где k – количество разрядов, N – объем выборки) [Ахметжанова 2016: 47]. В настоящем исследовании максимальное количество разрядов, выделяемое для одной языковой черты равно 15 (что будет показано далее). Таким образом, минимальное количество участников эксперимента N_{min} составляет $15*5=75$. Поскольку число наблюдений настоящего исследования как для первой, так и для второй выборки превышает минимально необходимое число (количество когнитивно сложных респондентов $N_1=84$, количество

когнитивно простых респондентов $N_2=97$, можно утверждать, что условие настоящего пункта выполняется;

д) выбранные разряды должны быть неперекрещивающимися и охватывать весь диапазон вариативности признака, при этом категоризация разрядов должна быть одинаковой для всех сопоставляемых групп;

е) сумма наблюдений всех разрядов равна общему количеству наблюдений [Ахметжанова 2016: 47-48]. Все перечисленные условия соблюдены в эксперименте.

Таким образом, определены основные понятия математической статистики применительно к настоящему исследованию и ограничения применяемого нами критерия; далее следует описание процедуры анализа данных с помощью критерия χ^2 К. Пирсона.

Так как критерий предполагает работу с группированными данными, первый этап в его применении – это разбиение области определения полученных случайных величин на k разрядов, характеризующих выраженность исследуемого признака (языковой черты): $x_0, x_1 \dots x_k$ для N_1 и $y_0, y_1 \dots y_k$ для N_2 . В предлагаемом исследовании разряды представлены количеством примеров из текста, в которых была проявлена та или иная языковая черта. Поскольку количество примеров из текста (т. е. количество разрядов признака выраженности языковой черты) в нашем исследовании для каждой языковой черты различно, данный инструмент следует применять для каждой языковой черты по отдельности.

Для языковой черты ‘активность’ выраженность признака варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 9 примеров проявления в тексте; получается $k=10$. После разбиения области определения случайной величины на разряды, необходимо посчитать количество наблюдений, попадающих в каждый разряд k_i : количество респондентов, проявивших языковую черту ‘активность’ от k_0 до k_9 раз. Так как исследуются 2 независимые выборки (КСР и КНР), следует посчитать количество наблюдений отдельно для каждой группы испытуемых. Результат представлен в таблице 2, где k_i –

разряды исследуемого признака (количество примеров из текста, в которых была проявлена языковая черта ‘активность’), x_i – показатели когнитивно сложных респондентов (количество человек, проявивших языковую черту ‘активность’ в k_i примерах), y_i – показатели когнитивно простых респондентов.

Таблица 2. Показатели выраженности языковой черты ‘активность’

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
x_i	0	0	0	2	5	10	23	20	13	11
y_i	45	31	16	5	0	0	0	0	0	0

Представленная таблица показывает распределение всех примеров с языковой чертой ‘активность’ среди когнитивно сложных и когнитивно простых респондентов: 0 примеров (отсутствие употребления) соответствует 0 когнитивно сложных и 45 когнитивно простых респондентов; 1 пример – 0 когнитивно сложных и 31 когнитивно простых респондентов; 2 примера – 0 когнитивно сложных и 16 когнитивно простых респондентов; 3 примера – 2 когнитивно сложных и 16 когнитивно простых респондентов; 4 примера – 5 когнитивно сложных и 0 когнитивно простых респондентов; 5 примеров – 10 когнитивно сложных и 0 когнитивно простых респондентов и т. д. до 9 примеров.

Итак, представлено два эмпирических распределения (показатели когнитивно сложных респондентов, объем выборки 84 чел.: $N_1 = \{x_1, x_2, \dots, x_{84}\}$ и показатели когнитивно простых респондентов, объем выборки 97 чел.: $N_2 = \{y_1, y_2, \dots, y_{97}\}$) значений одного и того же признака (представленность языковой черты ‘активность’ в текстах респондентов в количестве примеров от 0 до 9). Выборки являются случайными и независимыми. Требуется проверить статистическую значимость различий в проявлении исследуемого признака в двух группах. Для этого требуется выдвинуть две гипотезы:

1) основная, или нулевая, гипотеза (H_0) – это гипотеза, которая свидетельствует об отсутствии различий между двумя экспериментальными группами и об отсутствии влияния фактора. Данная формулировка была скорректирована согласно цели и задачам настоящего исследования: различия в результатах проявления языковой черты ‘активность’ двух групп респондентов (когнитивно сложных и когнитивно простых) при передаче содержания одного и того же текста вызваны лишь случайными признаками, а фактор КС не оказывает существенного влияния на результат, т. е. различие значений незначимо;

2) альтернативная, или конкурирующая, гипотеза (H_1) является логическим отрицанием гипотезы H_0 и свидетельствует о наличии различий между двумя группами и влиянии исследуемого фактора. Применительно к настоящему исследованию гипотеза H_1 должна быть сформулирована следующим образом: уровни выраженности языковой черты ‘активность’ в двух группах испытуемых различны, и эти различия определяются влиянием неслучайного фактора (КС личности), т. е. различия являются значимыми, статистическая достоверность различий подтверждается.

Для расчета эмпирического значения критерия Хи-квадрат была применена формула (1), которая предназначена для сопоставления двух распределений [Ермолаев 2004: 143]:

$$(1) \quad \chi_{\text{эмп}}^2 = \frac{1}{N_1 * N_2} \sum_{i=1}^k \frac{(N_1 * y_i - N_2 * x_i)^2}{x_i + y_i},$$

где N_1 и N_2 – число элементов первой и второй выборок; числа могут как совпадать, так и быть различны; x_i и y_i – эмпирические значения признака первой и второй выборок, k – количество разрядов признака.

Для последующих расчетов требуется расширенный вариант таблицы 2 с указанием сумм значений признака:

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	$\sum(N_1; N_2)$
x_i	0	0	0	2	5	10	23	20	13	11	84
y_i	45	31	16	5	0	0	0	0	0	0	97
$x_i + y_i$	45	31	16	7	5	10	23	20	13	11	181

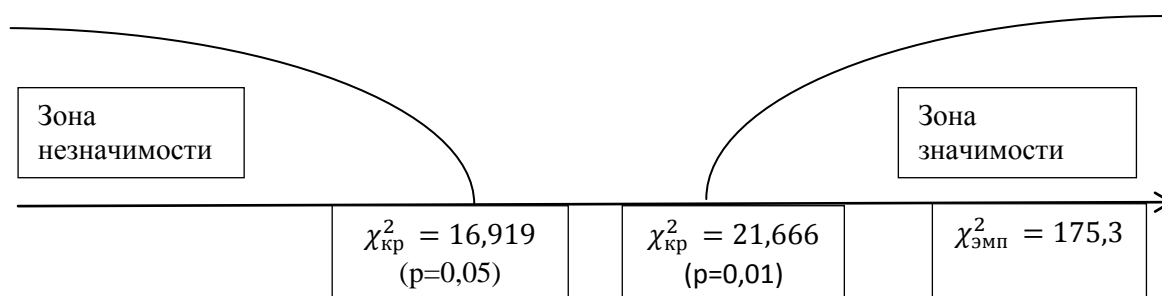
Подставив данные в формулу (1), получаем:

$$\chi_{\text{эмп}}^2 = \frac{1}{84 * 97} \left[\frac{(84 * 45 - 97 * 0)^2}{45} + \frac{(84 * 31 - 97 * 0)^2}{31} + \frac{(84 * 16 - 97 * 0)^2}{16} + \frac{(84 * 5 - 97 * 2)^2}{7} + \frac{(84 * 0 - 97 * 5)^2}{5} + \frac{(84 * 0 - 97 * 10)^2}{10} + \frac{(84 * 0 - 97 * 23)^2}{23} + \frac{(84 * 0 - 97 * 20)^2}{20} + \frac{(84 * 0 - 97 * 13)^2}{13} + \frac{(84 * 0 - 97 * 11)^2}{11} \right] = 175,25$$

Число степеней свободы рассчитывается по формуле $v = (k - 1) * (c - 1)$, где k – число строк, а c – число столбцов [Ахметжанова 2016: 47]. В данном случае $v = (10 - 1) * (2 - 1) = 9$. По таблице Приложения 5 находятся критические значения критерия хи-квадрат:

$$\chi_{\text{кр}}^2 = \begin{cases} 16,919 \text{ для } P \leq 0,05 \\ 21,666 \text{ для } P \leq 0,01 \end{cases}$$

Ось значимости:

На оси значимости левая зона называется «зоной незначимости» – в нее попадают все эмпирические значения, соответствующие уровню значимости

менее 0,05. Это значит, что значения данной зоны являются незначимыми, поэтому принимается гипотеза H_0 об отсутствии различий.

Правая зона называется «зоной значимости» – в нее попадают все эмпирические значения, превышающие уровень значимости 0,01, следовательно, значимые. В этом случае принимается гипотеза H_1 .

Промежуточная зона называется «зоной неопределенности». В этой зоне эмпирические значения являются значимыми на уровне значимости 0,05, но незначимыми на уровне значимости 0,01. В таких случаях гипотеза H_0 отклоняется, а гипотеза H_1 может приниматься (на уровне значимости 0,05) или не приниматься: такое решение принимается отдельно для каждого исследования в зависимости от других определяющих факторов (см. [Кокорина 2014]).

Полученная величина $\chi^2_{\text{эмп}} = 175,25$ попадает в зону значимости. Это означает, что гипотеза H_0 отвергается и принимается альтернативная гипотеза H_1 на уровне значимости 0,01. Следует отметить, что полученное эмпирическое значение существенно превышает критическое ($175,3 > 21,666$). Данный факт объясняется особенностями построения критерия χ^2 К. Пирсона:

1) полное совпадение двух экспериментальных распределений приводит к $\chi^2_{\text{эмп}} = 0$;

2) чем больше разница, тем выше величина $\chi^2_{\text{эмп}}$ [Ахметжанова 2016: 46].

В данном случае утверждение 2) позволяет интерпретировать полученный результат следующим образом: существует статистически значимая разница в проявлении исследуемого признака (языковой черты ‘активность’) между двумя сравниваемыми группами, и эта разница является достаточно большой.

Таким образом, различия в выраженности языковой черты ‘активность’ в зависимости от полюса КС являются статистически значимыми и

признаются достоверными, из чего следует сделать вывод, что когнитивно сложным личностям в большей степени присуща данная языковая черта.

В заключение целесообразно определить процентное выражение проявления языковой черты ‘активность’ для каждой группы респондентов. Для этого суммируются все примеры ее проявления отдельно для когнитивно сложных и когнитивно простых испытуемых, полученная сумма делится на максимальное количество примеров данной языковой черты в тексте, таким образом, получается среднее количество респондентов в расчете на 1 пример:

КСР: $(0*1+0*2+2*3+5*4+10*5+23*6+20*7+13*8+11*9) / 9 = 61,8 \sim 62$
чел. (74%)

КПР: $(31*1+16*2+5*3+0*4+0*5+0*6+0*7+0*8+0*9) / 9 = 8,6 \sim 9$
чел. (9%)

Таким образом, языковую черту ‘активность’ проявили 74% когнитивно сложных испытуемых и 9% когнитивно простых.

2.2.1.2. Языковая черта ‘созерцательность’

Языковая черта ‘созерцательность’ характеризуется движением от динамичности к статичности. К формальным маркерам ‘созерцательности’ относятся пассивные конструкции, использование номинативных единиц вместо предикативных, а также стальных предикатов [Сухих 1998: 111].

1. Актантная деривация в сторону созерцательности – смена семантической роли актанта с активной на пассивную:

She never had a sweetheart...

У нее никогда никого не было / у нее никогда не было дружка / у нее никого нет / у нее нет никакого возлюбленного / у нее никогда не было любимого (18 КСР; 90 КПР).

В предложенных примерах активный участник ситуации *she* преобразован в пассивного участника: *у нее / с ней*.

2. Замена глагольного предиката действия на адъективированный причастный предикат действия:

1) *No person **walks** with her?*

*А нет ли человека, **прогуливающегося** с ней / **гуляющего** / **разгуливающего** / **бегающего** за ней / **положившего** на нее **глаз** / **вскружившего** ей **голову** / **проявляющего** к ней **интерес**? (8 КСР; 49 КПР).*

В приведенном примере исходный глагол *walk* заменен на причастие *гуляющий* / *прогуливающийся* / *бегающий* и т. д.

Поскольку причастие совмещает в себе и глагольные значения, связанные с действием, и адъективные, его следует разместить на шкале «статичность / динамичность» в промежуточную позицию между прилагательным и глаголом. Промежуточное значение причастия отмечал В.А. Богородицкий [Богородицкий 1935]. Таким образом, переход глагола в причастие означает уменьшение степени динамичности оригинальной единицы и потерю признака активности, следовательно, это является проявлением языковой черты «созерцательность».

2) *“So she **makes**,” said Mr. Barkis <...> “all the apple **parsties**, and **doos** all the **cooking**”...*

*Так значит, все эти пирожки и прочая выпечка **сделаны** / **приготовлены** / **изготовлены** ею (7 КСР; 58 КПР).*

Глаголы *take* и *does* преобразованы в краткие причастия: *сделаны*, *приготовлены*, *изготовлены*.

3. Номинализация. В результате преобразований единица в продуцируемом на родном языке тексте может утратить значение активности, что выражается в употреблении предикатов состояния или свойства вместо действия или процесса, а также предпочтении номинативных единиц предикативным. К таким преобразованиям относится номинализация – употребление существительного там, где в оригинале использовалась другая часть речи: глагол, прилагательное или наречие. В.А. Плунгян называет такие существительные «номинализированными» [Плунгян, 2011: 173]. Рассмотрим следующие примеры.

1) *As this was a great deal for the carrier <...> **to say**...*

Извозчику <...> **разговоры** давались довольно трудно / это была длинная **речь** / слишком длинное **предложение** / слишком длинный **монолог**... (16 КСР; 47 КПР).

Произведена номинализация глагола *to say* – он преобразуется в существительное: *разговоры, речь, монолог, предложение*.

2) *He made up his mouth as if to whistle...*

Он состроил гримасу как во время **свиста** / скривил лицо как будто для **свиста**... (3 КСР; 63 КПР).

Глагол *whistle* преобразуется в существительное *свист*.

3) *For I thought he wanted something else to eat...*

Я подумал, что он хочет еще какой-нибудь **еды** / желает продолжить **перекус** / ждет еще какого-нибудь **угощения** / какой-нибудь **закуски** / каких-нибудь **вкусностей** от меня (13 КСР; 68 КПР).

Аналогично, глагол *eat* в оригинале превращается в существительное *еда, угощение, закуска, перекус, вкусности*.

4) *... and had pointedly alluded to that description of refreshment*

...и поэтому сделал **намек** на эту закуску / делал на это **намек** / упомянул это в качестве **намек** / на что и делает **намек** (14 КСР; 65 КПР).

Глагол *allude* преобразован в существительное *намек*.

5) *She makes all our pastry....*

Да, вся наша выпечка – это ее **забота** / это ее рук **дело** / вся эта выпечка – ее **работа** (8 КСР; 41 КПР).

Глагол *take* в оригинале трансформируется в существительные *дело, забота* или *работа*.

Таким образом, рассмотрено 8 примеров потенциального проявления языковой черты ‘созерцательность’ в предложенном тексте. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 87 раз, а когнитивно простые – 481 раз.

Для обработки полученных данных был использован критерий χ^2 К. Пирсона, подробно описанный в предыдущем параграфе. Процедура применения критерия аналогичная. В настоящем и последующих параграфах процедура применения критерия χ^2 будет представлена в сокращенном варианте: показаны числовые данные, различные для каждой языковой черты, однако описание подсчетов по формуле опускается, поскольку оно идентично для каждой языковой черты и было подробно рассмотрено в разделе 2.2.1.1. Языковая черта ‘активность’.

Выраженность языковой черты ‘созерцательность’ варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 8 примеров из текста. Таким образом, $k=9$. Количество наблюдений для каждого разряда (КСР и КНР, проявивших языковую черту ‘созерцательность’ в тексте от 0 до 8 раз) представлено в таблице 3, где k_i – разряды исследуемого признака (т. е. количество примеров из текста, в которых была проявлена языковая черта ‘созерцательность’), x_i – показатели когнитивно сложных респондентов (количество человек, проявивших языковую черту ‘созерцательность’ в k_i примерах), y_i – показатели когнитивно простых респондентов.

Таблица 3. Показатели выраженности языковой черты
‘созерцательность’

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	31	28	18	5	2	0	0	0	0	84
y_i	0	2	5	8	22	25	19	10	6	97

Число степеней свободы: $v = (9 - 1) * (2 - 1) = 8$. По таблице Приложения 5 критические значения критерия χ^2 :

$$\chi_{кр}^2 = \begin{cases} 15,507, p \leq 0,05 \\ 20,090, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение $\chi^2_{эмп} = 142$ входит в зону значимости ($142 > 20,090$), следовательно, гипотеза H_0 отвергается и принимается гипотеза H_1 на уровне значимости 0,01. Следовательно, различия в выраженности языковой черты ‘созерцательность’ в зависимости от полюса КС являются статистически значимыми и признаются достоверными, из чего следует сделать вывод, что когнитивно простым личностям в большей степени присуща данная языковая черта.

Среднее процентное выражение проявления языковой черты ‘созерцательность’ для каждой группы респондентов:

КСР: 10,9 ~ 11 чел. (13%)

КПР: 60 чел. (62%)

Таким образом, языковую черту ‘созерцательность’ проявили 13% когнитивно сложных испытуемых и 62% когнитивно простых, что говорит о большей выраженности данной черты у представителей полюса ‘когнитивная простота’.

2.2.1.3. Языковая черта ‘транспозиция’

Языковые черты ‘активность’ и ‘созерцательность’ выражаются в преобразованиях единиц из номинативных форм в предикативные и наоборот. Однако в полученных текстах были также замечены иные преобразования, касающиеся единиц других частей речи, например, переход из прилагательного в существительное или наречие. Поскольку в концепции С.А. Сухих не выделяются языковые черты, описывающие такие переходы, и в то же время подобного рода преобразования относятся именно к языковому (экспонентному) уровню, мы вводим дополнительную языковую черту, которую называем ‘транспозиция’. Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, данный термин означает: в широком смысле – перенос любой языковой формы, использование одной языковой формы в функции другой формы; в узком смысле – перевод слова (или основы слова)

из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи [ЛЭС]. Рассмотрим следующие примеры:

1. Замены существительного наречием:

1) ... *which he ate at one gulp*...

... который он проглотил залпом / целиком / мгновенно / сразу / моментально / махом / миг / мигом / тотчас... (43 КСР; 0 КПР).

2) “*So she makes,*” said Mr. Barkis, after a long interval of *reflection*...

“Так значит, это она,” – задумчиво произнес мистер Баркис... (64 КСР; 13 КПР).

Существительное *reflection* (размышление, обдумывание) заменено на наречие *задумчиво*.

2. Замены существительного прилагательным:

1) ...*and which made no more impression on his big face*...

... а его большое лицо оставалось невозмутимым / равнодушным / спокойным / безмятежным / безучастным / бесстрастным... (54 КСР; 14 КПР).

2) ...*than it would have done on an elephant's*.

...чем могло бы произвести на слоновье (58 КСР; 8 КПР).

3) ... *sat looking at the horse's ears*.

... а лишь сидел и смотрел на лошадиные уши (57 КСР; 5 КПР).

3. Замена прилагательного существительным:

... *he being ... of a phlegmatic temperament*...

...он был флегматиком по темпераменту / отличался своей флегматичностью... (47 КСР; 18 КПР).

4. Замена прилагательного наречием:

...*and sat so for a considerable time*.

...и сидел так довольно долго / достаточно долго / очень долго / довольно-таки долго / весьма долго (70 КСР; 12 КПР).

5. Замена причастия наречием:

... *leaning forward, in his slouching way* ...

... *сутуло наклонившись вперед*... (35 КСР; 6 КПР).

Таким образом, рассмотрено 9 примеров потенциального проявления языковой черты ‘транспозиция’ в предложенном тексте. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 428 раз, а когнитивно простые испытуемые – 76 раз. Полученные данные анализировались с помощью критерия χ^2 К. Пирсона.

Выраженность языковой черты ‘транспозиция’ варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 8 примеров из текста. Таким образом, количество разрядов $k=9$.

Результаты распределения исследуемого признака (количества примеров проявления языковой черты ‘транспозиция’) представлены в таблице 4.

Таблица 4. Показатели выраженности языковой черты ‘транспозиция’

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	0	2	3	6	19	21	17	9	7	84
y_i	50	24	18	4	1	0	0	0	0	97

Значение $\chi_{эмп}^2=149$. Количество степеней свободы $\nu = (9 - 1) * (2 - 1) = 8$.

$$\chi_{кр}^2 = \begin{cases} 15,507, p \leq 0,05 \\ 20,090, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты ‘транспозиция’ в двух сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты ‘транспозиция’ для каждой группы респондентов:

КСР: 57 чел. (68%)

КПР: 9,5 ~ 10 чел. (10%)

Таким образом, языковую черту ‘транспозиция’ проявили 68% когнитивно сложных респондентов и 10% когнитивно простых, что говорит о большей выраженности данной черты у носителей полюса ‘когнитивная сложность’.

2.2.2. Субстанциональный уровень анализа дискурса

Субстанциональный уровень «включает в себя семантические параметры темы: способы развития темы, объемы референции семантических единиц, когерентность развития темы; на нем проецируются структуры тезауруса ЯЛ» [Сухих 1998: 110]. Ю.Н. Караулов в качестве дескрипторов тезауруса выделяет генерализованные высказывания, дефиниции, афоризмы, крылатые выражения, пословицы и поговорки. Из всего многообразия этих единиц ЯЛ выбирает те, что «соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают тем самым «вечные», незыблемые для нее истины, в значительной степени отображающие, а значит и определяющие ее жизненное кредо, ее жизненную доминанту» [Караулов 1987: 52-53].

Согласно концепции С.А. Сухих, для данного уровня характерны языковые черты ‘конкретность’ – ‘абстрактность’ и ‘аналитичность’ – ‘синтетичность’ [Сухих 1998: 113]. Данные языковые черты способны проявиться как в аргументативном, так и нарративном дискурсе.

2.2.2.1. Языковая черта ‘конкретность’

Языковая черта ‘конкретность’ выражается в предпочтении при построении текста языковых единиц с более узкой сферой референции. Она проявляется при применении респондентом трансформации конкретизации, которая сопровождается привнесением новых элементов смысла в содержание оригинала. Рассмотрим следующие примеры:

1. Конкретизация значения действия:

1) *She makes all our pastry and **does** all our cooking.*

*Она готовит всю выпечку и **ответственна** за все дела на кухне / она готовит всю выпечку и **несет ответственность** за все приготовления / и **заведует** всей кухней / и **руководит** всем на кухне / и вообще все **умеет** готовить (56 КСР; 25 КПР).*

В данном примере наблюдается факт конкретизации значения предиката действия *does*. Данный предикат, имеющий значения *делать, выполнять, заниматься, действовать, вести себя, готовить* представлен следующим образом: *ответственна, несет ответственность, умеет (готовить), заведует*. Предикаты *заведует* и *руководит* (*распоряжаться, управлять*) содержат более дифференцированные семы образа действия, а предикаты *быть ответственным за что-л., нести ответственность (выполнять все свои обязанности вовремя), уметь (обладать необходимыми знаниями или навыками)* содержат более дифференцированные семы состояния по сравнению с исходным вариантом *делать*.

2) Конкретизация предиката действия *said*:(1) *“That’s about it,” **said** the carrier.*

*“Да, примерно так,” – **ответил** извозчик (76 КСР; 18 КПР).*

Ответить означает *сказать что-либо в ответ на чьи-то слова или действия, откликнуться*.

(2) *“Did she make 'em, now?” **said** Mr. Barkis...*

*“Это она их готовила?” – **спросил / начал / буркнул / пробурчал / промычал** мистер Баркис (75 КСР; 16 КПР).*

Спросить означает *обратиться с вопросом с целью выяснить что-либо; начать* означает *приступить к какому-л. действию (начать говорить); буркнуть, пробурчать* значит *произнести отрывисто, тихо, невнятно; промычать – произнести что-то нечленораздельно, невнятно*.

(3) *“Ah!” **said** Mr. Barkis. “Her.”*

“Ах!” – **воскликнул** мистер Баркис. “Её”. / “Ага,” – **повторил** / **отозвался** мистер Баркис. “О ней” (61 КСР; 9 КПР).

Воскликнуть означает произнести громко, выразительно, с чувством; *повторить* означает сказать что-то еще раз, вторично; *отозваться* означает ответить на чье-л. обращение, откликнуться, сказать что-л. в ответ.

(4) “Do she though?” **said** Mr. Barkis.

“Неужели?” – **спросил** / **протянул** / **удивился** мистер Баркис / “Правда!?” – **вопросил** мистер Баркис. / “Да ты что!” – **выпалил** мистер Баркис (72 КСР; 12 КПР).

Протянуть означает произносить медленно, растягивая слова. *Удивиться* означает прийти в состояние удивления из-за несоответствия между действительностью и собственными представлениями. *Вопросить* значит задать вопрос важным, значительным тоном. *Выпасть* – сказать быстро и неожиданно.

(5) *By-and-by, he said...*

Через какое-то время он выдал / пробормотал... (62 КСР; 10 КПР).

Выдать означает сказать что-то неожиданно, внезапно; *пробормотать* – сказать тихо, невнятно.

(6) “Hearts,” **said** Mr. Barkis.

“Любовь,” **пояснил** / **повторил** / **уточнил** мистер Баркис (72 КПР; 7 КСР).

Пояснить означает объяснить, сделать более понятным; *уточнить* означает придать более точную формулировку.

(7) “Didn't she, though?” **said** Mr. Barkis.

“Неужто?” – **переспросил** / **засомневался** / **пробормотал** мистер Баркис (60 КСР; 8 КПР).

Переспросить означает задать вопрос к чему-л. сказанному, прося повторить, сказать что-л. еще раз. *Засомневаться* означает выразить сомнение, недоверие; *пробормотать* – сказать тихо, невнятно.

(8) “*So she makes,*” *said* Mr. Barkis...

“Итак”, - **отметил** мистер Баркис. – “Это она готовит”... / “Значит”, - **подчеркнул** / **заметил** мистер Баркис... / “Так значит”, - **пояснил** / **произнес** мистер Баркис... (58 КСР; 4 КПР).

Предикаты *отметить*, *подчеркнуть*, *заметить* означают *обратить внимание на что-л., особо выделить каким-л. образом, указать на что-л.*

Таким образом, все предложенные глаголы содержат не только общую доминантную сему *сказать*, но и более дифференцированные семы образа действия по сравнению с исходным *said*.

4) *Oh, no. She never had a sweetheart.*

О, нет. Она не **встречается** с парнями / она не **общается** с молодыми людьми / не **дружит** / не **водится** / не **знакомится** с мужчинами (61 КСР; 5 КПР).

Исходный предикат состояния *have* (*иметь*) заменяется на конкретизированные предикаты действия: *встречаться* (*ходить на свидания, быть в близких отношениях*); *ходить* (*прогуливаться, посещать интересные места*); *общаться* (*поддерживать отношения, встречаться*); *знакомиться* (*заводить знакомства*), или конкретизированные предикаты состояния: *дружить* (*находиться в дружбе, делиться сокровенным*); *водиться* (*поддерживать знакомство, дружеские отношения, встречаться*).

2. Конкретизирующая синекдоха – замена целого частью:

1) ... *said* Mr. Barkis...with **an arm** on each knee.

... **положив ладони** на колени / **упираясь локтями** в колени... (55 КСР; 0 КПР).

Существительное *arm* (*рука*) заменено на существительные *локти* / *ладони* (локти и ладони являются составной частью целого *рука*).

2) *He made up his mouth as if to whistle...*

Он **вытянул губы** / **свернул губы** / **скривил губы** / **поджал губы** / **выпятил губы** / **сомкнул губы** / **сложил губы** / **сжал губы** / **напряг губы**... (65 КСР; 0 КПР).

Аналогично, *mouth (rom)* заменяется на существительное *зубы (зубы)* являются составной частью целого *rom*).

3. Конкретизация значения предмета при повторной номинации.

Если ранее в тексте уже упоминался какой-либо предмет, впоследствии он может обозначаться в оригинале более общими словами, например, неопределенно-личным местоимением *one* или иными. При интерпретации текста такие общие слова могут быть конкретизированы в соответствии с упомянутым ранее предметом, к которому они относятся.

1) "Did she make *'em*, now?"

Это она испекла пирог / пирожок / пирожное / торт / кекс / штрудель / сочник / лепешку? (47 КСР; 3 КПР).

Ранее в тексте уже говорилось о предложенной в качестве угощения выпечке, поэтому при последующем обсуждении пирогов, тортов, кексов используется местоимение в объектном падеже *them ('em)*. Так как данное местоимение используется для повторной номинации пирогов / тортов / кексов, некоторые респонденты конкретизировали его.

2) *For I thought he wanted something else to eat...*

Я подумал, что он хочет съесть еще одно пирожное / еще один пирожок / кекс / сочник / еще одну лепешку / что он не отказался бы от еще одного кусочка торта (44 КСР; 0 КПР).

Аналогично, неопределенное местоимение *something* используется для повторной номинации выпечки, поскольку ранее в тексте присутствовала информация о них. Часть респондентов конкретизирует это местоимение: *пирожок, пирожное, кекс, лепешка, кусочек торта*.

Таким образом, рассмотрено 14 примеров потенциального проявления языковой черты 'конкретность' в предложенном тексте. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 864 раза, а когнитивно простые испытуемые – 117 раз. Полученные данные анализировались с помощью критерия К. Пирсона χ^2 .

Выраженность языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 14 примеров из текста. Таким образом, количество разрядов $k=15$.

Результаты распределения примеров данной языковой черты представлены в таблице 5.

Таблица 5. Показатели выраженности языковой черты ‘конкретность’

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	0	0	0	1	1	2	3	5	7	10	14	12	10	10	9	84
y_i	44	21	12	10	8	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	97

Значение $\chi^2_{ЭМП}=169,7$. Количество степеней свободы $v = (15 - 1) * (2 - 1) = 14$.

$$\chi^2_{кр} = \begin{cases} 23,685, p \leq 0,05 \\ 29,141, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты ‘конкретность’ в двух сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты ‘конкретность’ для каждой группы респондентов:

КСР: 62 чел. (73%)

КПР: 8,3 ~ 8 чел. (9%)

Таким образом, языковую черту ‘конкретность’ проявили 73% когнитивно сложных респондентов и 9% когнитивно простых, что говорит о большей выраженности данной черты у носителей полюса ‘когнитивная сложность’.

2.2.2.2. Языковая черта ‘абстрактность’

Языковая черта ‘абстрактность’ является противоположной по значению языковой черте ‘конкретность’ и означает замену оригинальной

единицы с более ограниченным объемом на единицу с более широкой сферой референции. Проявление данной языковой черты сопровождается применением трансформации генерализации, которая сопровождается сокращением элементов содержания оригинала и потерями некоторых элементов смысла. Рассмотрим следующие примеры.

1. Генерализация значения предмета:

1) "*Do she though?*" said **Mr. Barkis**.

"*Неужели она?*" – сказал **он** / **извозчик** / **перевозчик** / **возничий** / **кучер** / **носильщик** / **погонщик** / **мужчина** (13 КСР; 61 КПР).

Исходному агентиву *Mr. Barkis* (*мистер Баркис*) соответствует агентив *он*, *извозчик*, *возничий*, *перевозчик*, *кучер* или *мужчина* который лишен дифференциальной семы, обозначающей имя извозчика / возничего / перевозчика / кучера / мужчины.

2) "*So she makes,*" ... "*all the **apple pastries**, and doos all the cooking, do she?*"

Так это она делает ... все эти закуски / всякие лакомства / булочки / всю эту выпечку и всю остальную еду / все эти лакомства изготовлены ею? (10 КСР; 54 КПР).

Исходному результативу *apple pastries* соответствуют варианты *закуски*, *лакомства*, *выпечка*, которые обладают более общими характеристиками по сравнению с оригиналом: *закуска* – *холодное блюдо для легкой еды*; *лакомство* – *вкусное, сладкое кондитерское изделие*; *булочка* – *выпеченное изделие из пшеничной муки*; *выпечка* – *изделия из теста, приготовленные в печи*. Таким образом, все предложенные варианты лишены дифференциальной семы *яблочный* и приобретают более общее значение.

3) *She never had a sweetheart...*

*У нее никогда **никого** не было / у нее **никого** нет / нет у нее **никого** / нет, **таковых** у нее не имеется* (8 КСР; 57 КПР).

Исходному пациентиву *sweetheart* (*возлюбленный*) соответствуют более абстрактные понятия: *никого*, *таковых*.

2. Генерализирующая синекдоха – замена части целым:

1) *He made up his **mouth** as if to whistle...*

Он искривил **лицо** как будто для свиста / сморщил **лицо** / скривил **физиономию** / состроил **гримасу** (0 КСР; 86 КПР).

Исходное существительное *mouth (рот)* заменено на существительные *лицо / гримаса / физиономия*, которые являются целым по отношению к части *рот*.

2) *...which made no more impression on **his big face**...*”

...это произвело на **него** не большие впечатления, чем могло бы произвести на слона / что не произвело на **него** никакого впечатления... (0 КСР; 45 КПР).

Его большое лицо (часть) заменено на него (целое).

3. Генерализация значения действия:

*No person **walks** with her?*

Никто с ней не **общается**? / Никто не **проводит** с ней **время**? / С ней никто не **водится**? / С ней кто-нибудь **общается**? / У нее **есть** кто-нибудь? / Никто не **бывает** у нее? / Она с кем-нибудь **общается**? (0 КСР; 48 КПР).

В оригинале единица *walk (гулять, прогуливаться, ходить пешком)* выражает более конкретное действие по сравнению с употребленными вариантами: *общаться (быть в общении, поддерживать взаимные отношения)*; *проводить время (заниматься чем-либо, тратить время)*; *водиться (иметь знакомство, поддерживать постоянную связь)*; *быть (существовать, присутствовать)*; *бывать (приходить, посещать, присутствовать)*. Таким образом, действия, предложенные респондентами, лишены дифференциальной семы *гулять / прогуливаться пешком* и характеризуются более общими значениями.

4. Генерализация значения целой ситуации. Генерализации могут быть подвержены не только отдельные слова, но целые словосочетания и простые предложения:

1) ...*he wanted something else to eat, and had pointedly alluded to **that description of refreshment.***

...он хотел еще какой-нибудь закуски и делал многозначительные намеки на **это** / он ждал еще какого-то угощения, на **что** и делал намек / и тем самым намекал на **это** (5 КСР; 50 КПР).

Исходная ситуация *that description of refreshment* заменена на указательное местоимение *это* или относительное местоимение *что*, относящимся к фразе *хотел еще что-нибудь съесть*, в результате чего утрачивается дифференциальная сема *этот вид лакомства, закуски*.

2) *I offered him a cake as a mark of attention; which he ate at one gulp, exactly like an elephant, and which made no more impression on his big face **than it would have done on an elephant's.***

В знак внимания я предложил ему кусочек торта, который он проглотил разом, как слон, и который не произвел на него **никакого** впечатления / не произвел на него **какого-либо** впечатления / не произвел на него **особого** впечатления / который не вызвал на его большом лице **ни одной** эмоции / **никаких** эмоций / что **никак** не отразилось на его большом лице (2 КСР; 48 КПР).

Целая ситуация *than it would have done on an elephant's* (чем мог бы произвести на слона) заменяется на обобщенные определения *никакой / какой-либо / особый / ни один*, таким образом, утрачивается дифференциальная сема, характеризующая сравнение реакции персонажа на угощение с реакцией слона.

3) *Again he made up his mouth **to whistle**, and again he didn't whistle...*

Он снова **скривил** лицо / **скривился** / **искривил** рот / **состроил** гримасу, но не засвистел / но не свистнул... (4 КСР; 58 КПР).

Исходная ситуация *скривил рот, чтобы засвистеть* заменена на более общее действие *скривить / состроить гримасу* и лишена дифференциальной семы *подготовиться к свисту*.

5. Генерализация при повторной номинации – замена повторяющихся в исходном тексте названий предметов, действий или качеств на обобщенные слова:

*He made up his mouth as if to **whistle**, but he didn't **whistle**.*

*Он скривил лицо как во время свиста, но не издал ни единого **звука** / будто собирался засвистеть, **чего** не последовало / но не сделал **этого** / словно собирался издать свист, **которого** не последовало (4 КСР; 48 КТР).*

Повторяющееся действие *whistle* заменено на указательное местоимение *этого*, относительные местоимения *чего* и *который* или существительное с более общим значением *звук*, лишенное дифференциальной семы *звук свиста*.

Таким образом, рассмотрено 10 примеров потенциального проявления языковой черты ‘абстрактность’ в предложенном тексте. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 46 раз, а когнитивно простые испытуемые – 555 раз. Полученные данные проанализированы с помощью критерия χ^2 К. Пирсона.

Поскольку выраженность данной языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 10 примеров из текста, количество разрядов $k=11$.

Результаты проявления респондентами языковой черты ‘абстрактность’ представлены в таблице 6.

Таблица 6. Показатели выраженности языковой черты ‘абстрактность’

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	$\sum(N_1; N_2)$
x_i	52	21	8	3	0	0	0	0	0	0	0	84
y_i	0	1	5	8	12	16	22	14	11	6	2	97

Значение $\chi_{\text{эмп}}^2=156$. Количество степеней свободы $v = (11 - 1) * (2 - 1) = 10$.

$$\chi^2_{кр} = \begin{cases} 18,307 & \text{для } p \leq 0,05 \\ 23,209 & \text{для } p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты ‘абстрактность’ в сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты ‘абстрактность’ составляет: для КСР 5,5%, для КПП – 57%.

Таким образом, языковую черту ‘абстрактность’ проявили 5,5% когнитивно сложных респондентов и 57% когнитивно простых, что говорит о большей выраженности данной черты у носителей полюса ‘когнитивная простота’.

2.2.2.3. Языковая черта ‘аналитичность’

Языковая черта аналитичность’ выражается в привнесении новых элементов смысла в исходную ситуацию, детализации. Согласно С.А. Сухих, ‘аналитичность’ «характеризуется склонностью коммуниканта без дополнительных побуждений со стороны партнера по общению детально конкретизировать тему диалога» [Сухих 1998: 113]. Таким образом, проявление данной черты ЯЛ выражается в изложении исходной ситуации оригинала в более детализированном виде за счет добавления некоторых смысловых элементов.

Н.К. Гарбовский определяет такой прием как уточняющая гипонимическая парафраза [Гарбовский 2007: 434]. Исследователь отмечает, что, с точки зрения логической операции, которая предшествует трансформационной операции, уточняющая парафраза схожа с операцией конкретизации, так как обе эти трансформации основываются на ограничении понятия. Однако, в отличие от конкретизации, при которой уточняющий признак находится в содержании самого конкретизируемого понятия, уточняющий гипонимический парафраз подразумевает введение в

текст дополнительных лексических единиц, уточняющих содержание исходной единицы [Гарбовский 2007: 434].

Такие преобразования сопровождаются увеличением количества сообщаемой информации, представленной в продуцируемом тексте, по сравнению с оригинальной ситуацией. Рассмотрим следующие примеры добавления новых элементов смысла.

1. Добавление предиката действия:

1) *...said Mr. Barkis ... **with an arm** on each knee...*

*... сказал мистер Баркис, **положив** ладони на колени / **упираясь** локтями в колени / **прижав** локти к коленям / **держа** ладони на коленях / **опустив** ладони на колени / **сложив** руки на коленях (84 КСР; 0 КПР).*

2) *For I thought he wanted something else to eat...*

***Спросил** / **уточнил** / **переспросил** / **пояснил** / **решил уточнить** я, подумав, что он хочет съесть что-то еще... (56 КСР; 0 КПР).*

Исходная ситуация дополнена предикатом действия *спросил / уточнил / переспросил*, отсутствующим в оригинале, к глагольному сказуемому.

2. Добавление модального или фазисного предиката к глагольному предикату-сказуемому:

1) *He made up his mouth as if **to** whistle, but he didn't whistle*

*Он скривил губы, будто **собирался** / **хотел** / **намеревался** свистнуть, но не свистнул (81 КСР; 12 КПР).*

Добавлен модальный глагол-модификатор *собираться / хотеть / намереваться*, служащий вспомогательной частью составного глагольного сказуемого.

2) *... and again he **didn't** whistle...*

*... и снова не **стал** свистеть... (72 КСР; 0 КПР).*

Добавлен фазисный глагол *стать* к основному компоненту.

Фазисный предикат означает конкретную стадию действия: начало, продолжение или конец [Маслов 1978: 18].

3. Добавление сирконстанты образа действия или времени:

1) ...*always leaning forward, in his slouching way*...

...как всегда, **слегка** наклонившись вперед, **чуть** / **немного** / **слегка** сгорбившись... (63 КСР; 4 КПР).

2) *Yes. She makes all our pastry and does all our cooking.*

Да, именно она готовит нашу выпечку и **вообще** всюстряпню / и **все время** / **постоянно** что-нибудьстряпает / и **всегда** готовит у нас обеды (47 КСР; 8 КПР).

3) *"Didn't she, though?" said Mr. Barkis.*

"Неужели?" – **растерянно** / **удивленно** / **нерешительно** / **смущенно** / **озадаченно** спросил мистер Баркис (51 КСР; 6 КПР).

4) ...*but sat looking at the horse's ears.*

... а **по-прежнему** / **спокойно** / **тихо** / **молчаливо** / **задумчиво** / **неподвижно** сидел и рассматривал лошадиные уши / а сел **поудобнее** и смотрел на уши лошади (56 КСР; 7 КПР).

4. Добавление опционального актанта к исходному актанту:

1) *I offered him a cake as a mark of **attention**...*

Я предложил ему пирожное в знак **внимания** к его **усилиям** / **стараниям** / **усердию** / к его **попыткам поддержать разговор** (48 КСР; 0 КПР).

К исходному объективу *attention* добавлен дополнительный аргумент, не являющийся обязательным и вводимый по желанию респондента: **усилия** / **старания** / **усердие** / **попытки**; между ними установлены отношения притяжательности.

2) *He made up his **mouth**...*

Он вытянул губы **трубочкой** / сложил губы **в трубочку** / он выпятил губы **в форме трубочки** / в виде **трубочки** / придал губам **форму трубочки** (61 КСР; 6 КПР).

К исходному объективу *губы* добавлен актант **трубочка** / **форма трубочки** / **вид трубочки**.

5. Добавление числового квантора к исходному актанту:

...he wanted something else to eat...

...он хочет съесть еще одно пирожное / еще один пирожок / еще парочку пирожных... (45 КСР; 0 КПР).

В представленных примерах присутствуют слова-кванторы *один, парочка* – лексическая категория, использующаяся для выражения количественной или качественной характеристики группы описываемых объектов, обозначения количества предметов, описания их свойств [БСЭ].

6. Добавление частиц:

1) *...but sat looking at the horse's ears.*

...а лишь сидел и смотрел на лошадиные уши (56 КСР; 4 КПР).

2) *Yes. She makes all our pastry and does all our cooking.*

Да, именно она печет пирожки / она действительно готовит всю выпечку... (52 КСР; 11 КПР).

Добавлены усилительные частицы *именно, действительно*.

7. Добавление целой пропозиции:

"Peggotty, do you mean, sir?"

"Вы имеете в виду Пеготти?" – уточнил / спросил / переспросил / осведомился я (59 КСР; 5 КПР).

В полученных примерах присутствует ситуация, которой не было в оригинале: *уточнил / спросил / переспросил я*.

Таким образом, рассмотрено 14 примеров потенциального проявления языковой черты 'аналитичность' в предложенном тексте. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 831 раз, а когнитивно простые испытуемые – 63 раза. Полученные данные были проанализированы с помощью критерия К. Пирсона χ^2 .

Выраженность данной языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 14 примеров из текста; таким образом, количество разрядов $k=15$.

Результаты проявления респондентами языковой черты ‘аналитичность’ даны в таблице 7.

Таблица 7. Показатели выраженности языковой черты ‘аналитичность’

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	0	0	0	1	1	2	5	6	8	10	16	12	9	8	6	84
y_i	63	17	8	6	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	97

Значение $\chi_{\text{эмп}}^2=175$. Количество степеней свободы $v = (15 - 1) * (2 - 1) = 14$.

$$\chi_{\text{кр}}^2 = \begin{cases} 23,685, p \leq 0,05 \\ 29,141, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты ‘аналитичность’ в сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты ‘аналитичность’ составляет: для КСР 71%, для КПР – 5%.

Таким образом, языковую черту ‘аналитичность’ продемонстрировали 71% КСР и 5% КПР, что говорит о большей выраженности данной языковой черты у носителей полюса ‘когнитивная сложность’.

2.2.2.4. Языковая черта ‘синтетичность’

Языковая черта ‘синтетичность’ является противоположна ‘аналитичности’ и выражается передаче исходной ситуации в более обобщенном виде. Применение данного преобразования сопровождается опущением, потерей некоторых элементов значения и приводит к тому, что количество информации, представленной в продуцируемом тексте, по сравнению с оригиналом, сокращается. Рассмотрим следующие примеры.

1. Опущение сирконстанты места:

... *in his slouching way, **on the footboard of the cart** with an arm on each knee.*

... *в своей сутулой манере с руками на коленях* (13 КСР; 76 КПР).

2. Опущение сирконстанты времени:

... *said Mr. Barkis, **always leaning forward**, in his slouching way...*

...*сказал мистер Баркис, наклоняясь вперед / наклонившись вперед / ссутулившись / сгорбившись / который сидел сутуло / сутулясь* (15 КСР; 77 КПР).

3. Опущение сирконстанты образа действия:

1) ...*he ate **at one gulp**...*

... *он проглотил его / съел его* (0 КСР; 69 КПР).

2) ...*and had **pointedly** alluded to that description of refreshment.*

...*и делал на это намек* (7 КСР; 79 КПР).

4. Опущение исходного адъективированного причастного предиката состояния:

...*he **being**, as I observed in a former chapter, of a phlegmatic temperament, and not at all conversational...*

...*я уже отмечал в одной из предыдущих глав его флегматичный темперамент / в предыдущей главе уже упоминался его флегматичный и неразговорчивый характер...* (5 КСР; 63 КПР).

5. Опущение повторяющихся предикатов:

1) *He made up his mouth as if **to whistle**, but he **didn't whistle**.*

Он скривил лицо как будто для свиста / словно собирался свистнуть (11 КСР; 44 КПР).

2) *Again he made up his mouth **to whistle**, and again he **didn't whistle**, but sat looking at the horse's ears.*

Он снова состроил гримасу как во время свиста и снова уставился на уши коня / он снова скривил рот как будто для свиста и сидел так, рассматривая уши лошади (8 КСР; 57 КПР).

6. Опущение целых пропозиций:

1) *I offered him a cake as a mark of attention; which he ate at one gulp, exactly like an elephant, **and which made no more impression on his big face than it would have done on an elephant's.***

Я предложил ему пирожное в знак внимания, которое он съел в один присест, точно слон / проглотил в один укус, словно слон (9 КСР; 52 КПР).

В предложенных примерах опущено описание произведенного на героя впечатления.

2) *... on the footboard of the cart **with an arm on each knee.***

...сказал мистер Баркис, наклонившись вперед и ссутулившись... (12 КСР; 86 КПР).

3) *...and sat so for a considerable time. **By-and-by, he said:***

...и просидел так некоторое время. (8 КСР; 54 КПР).

4) *... and had pointedly alluded to **that description of refreshment.***

... и поэтому делает намеки / подает мне знак / говорит намеками / указывает на это (11 КСР; 47 КПР).

Таким образом, рассмотрено 11 примеров потенциального проявления языковой черты ‘синтетичность’ в предложенном тексте. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 99 раз, а когнитивно простые испытуемые – 704 раза. Полученные данные были проанализированы с помощью критерия К. Пирсона χ^2 .

Выраженность данной языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 11 примеров из текста; таким образом, количество разрядов $k=12$.

Результаты проявления респондентами языковой черты ‘синтетичность’ представлены в таблице 8.

Таблица 8. Показатели выраженности языковой черты ‘синтетичность’

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	26	29	19	8	2	0	0	0	0	0	0	0	84
y_i	0	0	3	5	6	9	11	16	14	14	11	8	97

Значение $\chi_{\text{эмп}}^2=152$. Количество степеней свободы $v = (12 - 1) * (2 - 1) = 11$.

$$\chi_{\text{кр}}^2 = \begin{cases} 19,675, p \leq 0,05 \\ 24,725, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты ‘синтетичность’ в сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты ‘синтетичность’ составляет: для КСР 11%, для КПР – 66%.

Таким образом, языковую черту ‘синтетичность’ продемонстрировали 11% когнитивно сложных респондентов и 66% когнитивно простых, что говорит о большей выраженности данной языковой черты у носителей полюса ‘когнитивная простота’.

2.2.2.5. Языковая черта ‘ассоциативность’

Перечисленные ранее языковые черты как субстанционального, так и экспонентного уровней, проявленные в текстах респондентов, сопряжены с трансформационными операциями: ‘конкретность’ – с трансформацией конкретизации, ‘абстрактность’ – с трансформацией генерализации, ‘аналитичность’ – с лексическим добавлением, ‘синтетичность’ – опущением, ‘активность’, ‘созерцательность’, ‘транспозиция’ – заменами частей речи или членов предложения.

Поскольку предыдущие языковые черты, проявившиеся в нарративном дискурсе, отражали перечисленные логические категории и сопутствующие

трансформационные операции, в концепцию вводятся дополнительные языковые черты, сопряженные с незадействованными в ней трансформационными операциями, проявившимися в эксперименте. Одна из таких языковых черт выражается в применении операции 'логическое развитие', или 'смысловое развитие', или 'модуляция' и соответствует логической категории переименования и смысловой операции метафорического или метонимического переноса смысла [Рецкер 2007: 51].

При анализе полученных в результате эксперимента работ было выявлено, что респонденты осуществляют замены единиц исходного текста на логические следующие, что соотносится с формально-логической категорией переименования, т. е. применяют трансформационную операцию смыслового развития, или логического развития, или модуляции. В настоящей работе применение респондентами приема смыслового развития будет считаться проявлением языковой черты 'ассоциативность'. Данное название языковой черты проистекает из определения понятия 'ассоциация': «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяет ассоциацию как объединение языковых единиц по формальному или логико-семантическому признаку [Ахманова 2007: 58]. Название данной языковой черты обусловлено понятием «ассоциации» в психологии как особенности мышления: ассоциация – это «связь, возникающая в процессе мышления между элементами психики, в результате которой появление одного элемента при определенных условиях вызывает образ другого, связанного с ним» [Кондаков 2003: 42].

Для анализа предложенных респондентами способов передачи смысла была взята за основу классификация типов смыслового развития Я.И. Рецкера. Исследователь выделяет следующие типы замен: а) замена предмета его признаком и наоборот; б) замена процесса предметом и наоборот; в) замена признака процессом и наоборот [Рецкер 2007: 52]. Для глагольных сочетаний исследователь выделяет шесть вариантов приема смыслового развития, проистекающих из разных сочетаний двух элементов из трех

возможных (причина, процесс, следствие): «1) замена процесса его причиной; 2) замена процесса его следствием; 3) замена причины процессом; 4) замена причины следствием; 5) замена следствия причиной; 6) замена следствия процессом» [там же].

Далее следуют конкретные примеры проявления языковой черты ‘ассоциативность’ в настоящем эксперименте.

1. Замена процесса следствием:

1) ... *and which **made no more impression** on his big face...*

... а его большое лицо **осталось без изменений / никак не изменилось** при этом... (26 КСР; 0 КПР).

Процесс *произвести впечатление* заменен на следствие: *остаться без изменений, не измениться*.

2) *Sweethearts; **no person walks with her?***

Ухажеры. Она **постоянно одна?** / Она **одна все время?** (18 КСР; 0 КПР).

Быть одной – это следствие того, что *нет человека, который с ней гуляет* (процесс).

3) *No **person walks** with her?*

У нее **нет любимого человека** / нет ли у нее **какого-нибудь обольстителя / дорогого человека / кого-то дорогого сердцу / друга** / у нее **нет никаких возлюбленных?** (35 КСР; 0 КПР).

В оригинале речь шла о процессе: *гулять, прогуливаться* с неким неопределенным человеком, субъектом. В полученных текстах происходит замена процесса «*гулять с кем-либо*» на следствие «*иметь любимого человека, друга, дорогого сердцу*».

2. Замена признака процессом или наоборот:

1) ... *and **not at all conversational**...*

... и любой разговор **давался ему с трудом / и разговоры давались ему нелегко / и разговаривал неохотно / с неохотой** (33 КСР; 0 КПР).

Признак *неразговорчивый (неохотно вступающий в разговор)* заменен на процесс: *любой разговор дается с трудом / разговаривать неохотно.*

2) *...and sat so for a considerable time.*

И довольно долго оставался в таком положении / находился в одном и том же положении / оставался в том же положении (39 КСР; 0 КПР).

Процесс *сидеть* заменен на его дескрипцию (признак) – неподвижность: *оставаться в одном и том же положении, оставаться неподвижным.*

3. Замена следствия причиной:

1) *For I thought he wanted something else to eat...*

Я подумал, что он до сих пор голоден / все еще голодный / мне показалось, что он так сильно проголодался / что он не наелся одним пирожком... (53 КСР; 0 КПР).

Быть голодным, проголодаться, не наестся – это причина того, почему герой *хотел что-нибудь еще съесть.*

2) *...and had pointedly alluded to that description of refreshment.*

...и просто ошибся с названием блюда (18 КСР; 0 КПР).

3) *... as if he saw something new there...*

... словно не видел их раньше / как будто увидел их впервые / будто пытался там что-то разглядеть / будто заметил там что-то интересное... (34 КСР; 0 КПР).

Увидеть что-то новое – это следствие того, что герой *не видел их раньше или увидел впервые, или пытался что-то разглядеть.*

4. Замена характеристики предмета на процесс (коррекция подхода Я.И. Рецкера, в котором описана замена предмета на процесс):

1) *As this was a great deal for the carrier (whose name was Mr. Barkis) to say...*

Поскольку извозчик, которого звали мистер Баркис, не любил много говорить / разговаривал неохотно... (44 КСР; 0 КПР).

Характеристика предмета *'this' – a great deal* (большое количество) – заменена на процесс *много говорить / разговаривать неохотно*.

В качестве предмета может выступать физический объект, ментальный объект или абстрактный объект (то, что мыслится как предмет и выражается существительным или местоимением), а также ситуативный объект: то, что грамматически ведет себя как физический объект – то есть предмет в широком смысле. В настоящем примере предмет выражен местоимением *'this'* и является ситуативным объектом, поскольку означает то, что уже было сказано ранее извозчиком в данной ситуации: *“That’s about it,” said the carrier. “And there I shall take you to the stage-cutch, and the stage-cutch that’ll take you to – wherever it is.”* (свернутая пропозиция, предмет как свернутое предложение).

2) *...I offered him a cake as a mark of attention ...*

*...я предложил ему пирожок, чтобы его **разговорить** / чтобы как-то его **развлечь** / **оживить** / **расшевелить** / **втянуть его в разговор*** (49 КСР; 0 КПР).

Предмет *знак внимания* заменен на вытекающий из этого знака внимания процесс-действие (по У. Чейфу): *разговорить / развлечь / расшевелить / оживить / втянуть в разговор* извозчика (в данном примере подход Я.И. Рецкера также скорректирован: замена не только предмета на процесс, но и предмета на процесс-действие).

3) *...alluded to that description of refreshment.*

*...намекнул на **продолжение перекуса** / **полдника** / **ланча*** (26 КСР; 0 КПР).

Характеристика предмета *'that description'* заменена на процесс *продолжение (перекуса / полдника / ланча)*.

Также в эксперименте были выявлены случаи применения приема целостного преобразования, который считается разновидностью смыслового развития, его применение будет считаться проявлением языковой черты «ассоциативность».

8. Метафорический перенос – перенос значения на основе сравнения и ассоциации:

1) ... *of a phlegmatic temperament, and not at all conversational...*

... это была флегматичная натура, из которой слова клещами не вытянуть / он был флегматиком по темпераменту и отнюдь не богат на слова / и весьма скуп на слова / от которого слова не добьешься (21 КСР; 0 КПП).

В данном примере признак *неразговорчивый* заменен на следующие языковые выражения: *слова клещами не вытянуть*, *не богат на слова*, *скуп на слова*, *слова не добьешься*, означающие *быть неразговорчивым, малословным, молчаливым*. Внутренняя форма предложенных фразеологизмов («ассоциативно-образный мотивирующий комплекс, организующий содержание в языке» [Телия 1986: 12]) совпадает по значению с исходной единицей, поскольку передает то же качество человека: неразговорчивость.

2) ...*and which made no more impression on his big face than it would have done on an elephant's.*

...он не был богат на выражения лица, что делало его еще больше похожим на слона (21 КСР; 0 КПП).

3) *Again he made up his mouth to whistle, and again he didn't whistle, but sat looking at the horse's ears.*

Он снова сложил губы трубочкой, словно хотел свистнуть, но снова не засвистел, а сидел и считал ворон / а лишь сидел и хлопал глазами / сидел и молчал как рыба / сидел тихо, словно язык проглотил / сидел в недоумении / сидел, не издавая ни звука / а лишь сидел и молчал / сидел и молча о чем-то думал / просто сидел и таращил глаза / сидел не шелохнувшись (37 КСР; 0 КПП).

Значение предложенных в работах респондентов фразеологизмов совпадает по содержанию со значением процесса исходного текста: *считать ворон* означает *глубоко задуматься о чем-то, не замечая происходящего*

вокруг, сидеть мечтать; хлопнуть глазами означает бездействовать, молчать, быть растерянным; молчать как рыба значит ничего не отвечать, долго и упорно молчать; проглотить язык – молчать, ничего не говорить; таращить глаза – пристально, упорно смотреть на что-л. Также в качестве вариантов предложены преобразованные словосочетания, передающие ситуацию оригинала: состояние главного героя может быть охарактеризовано как *сидел в недоумении / не издавая ни звука / сидел и молчал / сидел и молча о чем-то думал*.

Таким образом, рассмотрено 10 примеров потенциального проявления языковой черты ‘ассоциативность’ в предложенном тексте. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 454 раза, а когнитивно простые испытуемые – 0 раз. Полученные данные анализировались с помощью критерия К. Пирсона χ^2 .

Выраженность данной языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 10 примеров из текста; таким образом, количество разрядов $k=11$.

Результаты проявления респондентами языковой черты ‘ассоциативность’ представлены в таблице 9.

Таблица 9. Показатели выраженности языковой черты ‘ассоциативность’

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	$\sum(N_1; N_2)$
x_i	2	3	5	8	9	13	18	11	7	5	3	84
y_i	97	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	97

Значение $\chi_{\text{эмп}}^2=173$. Количество степеней свободы $v = (11 - 1) * (2 - 1) = 10$.

$$\chi_{\text{кр}}^2 = \begin{cases} 18,307 & p \leq 0,05 \\ 23,209 & p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты

‘ассоциативность’ в сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты ‘ассоциативность’ составляет: для КСР 54%, для КПР – 0.

Таким образом, языковую черту ‘ассоциативность’ продемонстрировали 54% КСР и не продемонстрировали вообще КПР, что говорит о присущности данной языковой черты носителям полюса ‘когнитивная сложность’.

2.2.2.6. Языковая черта ‘противоположность’

Наряду с логическими категориями подчинения и перекрещивания, которым соответствуют трансформации конкретизации / генерализации и логическое развитие, в проведенном эксперименте проявилась логическая категория контрадикторности и соотнесенная с ней трансформация антонимический перевод. В связи с этим вводится языковая черта ‘противоположность’, которая выражается в применении респондентами приема антонимического перевода при передаче содержания исходного текста.

Рассмотрим следующие примеры:

1. Замена утвердительной конструкции отрицательной:

1) *As this was a great deal for the carrier (whose name was Mr. Barkis) to say...*

Поскольку перевозчик много не говорил / не любил много говорить / сказать все это перевозчику было очень не просто / извозчик не был охотником до разговоров / не был любителем поговорить... (63 КСР; 11 КПР).

В оригинале использовалась утвердительная конструкция, в полученном тексте утверждение заменено на отрицание.

2) *For I thought he wanted something else to eat...*

Я подумал, что он не отказался бы еще поесть / не откажется съесть что-нибудь еще / был не прочь поесть еще / что он не наелся... (37 КСР; 5 КПР).

Происходит замена слова *want* в оригинале на его антоним *отказаться* с последующей заменой конструкции с утвердительной на отрицательную.

2. Замена отрицательной конструкции утвердительной:

1) *...he being, as I observed in a former chapter, of a phlegmatic temperament, and not at all conversational...*

...он обладал, как я упомянул в предыдущей главе, спокойным нравом и был молчалив / сдержан / молчаливый / скуп на слова / очень сдержанный / и был довольно угрюм / был малообщительный... (32 КСР; 7 КПР).

Происходит замена слова *conversational* (разговорчивый) на его антонимы *молчаливый / скупой / сдержанный / малообщительный*, которая сопровождается заменой конструкции с отрицания на утверждение.

2) *...which made no more impression on his big face than it would have done on an elephant's...*

...а его широкое лицо осталось таким же равнодушным / безучастным / невозмутимым / спокойным / безмятежным / бесстрастным / его большое лицо осталось без изменений... (46 КСР; 12 КПР).

Слово *impression*, означающее *впечатление* заменено на антонимичные по значению слова с соответствующими заменами конструкций с отрицательной на утвердительные.

3) *He made up his mouth as if to whistle, but he didn't whistle.*

Он сложил губы, словно хотел присвистнуть, но раздумал свистеть / передумал (17 КСР; 0 КПР).

Отрицательная конструкция оригинала (*didn't*) заменена на утвердительную (*раздумал, передумал*).

4) *"Hearts," said Mr. Barkis. "Sweethearts; no person walks with her?"*

“Дружков,” – повторил мистер Баркис. “Воздыхателей, что **ходят** вокруг нее.” / За ней кто-нибудь **ухаживает**? / У нее **есть** кто-нибудь? / Она одна все время? / Она с кем-нибудь **ходит** гулять? / А с ней кто-нибудь **общается**? / Есть ли кто-нибудь, кто **вертится** вокруг нее? (54 КСР; 9 КТР).

Передача содержания исходного текста сопровождается преобразованием вопросительно-отрицательной конструкции в вопросительно-утвердительную.

Таким образом, рассмотрено 6 примеров потенциального проявления языковой черты ‘противоположность’ в предложенном тексте. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 249 раз, а когнитивно простые испытуемые – 44 раза. Выраженность данной языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 6 примеров из текста; таким образом, количество разрядов $k=7$.

Результаты проявления респондентами языковой черты ‘противоположность’ представлены в таблице 10.

Таблица 10. Показатели выраженности языковой черты ‘противоположность’

k_i	0	1	2	3	4	5	6	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	7	6	8	32	26	3	2	84
y_i	63	24	10	0	0	0	0	97

Значение $\chi^2_{\text{эмп}}=118$. Количество степеней свободы $\nu = (7 - 1) * (2 - 1) = 6$.

$$\chi^2_{\text{кр}} = \begin{cases} 12,592, p \leq 0,05, \\ 16,812, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты ‘противоположность’ в сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты ‘противоположность’ составляет: для КСР 49%, для КПП – 8%.

Таким образом, языковую черту ‘противоположность’ продемонстрировали 49% КСР и 8% КПП, что говорит о большей выраженности данной языковой черты у носителей полюса ‘когнитивная сложность’.

2.2.2.7. Языковая черта ‘рекомбинация’

Проявление языковой черты, выражающейся в применении операции членения и объединения предложений, мы будем относить к субстанциональному уровню языковой личности, опираясь на когнитивную теорию дискурса и понятие макроструктуры Т.А. ван Дейка.

Макроструктура является обобщенным описанием основного содержания дискурса и складывается из последовательности макропропозиций, которые выводятся из пропозиций исходного текста по определенным правилам редукции и организации информации [Дейк 1989: с. 41-67]. Это операции сокращения пропозиций, которые не служат условиям интерпретации, обобщения – замены последовательности пропозиций на пропозицию, выводимую из каждой пропозиции данной последовательности, и построения – замены последовательности пропозиций пропозицией, выведенной из всего репертуара пропозиций [Дейк 1989: 42-43].

Макроструктуру по Т.А. ван Дейку можно представить как реферат, создаваемый из любого исходного текста с помощью перечисленных макроправил. Осуществление данных трансформаций исходной структуры предложений мы будем считать проявлением языковой черты «рекомбинация».

Рассмотрим конкретные типы приема членения и объединения предложений респондентами и проявления языковой черты «рекомбинация».

Тип I: разделение сложного предложения на несколько сложных (42 КСР; 0 КПР):

1) *As this was a great deal for the carrier (whose name was Mr. Barkis) to say - he being, as I observed in a former chapter, of a phlegmatic temperament, and not at all conversational - I offered him a cake as a mark of attention; which he ate at one gulp, exactly like an elephant, and which made no more impression on his big face than it would have done on an elephant's.*

Примеры членения исходного предложения на 2 предложения-компонента:

Я заметил ранее, что перевозчик (имя которого было мистер Баркис) был неразговорчивым и флегматичным, и любой разговор давался ему с трудом. **В знак внимания я предложил** ему пирожное, которое он проглотил за раз, как слон, при этом его большое лицо осталось таким же невозмутимым, каким было бы и у слона. /

Поскольку перевозчику (которого звали мистер Баркис) было непросто все это сказать – он был, как я уже отметил в предыдущей главе, флегматик по темпераменту и весьма сдержан – я предложил ему пирожное, чтобы как-то его разговорить. **Он съел его** в один укус, точно слон, и его толстое лицо, словно слоновье, осталось таким же равнодушным, каким было бы в подобной ситуации и у слона. /

Сказать все это оказалось слишком сложно для извозчика, которого звали мистер Баркис, так как он, как я уже заметил в предыдущей главе, имел флегматичный темперамент и был совсем не разговорчив. **Я предложил ему лепешку** в знак внимания, которую он проглотил сразу целиком, точно слон, и которая впечатлила его не больше, чем впечатлила бы слона.

Примеры членения исходного предложения на 3 предложения-компонента:

Выговорить все это было уже немало для извозчика (которого звали мистер Баркис). *Он был, как я описывал в прошлой главе, флегматиком по темпераменту и совсем не разговорчив, поэтому я решил предложить ему пирожное в знак внимания. Он проглотил его сразу, не жуя, прямо как слон, а на его большом лице не отразилось ни одной эмоции, как не отразилось бы и у слона.* /

Этих слов и так было слишком много для погонщика (по имени мистер Баркис), который был, как я заметил в предыдущей главе, флегматичным и не очень разговорчивым. Я предложил ему пирожное в знак внимания, и он проглотил его за раз, точь-в-точь как слон. Оно не произвело на его круглое лицо никакого впечатления, как не произвело бы и на слона.

Пример членения исходного предложения на 5 предложений-компонентов:

Сказать все это было уже немало для извозчика (которого звали мистер Баркис). *Как я уже упоминал ранее, этот человек отличался своей флегматичностью и крайней необщительностью. В знак внимания я предложил ему торт, который он проглотил в один присест. В этот момент он напомнил мне слона. Впрочем, выражение его лица не сильно отличалось от слоньего.*

В данном примере принцип членения предложения дополняется признаком «членение на простые предложения».

Таким образом, содержание исходного предложения перераспределяется на 2, 3 и 5 предложений.

Тип II: объединение частей разных предложений и выделение отдельного предложения (39 КСР; 0 КПР):

2) *He made up his mouth as if to whistle, but he didn't whistle. He sat looking at the horse's ears, as if he saw something new there, and sat so for a considerable time.*

Он вытянул губы, будто собирался свистнуть, но не свистнул, а лишь сидел и рассматривал лошадиные уши, словно разглядел в них что-то новое. Так просидел он довольно долго. /

Он сложил губы, словно хотел присвистнуть, но передумал свистеть, а сидел и смотрел на уши лошади, точно это было для него в новинку. Сидел он так достаточно долго.

В данном примере объединены первое предложение и начальная часть второго, а конечная часть второго трансформирована в отдельное предложение.

Тип III: разделение предложений с последующим объединением с частью следующего предложения (33 КСР; 0 КНР):

3) He sat looking at the horse's ears, as if he saw something new there, and sat so for a considerable time. By-and-by, he said...

Он сидел, глядя на уши лошади так, будто видел их впервые. Просидел он так довольно долго и, наконец, сказал... /

Он сидел и смотрел лошадиные уши так, будто увидел там что-то новое. Просидев так довольно долго, он спросил... /

Он сидел, рассматривая уши лошади, как будто увидел что-то новое. Он оставался в таком положении очень долго, а затем спросил...

В данном примере происходит перераспределение содержания, сопровождающееся не только членением предложений, но и объединением с частью последующего предложения.

Таким образом, рассмотрено 3 примера потенциального проявления языковой черты 'рекомбинация' в предложенном тексте.

Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 114 раз, а когнитивно простые испытуемые – 0 раз. Полученные данные анализировались с помощью критерия К. Пирсона χ^2 .

Выраженность данной языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 3 примеров из текста; таким образом, количество разрядов $k=4$.

Результаты проявления респондентами языковой черты ‘рекомбинация’ представлены в таблице 11.

Таблица 11. Показатели выраженности языковой черты ‘рекомбинация’

k_i	0	1	2	3	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	22	28	16	18	84
y_i	97	0	0	0	97

Значение $\chi^2_{эмп} = 109$. Количество степеней свободы $v = (4 - 1) * (2 - 1) = 3$.

$$\chi^2_{кр} = \begin{cases} 7,815, p \leq 0,05 \\ 11,345, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты ‘рекомбинация’ в сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты ‘рекомбинация’ составляет: для КСР 45%, для КПР – 0.

Таким образом, языковую черту ‘рекомбинация’ продемонстрировали 45% КСР и не продемонстрировали вообще КПР, что говорит о присущности данной языковой черты носителям полюса ‘когнитивная сложность’.

На основании полученных результатов можно утверждать, что на субстанциональном уровне ЯЛ полюса ‘когнитивная сложность’ в большей степени свойственны языковые черты ‘конкретность’, ‘аналитичность’, ‘ассоциативность’, ‘противоположность’ и ‘рекомбинация’, а полюса ‘когнитивная простота’ – ‘абстрактность’ и ‘синтетичность’.

2.2.3. Интенциональный уровень анализа дискурса

Согласно концепции С.А. Сухих, интенциональный уровень дискурса передает «коммуникативные стратегии» [Сухих 1998: 110]. Он отражает коммуникативную компетенцию ЯЛ и характеризуется наличием определенных коммуникативно-прагматических стратегий, или макроинтенций, оказывающих коммуникативно-прагматическое воздействие на участников дискурса. С.А. Сухих определяет следующие черты интенционального уровня: ‘директивность’, ‘юмористичность’, ‘буквальность’, ‘конфликтность’, ‘кооперативность’, ‘центрированность’, ‘децентрированность’ [Сухих 1998: 113-115].

Языковая черта ‘директивность’ выражается в «склонности коммуникантов совершать речевые действия регулятивного класса жесткой императивности – приказов, рекомендаций, одергиваний, упреков, угроз, а также опираться на жесткие коммуникативные стратегии, связанные с нарушением постулатов кооперативности» [Сухих 1998: 113].

Языковая черта ‘юмористичность’ «свидетельствует о языковой креативности, представляет собой способность интерпретировать тему в возможных мирах» [Сухих 1998: 114], в то время как противоположная ей черта ‘буквальность’ «указывает на ограниченные интерпретационные возможности коммуниканта» [Сухих 1998: 114].

‘Конфликтность’ и ‘кооперативность’ «различаются в зависимости от ориентации коммуниканта от или на партнера» [там же]. ‘Конфликтность’ проявляется в реакции неприятия, обрывании собеседника или молчании при побуждении вступить в диалог.

Языковая черта ‘центрированность’ выражается в подчеркивании собственной значимости через злоупотребление правом говорящего, использование личных местоимений и обращение к личному опыту, а ‘децентрированность’ означает способность видеть иные точки зрения с позиции других людей [Сухих 1998: 115].

Языковые черты ‘директивность’, ‘конфликтность’, ‘кооперативность’, ‘центрированность’ и ‘децентрированность’ проявляются в аргументативном дискурсе, но не характерны для нарративного дискурса. Языковые черты ‘юмористичность’ и ‘буквальность’ проявляются в нарративном дискурсе. Кроме того, в таксономию черт будут добавлены новые языковые черты, обусловленные передачей респондентами определенных макроинтенций исходного текста. Рассмотрим случаи проявления языковой черты, которая была названа ‘прагматичность’, так как ее проявление связано с передачей прагматического аспекта оригинального текста.

2.2.3.1. Языковая черта ‘прагматичность’

Согласно В.Н. Комиссарову, «прагматический потенциал текста является результатом выбора источником содержания сообщения и способа его языкового выражения» [Комиссаров 1990: 209]. Для реализации коммуникативного намерения автор исходного сообщения подбирает языковые единицы, обладающие необходимыми предметно-логическими и коннотативными значениями, и упорядочивает их так, чтобы установить надлежащие смысловые связи. В результате полученный текст приобретает прагматический потенциал, который производит на его получателя соответствующий коммуникативный эффект. Таким образом, одной из главных составляющей любой коммуникации является прагматическое воздействие на адресата. Следовательно, передача содержания исходного текста предполагает воспроизведение прагматического компонента оригинала и достижение желаемого воздействия на читателя. Выполнение этой задачи может сопровождаться отказом от достижения максимальной эквивалентности в пользу передачи прагматического компонента.

Предложенный респондентам исходный текст представляет собой диалог между Дэвидом Копперфилдом и извозчиком мистером Баркисом. В репликах мистера Баркиса употреблена контаминированная речь: фонетические и грамматические ошибки, ломаная речь. Это несет

прагматическую функцию – реализует макроинтенцию по созданию образа малограмотного, необразованного персонажа. Следовательно, в создаваемых интерпретациях текста данная макроинтенция должна быть отображена и элементы аграмматизма воспроизведены с помощью подбора эквивалентов допущенных намеренно ошибок. В настоящей работе случаи передачи респондентами прагматических компонентов исходного текста будут считаться проявлением языковой черты ‘прагматичность’.

Воспроизведение фонетических и грамматических искажений и ошибок в интерпретационном тексте не всегда возможно осуществить в том же самом месте и теми же самыми способами, что и в оригинале, ввиду различий систем фонетики, лексики и грамматики английского и русского языков. Такие искажения могут быть воспроизведены либо в других местах текста, либо другими средствами, благодаря чему важные элементы смысла оригинала сохраняются. Передача контаминированной речи характеризуется семантическим преобразованием смещения и сопряжена с трансформационной операцией компенсации (см: [Комиссаров 1990: 185]).

Рассмотрим конкретные примеры предложенного текста.

1. Фонетические искажения

1) “*That’s about it,*” said the carrier. “*And there I shall take you to the stage-cutch, and the stage-cutch that’ll take you to - wherever it is*”.

В данной реплике слово *stage-cutch* является искаженным вариантом слова *stage-coach* – почтовая карета, дилижанс. Таким образом, в оригинале допущена фонетическая ошибка.

Часть информантов также попыталась исказить данное слово и специально воспроизвести его с ошибкой, тем самым передавая неграмотную речь мистера Баркиса. Были предложены следующие варианты (17 КСР; 0 КПР): *поштовая карета, диньлижанс, дегежанс, почтовая корета* (при этом буква *o* в слове была подчеркнута, что говорит о намеренном ее употреблении), что свидетельствует о распознавании прагматического компонента и намеренном употреблении ошибки в данном слове, как и в

оригинале. Таким образом, один из способов передачи контаминированной речи – искажение лексической единицы.

Другой способ – употребление просторечных, разговорных или устаревших компонентов для иллюстрации неграмотности персонажа, что компенсирует утрату фонетического искажения оригинальной единицы:

“Что-то вроде этого”, - ответил извозчик. – “Тута я доставлю тебя до дилижанса, а тама уже ты доберешься, где бы оно ни находилось.” / Я довезу вас до почтовой повозки, а оттудова уж вы доберетесь туда, куда вам следует / а там уж вы поедете туда ... незнамо куда... (18 КСР; 0 КПП).

Употребление респондентами в речи извозчика просторечных слов передает его неграмотность, следовательно, компенсирует отсутствие искажений в подобранных соответствиях для слова *stage-cutch* (почтовая повозка, дилижанс, карета), поскольку отвечает макроинтенции исходного текста. При анализе предложенных респондентами вариантов учтены прагматические компоненты, употребленные не только в тех же местах, что и в исходном тексте, но и в других местах продуцируемого текста как элементы компенсации утраченных ранее прагматических компонентов.

2) *"Did she make 'em, now?" said Mr. Barkis...*

"Peggotty, do you mean, sir?"

"Ah!" said Mr. Barkis. "Her."

В данном диалоге присутствует редуцированная просторечная форма слова *them*, употребляющаяся в неформальной обстановке. При передаче данного компонента значения респонденты также использовали прием компенсации и употребили фонетические искажения в словах, ввели лексические единицы разговорного стиля, устаревшие формы, что восполнило данный элемент значения.

Примеры фонетических искажений (26 КСР; 0 КПП):

(1) *Енто она пирожок-то сготовила?*

(2) *Вы имеете в виду Пеготти, сэр?*

Ага, – ответил мистер Баркис. – Ейная. / Ах, – сказал мистер Баркис. – Ей. / Угу! – промычал мистер Баркис. – Да, да, я про ейные пирожные.

В приведенных примерах неверно употреблены местоимения: разговорная форма местоимения *это (енто)*, *её (ейная)*, характерная для неграмотной, малокультурной речи, а также форма дательного падежа *ей* вместо родительного *её*.

Примеры употребления лексических единиц разговорного стиля, просторечных и устаревших форм (54 КСР; 0 КПП):

(3) *Это она **стряпала** пироги? / **состряпала** / **сварганила** / **сготовила**? / Пирожки-**то** она **спекла**? / А пирожок этот она **состряпала**? / А пирожки эти она **пекла**? / А это она **готовила** пирожные? / А пирожок-**то** она **сготовила**?*

(4) *Вы имеете в виду Пеготти, сэр?*

*А как **жеть**? Она-она. / Её, **любезную**, её. / Её, её, **родимую**.*

Употреблены слова разговорного стиля: *стряпать*, *сварганить*, *сготовить*, усилительно-выделительная частица *-то*, характерные для непринужденной, бытовой, разговорной речи; частица *а*, используемая при повторном обращении или для привлечения внимания в разговорной речи. Также употреблена просторечная форма глагола *спекь* в прошедшем времени: *спекла*, устаревшая форма частицы *же (жеть)*, что говорит о неграмотности персонажа. Устаревшая и разговорная форма обращения к человеку *любезная*, а также народно-поэтическое обращение *родимая* свидетельствует о принадлежности человека к простому сословию. Все предложенные варианты можно считать подходящими компенсационными элементами оригинальных компонентов.

3) *"So she makes," said Mr. Barkis, after a long interval of reflection, "all the apple **parsties**, and **doos** all the cooking..."*

В исходном примере присутствует искажение слова *pastries* – нарушен порядок следования букв (*parsties*); также искажено слово *does* (*doos*).

Предложены следующие варианты (84 КСР; 13 КПП):

Так значит, это она готовит ... и занимается всей **стряпней** / **кухарит** / **заправляет** всем на кухне / делает яблочные **вкусности** / она **целыми днями только и делает**, что готовит / **стряпает** все эти яблочные **штуки** / делает яблочные пироги да все **готовает** / **кашеварит** / **вся готовка на ней** / **вся эта яблочная петрушка** и **вся эта готовка на ней** / **печет выпечку** / **значит, она... значит, она** готовит яблочные пирожки / она **готовит... и вся эта яблочная выпечка, и всю еду** делает она / **печеть** яблочные пирожки / она **это...сготовимши** все эти яблочные пирожки...

Прагматическим потенциалом обладают следующие элементы:

- разговорные слова: *кухарить, стряпня, стряпает, готовка, вкусности, кашеварить*, а также просторечное и фамильярное *заправлять* (в значении *руководить, управлять*);
- эллиптические предложения, свойственные разговорной речи: *готовка на ней, вся готовка на ней* в значении *она занимается готовкой*;
- разговорные фразы: *вся эта готовка, яблочные штуки, она это*;
- фразеологизм со значением преувеличения *целыми днями только и делать что-л.*, свойственный разговорной речи;
- диалектное слово *готовает*, образованное от *готовать*;
- просторечное смягчение конечного согласного: *печеть* вместо *печет*;
- жаргонное выражение *яблочная петрушка*, в котором слово *петрушка* означает *хлопоты, суета*;
- повторы слов и корневых морфем, характерные для разговорной речи, усиливающие ее эмоциональное воздействие и подчеркивающие значимость повторяемого речевого элемента для говорящего: *готовит ... все яблочные пирожки и полностью все готовит; готовит всю выпечку ... и готовит всю еду*;

значит, она... значит, она готовит все эти яблочные пирожки и вообще все готовит; печет всю выпечку;

- отсутствие грамматического согласования между словами, встречающееся в малограмотной речи: *итак, она готовит... и вся эта яблочная выпечка, и всю еду делает она, так?* - прямое дополнение употреблено в именительном падеже вместо винительного;
- деепричастие с окончанием на *-миши* в слове *сготовить*: *сготовиммиши*, что является признаком просторечия.

Можно считать все эти элементы подходящими вариантами компенсации прагматических компонентов исходного текста, так как они демонстрируют просторечие и неграмотность персонажа мистера Баркиса.

Следует обратить внимание, что в оригинальном предложении содержится два прагматических компонента: *parsties* и *doos*, поэтому часть респондентов (56 КСР; 0 КПР) также использовала в своих текстах два прагматических компонента, например: *так это она кашеварит и занимается всей стряпней*. При анализе примеров учитывалось количество всех прагматических компонентов: в данном примере 84 КСР употребили 1 прагматический компонент, 56 КСР – 2 прагматических компонента и 13 КПР – 1 прагматический компонент. Таким образом, общее количество примеров для КСР – 140, для КПР – 13.

Отметим, что в некоторых вариантах присутствовали элементы просторечной и разговорной лексики, употребленные не в тех репликах, в которых встречались фонетические искажения в тексте оригинала, а в других, в которых в оригинале не использовалась контаминация. Поскольку это является способом компенсации утраченных элементов аграмматизма и нарушений, рассмотрим такие варианты как способы передачи прагматического компонента.

4) *No person walks with her?*

Никто за ней не ухлестывает / есть ли кто-нибудь, кто вертится вокруг нее? / Неужели до сих пор за ней никто не приударил!? / Она ни с кем не хороводится / не якишается / не дружится? / Кто-нибудь захаживает к ней? / Никто ее не обхаживает? (8 КСР; 0 КПР).

Слова *хороводиться*, *якишаться* являются просторечными и означают водить знакомство, общаться. *Дружиться* – разговорное слово, означает то же, что и *дружить*. *Ухлестывать*, *вертеться* относятся к разговорной лексике, *приударить* – к просторечной, означают *ухаживать за женщиной, постоянно находиться возле нее*. *Захаживать* (разг.) означает *заходить ненадолго, бывать, посещать*; *обхаживать* (разг.) – *усиленно ухаживать, угождать, добиваясь расположения*.

5) “*With Peggotty?*”

“*Ah!*” he said. “*Her*”.

С Пеготти? – Ну конечно, с кем же еще?! /

Вы о Пеготти? – Ну конечно, о ком еще-то! / Так о ком же еще! /

Вы про Пеготти? – Ну да, про кого ж еще-то! / А про кого ж? / А как жет! Про нее (10 КСР; 0 КПР).

В оригинале употреблен нейтральный ответ на вопрос. В рассмотренных вариантах респонденты употребили экспрессивные выражения, относящиеся к разговорной речи и выражающие негодование, раздражение: *ну да, ну конечно, с кем же еще, о ком еще-то, про кого ж еще-то, а про кого ж*. Частицы *-то* и *же* (и ее форма *жеть*) способствуют усилению и активному выражению воли говорящего получить ответ на свой вопрос. Возглас *ну да, ну конечно* показывает нетерпение. Наличие восклицательных знаков говорит о том, что в создаваемых интерпретациях данные высказывания получили сильную эмоциональную окраску (возмущение мистера Баркиса по поводу того, что его не поняли с первого раза и приходится повторять). Употребление в речи героя фраз разговорного стиля, несущих эмоциональную окраску, также следует считать

прагматическим компонентом, способствующим созданию образа мистера Баркиса.

2. Грамматические ошибки

В тексте присутствовали случаи употребления вспомогательного глагола *do* там, где по правилам английской грамматики должен быть глагол *does*:

1) "***Do she though?***" said Mr. Barkis.

Были предложены следующие примеры (44 КСР; 0 КТР):

а) искаженные формы:

Правдыть?

б) устаревшие и просторечные формы, просторечные выражения:

Неужто? / Ужели? / То бишь, она? / Какова хозяйка, ты только подумай! / Вот это я понимаю – хозяйка!

в) междометия:

Да ну? / Так она о-го-го какая! / Ух ты, какая она! / Ого! А вы не обманываете меня? / Вот это да – настоящая хозяйка!

В полученных текстах были употреблены следующие элементы, компенсирующие грамматическую ошибку оригинала:

а) искаженная форма частицы *правда?* (*правдыть*);

б) устаревшие формы *неужто*, *ужели* (*неужели*), означающие изумление, недоверие и характерные для разговорной речи, устаревший просторечный союз *то бишь*, выражающий уточнение и относящийся к разговорному стилю, просторечные выражения *ты только подумай*, *вот это я понимаю*;

в) междометие *да ну*, используемое в разговорной речи для выражения удивления; междометия разговорного стиля *о-го-го*, *ого*, *вот это да*, выражающие удивление, восхищение, одобрение.

Употребление архаизмов, просторечных и разговорных выражений привносит в речь персонажа оттенок простонародности, провинциальности. Можно утверждать, что эти элементы отвечают прагматической цели

оригинала, так как, аналогично неверному употреблению глагола *do* вместо *does* в оригинале, демонстрируют неграмотность героя.

2) "*So she makes ... all the apple parsties, ... do she?*"

В данном предложении также допущена ошибка: должно быть *doesn't she*. Подробное изложение представленных вариантов передачи данной реплики приведено выше в разделе «фонетические искажения» пример 3). Все предложенные варианты также представляются подходящим способом компенсации приведенной ошибки.

3) "*And there I shall take you to the stage-cutch, and the stage-cutch that'll take you to - wherever it is*".

В данном примере присутствует ломаная речь – построение высказываний с отклонениями от литературной нормы, что выражается в сбивчивости, прерывистости и неумении до конца и внятно формулировать мысль. Такая речевая особенность характеризует человека неуверенного, неразговорчивого, замкнутого.

Наблюдаются следующие случаи несогласованности:

1) Использование персонажем одновременно и подлежащего *the stage-cutch*, и заменяющего его местоимения в роли подчинительного союза *that*, очевидно, для заполнения паузы, возникающей при подыскивании нужного слова и необходимости оформить мысль. Тем самым создается избыточность, следовало употребить что-то одно на выбор:

... *and the stage-cutch will take you...*, т. е. без использования *that*, или

... *to the stage-cutch, that'll take you...*, т. е. без повторения подлежащего *stage-cutch*, так как эту функцию берет на себя подчинительный союз *that*.

2) Употребление предлога *to*, имеющего значение направления движения, предполагает следование за ним существительного, обозначающего, куда должен проследовать герой, например: *to school, to the theatre, to Yarmouth* и т. д. Однако следующее словосочетание не указывает место назначения, а представляет собой не согласующийся с предлогом *to* оборот: *wherever it is* – где бы это ни было. Это является примером

неграмотного сочетания слов, следовало использовать, например, фразу *the stage-catch will take you **wherever you need*** – *дилижанс доставит тебя туда, куда тебе нужно.*

Указанные ошибки в построении высказывания служат вышеозначенной цели – показать неграмотность персонажа, неумение выстраивать длинные предложения.

В предложенных текстах данный прагматический компонент воспроизводится – также употребляется ломаная речь (82 КСР; 0 КПР):

Я отвезу тебя к дилижансу, а там уж ты доберешься туда – где бы это ни было / туда ... куда-нибудь / а дилижанс отвезет тебя туда ... что бы это ни было / доставит туда... не знаю куда / привезет вас туда ... куда понадобится ... / доставит вас туда ... а куда угодно / а там уже вы доберетесь ... куда бы то ни было / туда, где ... это самое / а карета отвезет вас туда, где ... того ... оно / а там уж доедете ... где там это находится / отвезет тебя ... это ... туда / я доведу тебя до почтовой кареты, а на ней ты доедешь ... ну, куда ты там едешь.

Использование многоточий и тире говорит о том, что респонденты намеренно хотели передать паузы в речи персонажа, как и в оригинале. Также в представленных примерах присутствуют разговорные фразы и выражения (*это самое, того...оно, ну, это*), случаи отсутствия согласования (*доставит тебя...где там это находится*) – все это подчеркивает неграмотность персонажа и служит передаче прагматического потенциала оригинала.

Таким образом, рассмотрено 7 примеров потенциального проявления языковой черты ‘прагматичность’ в предложенном тексте. Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 399 раз, а когнитивно простые испытуемые – 13 раз. Полученные данные анализировались с помощью критерия К. Пирсона χ^2 .

Выраженность данной языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 7 примеров из текста; таким образом, количество разрядов $k=8$.

Результаты проявления респондентами языковой черты 'прагматичность' представлены в таблице 12.

Таблица 12. Показатели выраженности языковой черты 'прагматичность'

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	0	0	4	8	23	26	16	7	84
y_i	84	13	0	0	0	0	0	0	97

Значение $\chi_{\text{эмп}}^2 = 181$. Количество степеней свободы $v = (8 - 1) * (2 - 1) = 7$.

$$\chi_{\text{кр}}^2 = \begin{cases} 14,067, p \leq 0,05, \\ 18,475, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты 'прагматичность' в сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты 'прагматичность' составляет: для КСР 68%, для КПР – 2%.

Таким образом, языковую черту 'прагматичность' продемонстрировали 68% когнитивно сложных респондентов и 2% когнитивно простых, что говорит о большей выраженности данной языковой черты у носителей полюса 'когнитивная сложность'.

2.2.3.2. Языковая черта 'юмористичность'

Согласно С.А. Сухих, языковая черта 'юмористичность' «свидетельствует о языковой креативности, представляет собой способность интерпретировать тему в возможных мирах» [Сухих 1998: 114].

В оригинальном тексте присутствует следующая комичная ситуация:

"No sweethearts, I believe?"

"Sweetmeats did you say, Mr. Barkis?"

В данном диалоге слова *sweethearts* (возлюбленные) и *sweetmeats* (леденцы) в английском языке имеют общую начальную часть *sweet* и в связи с этим характеризуются звуковым сходством. Автор произведения создает ситуацию недопонимания, ослышки, при которой мистер Баркис пытается спросить, нет ли возлюбленных у Клары Пегготи, а Дэвид Коперфилд сумел расслышать только первую часть слова, а вторую достраивает, исходя из общего контекста. Так как перед этим диалогом он угощал мистера Баркиса пирогом и отвечал на вопрос, кто его готовил, он подразумевает, что и далее темой разговора является что-то съедобное.

Употребление автором слов *sweethearts* – *sweetmeats*, схожих по звучанию и имеющих частичное совпадение морфемного состава, является игрой слов, поскольку, в отличие от каламбура, двусмысленность в ней обнаруживается только в последующей фразе при повторении обыгрываемого слова [Сазонова 2004]; в отличие от паронимии, стилистический эффект достигается не столько идентичным звучанием двух слов, сколько возможностью ошибочного осмысления сходных по звучанию слов *sweethearts* – *sweetmeats* в результате ситуации двусмысленности и непонимания [Скребнев 1994].

Важной задачей при воспроизведении игры слов является передача не содержания высказывания, а его формы. В настоящем примере значение выражения приведенного выше мини-диалога реализует следующую интенцию: создание ситуации ошибочного восприятия текста, непонимания содержания вопроса и вместе с тем комичности.

Прагматический аспект игры слов подразумевает воссоздание в тексте похожей ситуации с аналогичной интенцией. Выполнение этой задачи может сопровождаться заменой образа оригинала и отклонением от точного

значения (см. [Егер 1978]). Таким образом, респондент может пренебречь значением лексических единиц ради передачи игры слов.

Когнитивно сложные респонденты распознали ситуацию игры слов и сумели ее передать (79 чел.); варианты когнитивно простых респондентов (из которых лишь 6 чел. сумели передать игру слов) будут подробно рассмотрены в разделе «языковая черта ‘буквальность’».

Далее рассмотрены способы передачи игры слов.

I. Рифма.

- 1) - *Я так понимаю, никаких **кавалеров**?*
- *Вы сказали «**эклеров**», мистер Баркис?*
- 2) - *Никаких **дружков**, я надеюсь?*
- *Вы имели в виду **рожок**, мистер Баркис?*
- 3) - *Никаких **голубчиков**, надеюсь?*
- *Вы хотели сказать «**супчик**»?*
- 4) - *Никаких **поклонников**?*
- *Вы сказали «**сметанников**», мистер Баркис?*
- 5) - *Я надеюсь, никаких **дружков**?*
- *Вы сказали «**пирожков**», мистер Баркис?*
- 6) - *А есть ли у нее **любимчики**?*
- *Вы сказали «**блинчики**», мистер Баркис?*
- 7) - *Нет **возлюбленного**, я полагаю?*
- *Вы сказали «**сдобленного**», мистер Баркис?*
- 8) - *Никаких **парней**, я полагаю?*
- *Вы сказали **сластей**?*
- 9) - *Никаких **любовей**, я полагаю?*
- *Вы хотели сказать **морковей**, мистер Баркис?*
- 10) - *А нет ли у нее **любимого человечка**?*
- *Вы сказали «**сладких сердечек**»?*
- 11) - *А у нее есть **воздыхатели сердец**?*
- *Вы сказали «**сладкий леденец**»?*

12) - *А есть ли у нее **предмет любви**?*

- *Вы сказали «**пирог**»?*

13) – *А есть ли у нее **душечка**?*

- *Вы сказали «**ватрушечка**»?*

Предложенные варианты рифмующихся слов являются подходящими способами передачи игры слов оригинального текста.

II. Фонетическое сходство используемых слов.

1) – *Я полагаю, ни с кем не **встречается**?*

- *Мистер Баркис, вы сказали «**ветчина**»?*

2) - *А есть у нее **кавалеры**?*

- *Вы сказали «**карамель**», мистер Баркис?*

3) - ***Любимого** нет, я полагаю?*

- ***Лимонного пирога**, говорите, мистер Баркис?*

4) - *Нет ли у нее **возлюбленного**?*

- *Вы сказали «**вкусенького**»?*

III. Изменение содержания оригинальной ситуации.

1) - *У нее нет **возлюбленного**?*

- *«**Клюквенного**», вы сказали? – Я подумал, что он не отказался бы от еще одного клюквенного пирожного и многозначительно намекает на это лакомство.*

В полученном тексте изменен предмет угощения: респондент заявляет, что пирог был клюквенный, в то время как в оригинале речь шла о яблочных пирогах. Данное изменение семантического значения знака вносится намеренно для введения в текст рифмы *возлюбленный – клюквенный*, благодаря чему становится возможной передача игры слов.

2) - *А есть ли у нее **милёнок**?*

- *Вы сказали «**цыпленок**», мистер Баркис? - Я подумал, что он все еще голоден и хочет попробовать пирог с более сытной начинкой.*

В предложенный текст внесены изменения в исходную ситуацию «*хочет попробовать пирог с более сытной начинкой*». Эти изменения

респондент внес для того, чтобы ввести в свой текст слово *цыпленок* в значении *начинка для пирога* и таким образом обыграть рифму *милёнок* – *цыпленок*.

3) - *Есть ли у нее милый сердцу?*

- *А вы хотели с перцем?* – *Я подумал, что он хочет отведать какой-нибудь более острой закуски.*

Исходная ситуация, в которой Дэвид Копперфилд думает, что мистер Баркис хочет съесть что-нибудь еще, заменена на размышления о предпочтении более острого угощения, чтобы ввести рифму *сердцу* - с *перцем*.

4) - *И никаких любовных линий?*

- *Любимых лилий, вы сказали, мистер Баркис?* – *Потому что я подумал, что он спрашивает про цветы и многозначительно намекнул, что не понимаю, причем тут цветы.*

В данном примере исходная ситуация, в которой Дэвид Копперфилд ошибочно полагает, что его спрашивают о какой-то закуске, намеренно заменена на ситуацию, где он думает, что его спрашивают о цветах. Респондент меняет семантические значения знаков ради введения рифмы *любовных линий* - *любовных лилий* и, таким образом, передает игру слов.

5) - *Никакого дорогого, я полагаю?*

- *Вы сказали «дорого», мистер Баркис?* – *Потому что я подумал, что он хочет дополнительной платы за проезд и намекает на это.*

- *Дорогого человека,* - *пояснил мистер Баркис.* – *Возлюбленного, который с ней гуляет.*

Аналогично, изменена исходная ситуация: вместо угощения речь идет о стоимости проезда. Рифмы нет, однако, присутствуют слова с одинаковыми корневыми морфемами *дорогого* – *дорого*, которые вполне могут соответствовать намеченной интенции автора: показать, что герой не расслышал, о чем его спрашивают. Так как однокоренные слова можно легко

спутать и в связи с этим не понять смысла всей фразы, будем считать данную интенцию переданной.

IV. Использование слов с одинаковыми корневыми морфемами.

1) - *Никаких голубчиков, я надеюсь?*

- *Вы имеете в виду голубцы, мистер Баркис?*

Одинаковые морфемы в словах *голубчики* - *голубцы* соответствуют исходной ситуации ослышки. Можно считать игру слов переданной за счет использования однокоренных слов. Далее следуют аналогичные примеры использования слов с одинаковыми корневыми морфемами.

2) - *А голубок есть?*

- *Голубцы, вы имели в виду, мистер Баркис?*

3) - *Никого любимого, я полагаю?*

- *Вы сказали «любительской»?*

4) - *Никаких сладкосердечных?*

- *Вы имели в виду сладенького?*

5) - *Без сладкой парочки, я надеюсь?*

- *Вы хотели сказать «сладости»?*

6) - *Есть ли у нее сладкий сердцу?*

- *Вы спрашиваете про сладкое?*

V. Повторение одних и тех же или близких по смыслу слов, что делает возможным воспроизведение ситуации ослышки и непонимания.

1) - *Она кого-нибудь любит?*

- *Вы спрашиваете, любит ли она печь?*

- *Нет, человека. Она кого-нибудь любит?*

2) - *А любимый у нее есть?*

- *Вы сказали «любимое блюдо»?*

3) - *У нее нет пары?*

- *Вы имеете в виду пару кексов / парочку пирожных?*

4) - *Нет ли у нее дорогого сердцу?*

- *Дорогого угощения?*

5) - *А любимый есть?*

- *Любите сладкое, говорите?*

6) - *Никого дорогого, верно?*

- *Вы имели в виду **изысканную пищу / дорогую закуску?***

Таким образом, КСР предложили следующие способы передачи игры слов: рифма, намеренное изменение содержания исходной ситуации ради воспроизведения игры слов, использование слов с одинаковыми корневыми морфемами, повторение одних и тех же или близких по смыслу слов, аллитерация. Все эти способы можно считать подходящими, а игру слов – переданной.

Таким образом, в исходном тексте представлен 1 пример потенциального проявления языковой черты ‘юмористичность’. Когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 79 раз, а когнитивно простые испытуемые – 6 раз. Полученные данные анализировались с помощью критерия К. Пирсона χ^2 .

Выраженность данной языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 1 примера из текста; таким образом, количество разрядов $k=2$.

Результаты проявления респондентами языковой черты ‘юмористичность’ представлены в таблице 13.

Таблица 13. Показатели выраженности языковой черты
‘юмористичность’

k_i	0	1	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	5	79	84
y_i	91	6	97

Значение $\chi_{эмп}^2 = 139$. Количество степеней свободы $v = (2 - 1) * (2 - 1) =$

1.

$$\chi_{кр}^2 = \begin{cases} 3,841, p \leq 0,05, \\ 6,635, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты ‘юмористичность’ в сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты ‘юмористичность’ составляет: для КСР 94%, для КПР – 6%.

Таким образом, языковую черту ‘юмористичность’ продемонстрировали 94% КСР и 6% КПР, что говорит о большей выраженности данной языковой черты у носителей полюса ‘когнитивная сложность’.

2.2.3.3. Языковая черта ‘буквальность’

Языковая черта ‘буквальность’ характерна для тех информантов, которые в первую очередь стремятся достичь семантической эквивалентности, а не прагматической. Согласно С.А. Сухих, «черта ‘буквальность’ указывает на ограниченность коммуниканта в интерпретационном зигзаге пропозициональных фактов» [Сухих 1998: 114].

В настоящем исследовании для анализа предложенных примеров взята многоуровневая теория эквивалентности Н.К. Гарбовского, предлагающая три уровня эквивалентности: уровень прагматики, уровень семантики и уровень синтаксиса [Гарбовский 2007: 395]. В этой концепции прагматический уровень является доминирующим, подчиняющим все другие уровни. Н.К. Гарбовский отмечает, что именно прагматические значения и коммуникативный эффект должны передаваться неизменно, «в то время как семантические и синтаксические значения могут полностью или частично изменяться» [там же].

Выше рассмотрены языковые черты ‘прагматичность’ и ‘юмористичность’, при анализе которых показано, какие изменения могут

быть совершены в семантических значениях исходных единиц и каким образом применен прием компенсации с целью сохранения прагматических значений и достижения сходного с оригиналом коммуникативного эффекта.

На основании вышесказанного, сохранение семантических и синтаксических значений в полученных текстах при утрате прагматических значений будет считаться проявлением языковой черты 'буквальность'. В качестве формальных маркеров 'буквальности' приняты такие варианты, в которых потеряны прагматические значения единиц исходного текста и сохранены только семантические и синтаксические. Далее рассмотрены конкретные примеры проявления языковой черты 'буквальность'.

1. Игра слов.

В предыдущем параграфе приведены примеры, в которых респонденты передали игру слов с помощью отношений звукового сходства между словами (рифма, аллитерация) или сходства морфемной структуры слов (однокоренные слова). Также мы показаны примеры, в которых намеренно были внесены изменения в семантические значения слов ради сохранения внутрилингвистических отношений между ними.

В настоящем параграфе представлены лишь те примеры, которые не передают исходную ситуацию игры слов и непонимания персонажей друг друга, таким образом, не воспроизводят коммуникативный эффект оригинала, сохраняя лишь семантические значения исходных единиц. Такие варианты сохраняют эквивалентность на семантическом уровне, но не на прагматическом. Соответственно, респонденты, предложившие такие варианты, считаются носителями языковой черты 'буквальность'.

"No sweethearts, I believe?"

"Sweetmeats did you say, Mr. Barkis?"

"Hearts," said Mr. Barkis.

- Нет возлюбленных / без ухажеров / нет кавалеров, я полагаю?

- Вы сказали «сладости» / «конфеты», мистер Баркис?

- *Сердца / Любовь / Возлюбленные / Ухажеры!* – сказал мистер Баркис (5 КСР; 91 КПР).

Как уже было сказано, в исходном тексте предметом высказывания являются не объекты, обозначаемые словами *sweethearts* (*ухажеры, кавалеры, возлюбленные*) и *sweetmeats* (*сладости, конфеты*), а система взаимоотношений между этими знаками: отношения сходства морфемной структуры слов (одинаковый корень *sweet*), что создает ситуацию неправильного понимания. Предложенные респондентами примеры являются эквивалентами на семантическом уровне, так как полностью соответствуют обозначаемым объектам действительности, однако не воспроизводят те самые отношения между знаками (сходство морфем, в результате которого их можно было бы спутать), которые и являются главным предметом высказывания оригинала.

Воспроизведение слова *hearts* как *сердца* является полным соответствием лишь на семантическом уровне, но не отражает отношения между знаками в ситуации оригинала: мистер Баркис произносит его для повторения второй части слова *sweethearts*, поскольку первая часть двух произнесенных слов одинаковая и была услышана Дэвидом Копперфилдом. В предложенном русскоязычном тексте не воспроизводятся аналогичные отношения между словами, в которых полностью совпадали бы первые корневые морфемы и различались вторые, с употреблением в одном из слов корневой морфемы *сердц*, а значит, такая интерпретация не соответствует ситуации оригинального текста. Таким образом, полученные варианты являются верными с семантической точки зрения, но не прагматической, и не соответствуют интенции оригинала. Такие примеры будут считаться 'буквальными'.

2. Контаминированная речь.

Ранее было отмечено, что предложенный респондентам текст содержал в речи одного из персонажей (мистера Баркиса) контаминированную речь, выполняющую функцию создания образа данного персонажа как человека

простого сословия, малограмотного, необразованного. Элементами контаминированной речи являлись фонетические искажения в словах (*stage-cutch*, *'em*, *parsties*, *doos*), грамматические ошибки (*she do*), ломаная речь (отсутствие согласования слов в предложении: *that'll take you to – wherever it is*). Все эти компоненты составляют прагматический потенциал исходного текста.

Также выше были разобраны примеры передачи респондентами обозначенных компонентов. В настоящем параграфе мы рассмотрены только те варианты, в которых прагматические значения полностью утрачиваются.

Несмотря на допущенные ошибки в речи персонажа, респонденты поняли, о чем шла речь в оригинале, однако при построении собственного текста многие употребили правильные слова и обороты и не воспроизвели лексические и грамматические ошибки, т. е. передали контаминированную речь правильной речью. Такие варианты отвечают требованиям эквивалентности на семантическом и синтаксическом уровнях, но не прагматическом. Предложившие их респонденты признаются носителями языковой черты 'буквальность'. Далее следуют конкретные примеры:

1) *...I shall take you to the **stage-cutch**...*

Для слова *stage-cutch* были подобраны следующие соответствия: *дилижанс, карета, почтовая карета, повозка, общественная повозка, общественная коляска, перевозочное средство, общественный транспорт, телега, брчка* (49 КСР; 97 КПР). Данные варианты являются верными с семантической точки зрения, но утрачивают фонетическое искажение оригинала, а значит, не соответствуют прагматике исходного текста.

2) *Did she make **'em**, now?*

Это она их сделала / приготовила? (4 КСР; 97 КПР).

3) *Do she though?*

Неужели она? / В самом деле? / Правда? (40 КСР; 97 КПР).

4) *...all the apple **parsties**, and **doos** all the cooking, **do she**?*

...это она...делает яблочные пироги и все остальное? / она делает выпечку из яблок и готовит всю остальную еду, так? (0 КСР; 84 КПР).

Представленные примеры являются семантически верными, но не содержат прагматических элементов, отвечающих интенции автора представления неграмотного персонажа: фонетических искажений, грамматических ошибок, просторечных, разговорных или устаревших слов и т. д.

5) *...and the stage-catch that'll take you to – wherever it is.*

...а дилижанс доставит вас туда, куда потребуется / отвезет вас куда захотите / отвезет тебя в любое место, куда захочешь/ в любое место, какое пожелаешь / куда скажете / куда будет нужно / куда заблагорассудится / отправит тебя куда угодно / куда бы тебе ни потребовалось / куда вам нужно. (2 КСР; 97 КПР).

В предложенных примерах сохраняются семантические и синтаксические значения, однако утрачивается прагматический элемент – ломаная речь (отсутствие согласования), которая свидетельствует о неграмотности героя. Таким образом, прагматический потенциал оригинала не передается.

Рассмотренные примеры отвечают требованиям эквивалентности на уровнях семантики и синтаксиса, но не соответствуют на уровне прагматики, поскольку в процессе межъязыковых преобразований элементы контаминированной речи (фонетические искажения, грамматические ошибки, ломаная речь) были утрачены, а прием компенсации, который позволил бы воспроизвести прагматические компоненты в других предложениях и другими средствами, не был применен.

Таким образом, рассмотрено 8 примеров потенциального проявления языковой черты 'буквальность' в предложенном тексте.

Всего когнитивно сложные испытуемые продемонстрировали исследуемую языковую черту 194 раз, а когнитивно простые испытуемые –

757 раз. Полученные данные анализировались с помощью критерия К. Пирсона χ^2 .

Выраженность данной языковой черты варьирует от 0 (отсутствие проявления) до 8 примера из текста; таким образом, количество разрядов $k=9$.

Результаты проявления респондентами языковой черты 'буквальность' представлены в таблице 14.

Таблица 14. Показатели выраженности языковой черты 'буквальность'

k_i	0	1	2	3	4	5	6	7	8	$\sum (N_1; N_2)$
x_i	6	22	19	18	15	4	0	0	0	84
y_i	0	0	0	0	0	1	6	4	86	97

Значение $\chi_{эмп}^2 = 181$. Количество степеней свободы $v = (9 - 1) * (2 - 1) = 8$.

$$\chi_{кр}^2 = \begin{cases} 15,507, p \leq 0,05 \\ 20,090, p \leq 0,01 \end{cases}$$

Полученное значение входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии существенной разницы в выраженности языковой черты 'буквальность' в сравниваемых группах и о статистической значимости полученного результата.

Процентное выражение проявления языковой черты 'буквальность' составляет: для КСР 16%, для КПР – 97%.

Таким образом, языковую черту 'буквальность' продемонстрировали 19% когнитивно сложных респондентов и 97% когнитивно простых, что говорит о большей выраженности данной языковой черты у носителей полюса 'когнитивная простота'.

2.3. Итоги эксперимента

На основании полученных результатов исследования был составлен портрет ЯЛ, включающий в себя перечень языковых черт на каждом уровне для КСР и КТР, представленный в таблице 15.

Таблица 15. Языковые черты, присущие полюсам 'когнитивная сложность / простота'

Когнитивная сложность	Когнитивная простота
экспонентный уровень	
активность транспозиция	созерцательность
субстанциональный уровень	
конкретность аналитичность ассоциативность противоположность рекомбинация	абстрактность синтетичность
интенциональный уровень	
юмористичность прагматичность	буквальность

Для интерпретации полученных результатов исследования следует обратиться еще раз к понятию КС личности и характеристике когнитивной сложности и когнитивной простоты.

КС – это собирательное понятие, применяемое для относительно устойчивых способов познавательной деятельности: получения, переработки и воспроизведения информации; другими словами, это индивидуальные особенности мышления личности. В некотором роде это стили мыслительной деятельности человека, поскольку они характеризуют типические

особенности интеллектуальной деятельности, включающей восприятие, мышление и действия, связанные с решением познавательных задач [Клаус 1987].

Важно отметить, что КС не является показателем интеллектуальных способностей, а проявляется как результат структурирования взаимодействия индивида со средой. Он свидетельствует о репрезентационных возможностях субъекта, ассимиляции различных форм опыта [Брунер 1977].

Данные характеристики КС позволяют объяснить, почему респонденты разных полюсов передают одни и те же смыслы исходного текста столь разными способами. Индивидуальные различия при обработке и вербализации опыта объясняют предпочтение конструкций со значением активности или пассивности, динамичности или статичности (черты 'активность' / 'созерцательность') [Чейф 1975]; выстраивание атомизированной картины мира или целостной (черты 'аналитичность' / 'синтетичность'); предпочтение лексических единиц с более узкой или более широкой сферами референции (черты 'конкретность' / 'абстрактность'); применение широкого спектра трансформационных операций (черты 'транспозиция', 'ассоциативность', 'противоположность', 'рекомбинация') или отсутствие таковых; передача содержания оригинала на прагматическом уровне эквивалентности (черты 'прагматичность', 'юмористичность') или только на семантическом и синтаксическом уровнях ('буквальность'). Особенности передачи содержания исходного текста и построения текста на родном языке обусловлены особенностями восприятия и воспроизведения информации из окружающего мира, системой организации и интеграции личного опыта индивида, то есть его КС.

Полюс когнитивной сложности характеризуется созданием многомерной модели реальности и выделением в ней множества взаимосвязанных сторон [Adams-Weber 1979], то есть под когнитивной сложностью понимается способность видеть мир многомерно. Представители полюса когнитивная сложность оперируют большим числом признаков при

восприятию и оценке объектов, и эти признаки организованы в иерархическую систему.

Когнитивная сложность человека не связана с уровнем развития интеллекта и больше зависит от личного опыта. Она дает человеку возможность воспринимать объекты действительности в большем разнообразии нюансов и оттенков. Дж. Келли подчеркивал, что одни люди воспринимают события многогранно, другие – упрощенно и невариативно [Kelly 1955]. Данная особенность позволяет объяснить более частое употребление когнитивно сложными личностями единиц с узкой сферой референции (языковая черта ‘конкретность’) и более детализированных по сравнению с оригиналом данных (языковая черта ‘аналитичность’), а также передачу прагматического потенциала текста в более полном объеме (языковые черты ‘прагматичность’ и ‘юмористичность’), в отличие от когнитивно простых респондентов.

Одним из ключевых аспектов когнитивной сложности во время проведения эксперимента являлось большее разнообразие конструкторов как по количеству, так и по содержанию. Когнитивно сложные личности более склонны к фантазированию, импровизации, сочинительству, а также к амбивалентным суждениям [Miller 1979]. Это позволяет объяснить большее количество проявившихся языковых черт на каждом уровне, по сравнению с когнитивно простыми личностями. Такие черты как ‘транспозиция’, ‘ассоциативность’, ‘противоположность’, ‘рекомбинация’, ‘прагматичность’ и ‘юмористичность’ были выявлены только у когнитивно сложных респондентов; их наличие свидетельствует о многогранности восприятия содержания текста и способности его передачи в большем разнообразии.

Полюс когнитивной простоты характеризуется пониманием и интерпретацией происходящего в упрощенной форме на основе фиксации ограниченного набора сведений. Представители полюса когнитивная простота называют меньше различий между объектами, а их система не имеет четкой организации. Данная особенность объясняет предпочтение

более абстрактных единиц, обобщение излагаемых фактов. Это объясняет проявление КПП таких языковых черт как ‘абстрактность’, ‘синтетичность’, ‘буквальность’, а также меньшее количество присущих им языковых черт по сравнению с КСР.

Выводы по Главе II

В исследовательской части работы был проведен двухэтапный эксперимент, направленный на выявление особенностей передачи содержания иноязычного текста и лингвистических особенностей построения текста на родном языке носителей противоположных полюсов КС ‘когнитивная простота / сложность’. На первом этапе была проведена диагностика КС ‘когнитивная простота / сложность’ с помощью Реп-теста – метода репертуарных решеток Дж. Келли. На втором этапе эксперимента респондентам был предложен иноязычный текст, содержание которого им требовалось передать средствами родного языка, создавая свой собственный текст в письменной форме. Далее дискурс респондентов, являющихся носителями противоположных полюсов исследуемого КС, был проанализирован на трех уровнях ЯЛ, согласно концепции С.А. Сухих (экспонентном, субстанциональном и интенциональном), с последующим выявлением присущих каждому полюсу языковых черт. Затем были представлены количественные данные, фиксирующие особенности вербального поведения когнитивно сложных и когнитивно простых личностей. К полученным данным был применен квантитативный метод анализа, направленный на установление статистической значимости выявленных результатов. В главе предпринята попытка построения коллективной (модельной) когнитивно сложной и когнитивно простой ЯЛ на основе установления общих, повторяющихся и универсальных характеристик интерпретирующего вербального поведения представителей

противоположных полюсов исследуемого КС. На основании проведенного исследования сделаны следующие выводы.

Особенности понимания исходного иноязычного текста и передачи его содержания средствами родного языка когнитивно сложных личностей состоят в следующем:

1. предпочтение конструкций со значением динамичности и активности;
2. трансформация слов определенных частей речи в другие части речи;
3. предпочтение единиц с более узкой сферой референции;
4. более детализированное представление фактов оригинала;
5. замена исходных единиц на единицы, близкие по сходству или по смежности;
6. употребление противоположных по смыслу слов и конструкций;
7. перераспределение содержания информации исходного текста;
8. передача прагматического потенциала и сохранение макроинтенций исходного текста.

Когнитивно сложные личности характеризуются следующими языковыми чертами в нарративном дискурсе: 'активность', 'транспозиция', 'конкретность', 'аналитичность', 'ассоциативность', 'противоположность', 'рекомбинация', 'прагматичность' и 'юмористичность'.

Особенности передачи содержания исходного иноязычного текста средствами родного языка когнитивно простых личностей состоят в следующем:

1. предпочтение конструкций со значением статичности и пассивности;
2. предпочтение единиц с более широкой сферой референции;
3. более обобщенное представление фактов оригинала, опущение некоторых элементов смысла;
4. применение меньшего количества трансформационных операций;
5. буквальная передача содержания текста, сопровождающаяся потерей прагматического потенциала и макроинтенций.

Когнитивно простые личности при передаче содержания иноязычного текста проявляют следующие языковые черты в интерпретации: ‘созерцательность’, ‘абстрактность’, ‘синтетичность’ и ‘буквальность’.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что выявленные при анализе ЯЛ языковые черты в результирующем тексте зависят от стилового полюса, а их набор – от конкретного исходного языкового материала. Перспективы дальнейших исследований особенностей вербального поведения представителей исследуемого КС могут быть связаны с анализом иных типов дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие ЯЛ как субъекта речевой деятельности является одним из наиболее динамично развивающихся в современных лингвистических исследованиях. Процесс передачи ЯЛ содержания иноязычного текста и, соответственно, построения нового текста средствами родного языка осуществляется индивидуальным образом, в зависимости от когнитивных особенностей индивида. В настоящее время в лингвистике большое внимание уделяется изучению КС, поскольку стили влияют на коммуникативную деятельность и находят отражение в способах построения текста.

Концепция КС, с одной стороны, позволяет выявлять индивидуальные когнитивные особенности каждой ЯЛ по отдельности, а с другой – объединять несколько ЯЛ, характеризующихся схожим типом оперирования когнитивными продуктами, в стереотипные группы, что позволяет составить портрет коллективной (модельной) ЯЛ. Индивидуальная когнитивная структура влияет на выбор средств при создании текста и на предпочтения в используемых инструментах выражения содержания оригинального текста. В настоящем диссертационном исследовании рассмотрен КС ‘когнитивная простота / сложность’ и представлен портрет модельной когнитивно сложной и когнитивно простой ЯЛ, составленный на основе текстов нарративного дискурса.

КС ‘когнитивная простота / сложность’ определяет способность человека выявлять разнообразные характеристики объектов окружающей действительности: уровень когнитивной сложности тем выше, чем больше количество таких характеристик. Разделение респондентов по полюсам КС производилось с помощью метода репертуарных решеток Дж. Келли. Исследование особенностей построения текста КСР и КПР осуществлялось на основе созданных респондентами письменных текстов, являющихся результатом интерпретирующей деятельности – передачи содержания

иноязычного текста на родном языке. Эта деятельность не может быть в полной мере охарактеризована как переводческая, если принимать во внимание лингвоперсонологическую составляющую описания: в переводе речь должна идти о профессиональной (переводческой) деятельности, т. е. о профессиональной ипостаси ЯЛ. Респонденты, участвовавшие в эксперименте, не были знакомы ни с теорией, ни с практикой перевода как видом речевой деятельности.

Для проведения структурного анализа была использована модель ЯЛ С.А. Сухих. Манифестационные уровни ЯЛ при создании текста отчетливо проявляются на экспонентном, субстанциональном и интенциональном уровнях. Результаты выражения содержания оригинала носителями полярных полюсов КС неодинаковы.

В работе предпринята попытка моделирования коллективной когнитивно-стилевой ЯЛ на основе номотетического подхода, направленного на исследование вербального поведения группы, поиск общих, «универсальных речемыслительных механизмов» [Сухих 2023], в отличие от идеографического подхода, целью которого является познание индивидуальных, уникальных качеств объекта.

Используемая в работе методика исследования принадлежности респондентов к полюсам определенного КС и особенностей вербального поведения носителей противоположных полюсов выбранного КС в соответствии с концепцией С.А. Сухих апробирована в диссертациях, выполненных в калужской лингвоаргументологической школе: Е.В. Бесединой [Беседина 2011], В.Ю. Зайцевой [Зайцева 2012], И.А. Степановой [Степанова 2022]. Отличие перечисленных работ от настоящего исследования состоит в том, что в работе В.Ю. Зайцевой исследуется иной КС – ‘конкретная / абстрактная концептуализация’, а в работе И.А. Степановой – КС ‘полезависимость / полenezависимость’. В диссертации Е.В. Бесединой, как и в настоящей работе, исследуется КС ‘когнитивная простота / сложность’, однако на ином языковом материале –

текстах аргументативного реагирования на исходный прочитанный текст, который также обладает аргументативными признаками, в отличие от настоящей работы, в которой исследуется интерпретирующий нарративный дискурс. Языковые черты, отражающие вербальные особенности респондентов в интерпретирующем дискурсе нарративного типа, представляют следующие различия для когнитивной сложности / когнитивной простоты: черты ‘активность’ / ‘созерцательность’; ‘конкретность’ / ‘абстрактность’; ‘аналитичность’ / ‘синтетичность’; ‘юмористичность’ / ‘буквальность’. Также в исследованном дискурсе были выявлены дополнительные языковые черты, уточняющие и расширяющие модель ЯЛ в концепции С.А. Сухих, присущие только носителям полюса ‘когнитивная сложность’: ‘транспозиция’, ‘ассоциативность’, ‘противоположность’, ‘рекомбинация’, ‘прагматичность’.

В результате анализа обнаружены заметные различия в приоритетных способах передачи содержания исходного иноязычного текста и вербальных особенностях построения собственного текста когнитивно сложных и когнитивно простых личностей. Когнитивно сложные личности характеризуются следующими особенностями вербального поведения:

1) замена семантической роли актанта с пассивной на более активную; замена адъективированных причастий на глагольные предикаты действия; замена единиц с номинативным характером на единицы с предикативным характером – данные вербальные особенности являются проявлением языковой черты ‘активность’;

2) перевод исходных единиц из одной части речи в другую, например, существительное в наречие или прилагательное, прилагательное в существительное или наречие, причастие в наречие, что является проявлением языковой черты ‘транспозиция’;

3) конкретизация значения действия; использование конкретизирующей синекдохи; конкретизация значения предмета при повторной номинации – языковая черта ‘конкретность’;

4) добавление предиката действия; добавление модального или фазисного предиката к глагольному предикату-сказуемому; добавление сирконстанты образа действия или времени; добавление опционального актанта к исходному актанту; добавление числового квантора к исходному актанту; добавление частиц; добавление целой ситуации – языковая черта ‘аналитичность’;

5) замены процесса следствием, признака процессом, следствия причиной, характеристики предмета на процесс, метафорические переносы – языковая черта ‘ассоциативность’;

б) антонимические замены, сопровождающиеся заменой утвердительных конструкций на отрицательные и наоборот – языковая черта ‘противоположность’;

7) разделение сложного предложения на несколько сложных; объединение частей разных предложений с выделением отдельного предложения; разделение предложений с последующим объединением с частью следующего предложения – языковая черта ‘рекомбинация’;

8) передача прагматических компонентов исходного текста, к которым относятся фонетические искажения и грамматические ошибки – языковая черта ‘прагматичность’;

9) передача игры слов оригинального текста с помощью рифмы, использования слов с фонетическим сходством, изменения содержания оригинальной ситуации, употребления слов с одинаковыми корневыми морфемами, повторения одних и тех же или близких по смыслу слов – языковая черта ‘юмористичность’.

Когнитивно простые личности характеризуются следующими особенностями вербального поведения:

1) замена семантической роли актанта с активной на более пассивную; замена глагольного предиката действия на адъективированный причастный предикат действия; замена предикативных единиц на номинативные –

данные особенности вербального поведения являются проявлением языковой черты ‘созерцательность’;

2) генерализация значения предмета; генерализация значения действия; использование генерализирующей синекдохи; генерализация значения целой ситуации; генерализация при повторной номинации – языковая черта ‘абстрактность’;

3) опущение сирконстанты места, времени или образа действия; опущение адъективированных причастных предикатов; опущение повторяющихся предикатов; опущение целых ситуаций – языковая черта ‘синтетичность’;

4) отсутствие воспроизведения игры слов или прагматических компонентов – языковая черта ‘буквальность’.

На основании выполненного анализа можно сделать вывод о том, что гипотеза о зависимости характера интерпретирующей деятельности и принадлежности личности к полюсам ‘когнитивная сложность’ или ‘когнитивная простота’ подтвердилась.

Приведенные результаты позволяют говорить о доказанности положений, вынесенных на защиту.

К вопросу о дальнейших перспективах исследования лингвистических характеристик носителей КС, следует отметить, что существует ряд аспектов, нуждающихся в дополнительном изучении: исследование феномена «расщепления» полюсов КС и его влияния на особенности построения текста; исследование возможностей перехода субъектов из одного стилевого полюса в другой в зависимости от коммуникативных ситуаций; исследование особенностей речевого поведения носителей данного КС в других видах дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании / Ю.Д. Апресян // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 302-306.
2. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – М.: Восточная литература, 1995. – Т.2. – 767 с.
3. Ахметжанова, Г.В. Применение методов математической статистики в психолого-педагогических исследованиях: электронное учебное пособие / Г.В. Ахметжанова, И.В. Антонова. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2016. – 147 с.
4. Ашева, А.А. Элитарная языковая личность как идеальный носитель культурно-речевой компетенции / А.А. Ашева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – Вып. 1 (121). – С. 19-23.
5. Ашева, А.А. Элитарная языковая личность в публицистическом дискурсе (на материале публицистического творчества С. Рассадина): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Ашева Аминат Аслановна. – Майкоп, 2013. – 26 с.
6. Бархударов, Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
7. Беседина, Е.В. Аргументативный дискурс когнитивно сложных и когнитивно простых личностей: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Беседина Екатерина Владимировна. – Курск, 2011. – 154 с.
8. Беспмятнова, Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Беспмятнова Галина Николаевна. – Воронеж, 1994. – 19 с.
9. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.

10. Богин, Г.И. Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
11. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Ленинград, 1984. – 354 с.
12. Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. – Изд. 5-е. – М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. – 354 с.
13. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртене. – Т. 2. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 391 с.
14. Болотнова, Н.С. К вопросу о понятии «когнитивный стиль языковой личности» / Н.С. Болотнова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2012. – Вып. 10 (125). – С. 164-168.
15. Бреус, Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е.В. Бреус. – М.: УРАО, 2000. – 208 с.
16. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер // Пер. с англ. К.И. Бабицкого; предисл. и общ. ред. д. чл. АПН СССР А.Р. Лурия. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
17. Бушев, А.Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Бушев Александр Борисович. – Москва, 2010. – 47 с.
18. Бюлер, К. Теория языка: репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 504 с.
19. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер // Пер. с нем. О.А. Радченко. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 229 с.
20. Варнавских, Н.В. Диагностирование личных качеств адвокатов по их речи (на материале русского и английского языков) / Н.В. Варнавских // Филологический Вестник. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. – № 3. – С. 48-53.

21. Варнавских, Н.В. Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов (прагмалингвистический подход): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19, 10.02.20 / Варнавских Нинель Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 16 с.

22. Василюк, И.П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности (на материале афористики): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Василюк Игорь Петрович. – Москва, 2004. – 20 с.

23. Вепрева, И.Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении: на материале высказываний-рефлексивов 1991-2002 гг.: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Вепрева Ирина Трофимовна. – Екатеринбург, 2003. – 372 с.

24. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

25. Виноградов, В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

26. Виноградов, В.В. Язык как творчество / В.В. Виноградов. – М.: Просвещение, 1995. – 126 с.

27. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологический науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

28. Воробьев, В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Воробьев Владимир Васильевич. – Москва, 1996. – 395 с.

29. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.

30. Воробьев, В.В. Языковая личность в лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Языковая личность: Лингвистика. Лингвокультурология.

Лингводидактика: материалы Всеросс. научно-методич. конф. 20 октября 2011 г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – С. 234-237.

31. Ворожбитова, А.А. Лингвориторическая модель сильной языковой личности и коммуникативные качества речи / А.А. Ворожбитова // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: тезисы докл. и сообщ. науч. конф. 12-14 мая 1995 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – С. 99-100.

32. Ворожбитова, А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учеб. Пособие / А.А. Ворожбитова. – Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.

33. Гайнуллина, Н.И. К вопросу о языковой личности в истории русского литературного языка / Н.И. Гайнуллина // Семантика языковых единиц: сборник материалов V межд. конф. 05-07 октября 1996 г. – М.: МГОПУ, 1996. – С. 116-118.

34. Гайнуллина, Н.И. Языковая личность Петра Великого: опыт диахронического описания / Н.И. Гайнуллина. – Алматы: Казах. нац. ун-т им. Аль-Фараби, 2002. – 139 с.

35. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования: монография / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

36. Гак, В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В.Г. Гак // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. / Ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1971. – С. 78 – 96.

37. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа Языки русской культуры, 1998 – 768 с.

38. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.

39. Гильмуллина, Е.А. Оценка качества перевода: квантитативно-системный подход: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Гильмуллина Евгения Андреевна. – Санкт-Петербург, 2016. – 311 с.

40. Голев, Н.Д. Публицистический антропотекст как отражение социальной позиции адресата / Н.Д. Голев, Т.В. Чернышова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2003. – Вып. 277. – С. 205-210.

41. Голев, Н.Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н.Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, филология, философия и педагогика». – 2004. – № 4 (34). – С. 41 – 46.

42. Голев, Н.Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) / Н.Д. Голев // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» 18-21 марта 2004 г. – М.: МГУ – С. 15-16.

43. Голев, Н.Д. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / Н.Д. Голев // ред. Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, Н.В. Сайкова, Э.П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.

44. Голованова, Е.И. Универсальные и национально-культурные черты языковой личности ученого / Е.И. Голованова // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: материалы II Междунар. науч. конф. 4-5 апреля 2013 г. – Челябинск: Энциклопедия, 2013. – Т. 1. – С. 84-90.

45. Головин, Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1971. – 190 с.

46. Горский, Д.П. Логика / Д.П. Горский. – М.: Учпедгиз, 1958. – 290 с.

47. Григоренко, Е.Л. Стили мышления в школе / Е.Л. Григоренко, Р. Стернберг // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1996. – № 3. – С. 33-42.

48. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

49. Егер, Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 137 – 156.
50. Ермолаев, О.Ю. Математическая статистика для психологов / О.Ю. Ермолаев. – М.: Флинта, 2004. – 336 с.
51. Жаткин, Д.Н. Поэзия А.А. Дельвига в контексте литературного развития 1810-1830-х годов: традиции и новаторство: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Жаткин Дмитрий Николаевич. – М., 2005. – 40 с.
52. Зайцева, В.Ю. Аргументативный дискурс носителей когнитивного стиля “конкретная / абстрактная концептуализация”: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Зайцева Валентина Юрьевна. – Тверь, 2012. – 181 с.
53. Загуменнов, А.В. Русская языковая личность первой половины XVII века в аспектах трансляции, коммуникации и интерпретации (на материале разножанровых текстов эпохи): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01, 10.02.19 / Загуменнов Александр Владимирович. – Тверь, 2018. – 23 с.
54. Ивановский, Р.И. Теория вероятностей и математическая статистика: основы, прикладные аспекты с примерами и задачами в среде Mathcad / Р.И. Ивановский. – СПб: БХВ-Петербург, 2008. – 528 с.
55. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во. Том. ун-та, 2002. – 312 с.
56. Иванцова, Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии / Е.В. Иванцова // Вестник Томского гос. ун-та. Серия Филология. – Томск, 2008. – №3 (4). – С. 33.
57. Иванцова, Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.

58. Инфантова, Г.Г. Сильная языковая личность: ее постоянные и переменные признаки / Г.Г. Инфантова // Речь. Речевая деятельность. Текст: межвуз. сб. науч. тр. – Таганрог, 2000. – С. 63-69.

59. Калашникова, С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Калашникова София Васильевна – Тверь, 2007. – 198 с.

60. Каракуц-Бородина, Л.А. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста: лексический аспект (на материале русскоязычной прозы): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Каракуц-Бородина Любовь Анатольевна. – Уфа, 2000. – 20 с.

61. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. труд. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3-16.

62. Карасик, В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт / В.И. Карасик // Филология и культура: материалы III Междунар. науч. конф. 16-18 мая 2001 г. – Тамбов, 2001. – С. 98-101.

63. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

64. Карасик, В.И. Языковая личность: аспекты изучения / В.И. Карасик // Язык и культура: тез. докл. II Междунар. науч. конф. 17-21 сентября 2003 г. – М., 2003. – С. 362-363.

65. Карасик, В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики / В.И. Карасик // Известия ВГПУ. – 2011. – №8 (62). – С. 109-115.

66. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

67. Карташова, Е.П. Стилистика прозы В.В. Розанова: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Карташова Елена Павловна. – М., 2002. – 48 с.

68. Касимханова, А.Ф. Языковая личность регионального телеведущего в контексте телевизионного дискурса: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Касимханова Альбина Фаритовна. – Уфа, 2015. – 181 с.

69. Катышев, П.А. Влияние синтактики языка на языковую личность как проблема риторической критики / П.А. Катышев, С.В. Оленев // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 191-199.

70. Келли, Дж. Теория личности: психология личностных конструктов / Дж. Келли. – СПб: Речь, 2000. – 249 с.

71. Ким, Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Ким Лидия Густовна. – Кемерово, 2010. – 50 с.

72. Киселева, В.В. Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Киселева Вера Витальевна. – Ижевск, 2006. – 19 с.

73. Киселева, С.В. Когнитивная лингвистика в русле парадигмы современных знаний / С.В. Киселева // Диалог Культур – 2010: Наука в обществе знания: сб. науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф. 3-4 июня 2010 г. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 199-204.

74. Китайгородская, М.В. Русский речевой портрет / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М.: 1995. – 128 с.

75. Клаус, Г. Введение в дифференциальную психологию учения / Г. Клаус. – М.: Педагогика, 1987. – 173 с.

76. Козлова, И.Н. Теория личностных конструктов в современной психологии: экспериментальный и теоретический анализ: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / Козлова Ирина Николаевна. – М., 1976. – 150 с.

77. Кокорина, И.В. Основы математической обработки информации в филологии: комбинаторика, теория вероятностей и математическая статистика / И.В. Кокорина. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. – 115 с.

78. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

79. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: Этс, 2002. – 420 с.

80. Корниенко, Е.Р. Полидискурсивный портрет языковой личности: когнитивно-стилистический аспект: на материале корпуса текстов Н.И. Новикова: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Корниенко Елена Реевна. – Архангельск, 2021. – 452 с.

81. Котова, Н.С. Амбивалентная языковая личность: лексика, грамматика, прагматика: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Котова Нина Сергеевна. – Краснодар, 2008. – 39 с.

82. Кочарян, А.С. Преодоление эмоционально трудных ситуаций общения в зависимости от сложности социальной перцепции: дис. ... кандидата психологических наук: 10.00.05 / Кочарян Александр Суменович. – Киев, 1986. – 179 с.

83. Кочеткова, Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) / Т.В. Кочеткова // Вопросы стилистики. – 1996. – Вып. 26. – С. 14-24.

84. Кочеткова, Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Кочеткова Татьяна Васильевна. – Саратов, 1999. – 53 с.

85. Латышев, Л.К. Технология перевода / Л.К. Латышев. – М.: Академия, 2005. – 316 с.

86. Леонтьева, О.А. Языковая личность старшеклассника: ортологический аспект (на материале сочинений ЕГЭ): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Леонтьева Ольга Анатольевна. – Омск, 2010. – 22 с.

87. Лутовинова, О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Лутовинова Ольга Васильевна. – Волгоград, 2013. – 41 с.

88. Лютикова, В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Лютикова Вера Дмитриевна. – Екатеринбург, 2000. – 41 с.

89. Макаренко, О.В. Динамика когнитивного стиля “ригидность-флексibilität” через решение творческих задач учащимися (семиклассниками): автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.13 / Макаренко Ольга Викторовна. – Бийск, 2003. – 17 с.

90. Малышева, В.А. Языковая личность как воплощение национального характера / В.А. Малышева // Национальный менталитет и языковая личность: межвуз. сб. науч. трудов. – Пермь, 2002. – С. 31-38.

91. Мамаева, С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5-7 классов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Мамаева Светлана Викторовна. – Самара, 2007. – 18 с.

92. Мануэльян, А.Г. Языковая личность Редьярда Киплинга: лингвопрагматические и социокультурные характеристики: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Мануэльян Анна Григорьевна. – Краснодар, 2019. – 150 с.

93. Маслов, Ю.С. Вопросы сопоставительной аспектологии / Ю.С. Маслов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. – 195 с.

94. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

95. Мельник, Н.В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н.В. Мельник // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2011. – №1. – С. 200-207.

96. Менькова, Н.Н. Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей (по материалам Б. Акунина): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Менькова Наталья Николаевна. – М., 2005. – 16 с.

97. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Московский Лицей, 1996. – 208 с.

98. Молохина, Г.А. Возрастные и гендерные особенности стиля мышления студентов: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.13 / Молохина Галина Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 2010. – 24 с.

99. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. – М.: Изд-во МГЛУ, 1996. – Вып. 426. – С. 112-116.

100. Оленев, С.В. Моделирование динамики русской языковой личности / С.В. Оленев. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. – 264 с.

101. Оспанова, М.Б. Билингвальная языковая личность в процессе формирования вторичной языковой способности / М.Б. Оспанова // Вестник КарГУ. Серия Филология. – 2009. – №1 (53). – С. 29-34.

102. Островская, Т.А. Дискурс элиты: когнитивный, прагматический и семиотический аспекты: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Островская Татьяна Александровна. – Майкоп, 2016. – 375 с.

103. Павленко, А.И. Особенности языковой личности переводчика поэтического текста (на материале переводов поэмы Дж.Г. Байрона “Darkness”): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 5.9.8 / Павленко Александр Игоревич. – Тамбов, 2023. – 21 с.

104. Панова, М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Панова Марина Николаевна. – Москва, 2005. – 32 с.

105. Писарь, Н.В. Дихотомия «Бог – дьявол» в древнерусской языковой картине мира: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Писарь Надежда Владимировна. – Калининград, 2011. – 24 с.

106. Плавская, Т.В. Двуязычный тезаурус исследователя-археолога как основа создания лексикографического продукта нового типа: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Плавская Татьяна Васильевна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 215 с.

107. Плуноян, В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плуноян. – М: Изд-во РГГУ, 2011. – 672 с.

108. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 189 с.

109. Попова, З.Д. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, А.А. Кретов, О.О. Борискина, Е.А. Пименов, М.В. Пименова / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 220 с.

110. Прокудина, И.С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей продуцирования научного текста (на материале студенческих рефератов): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Прокудина Ирина Сергеевна. – Кемерово, 2009. – 25 с.

111. Прохоров, Ю.Е. Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте / Ю.Е. Прохоров // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 8. – С. 52-63.

112. Пушкин, А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей / А.А. Пушкин // Язык, дискурс, личность: межвуз. сб. науч. тр. – Тверь, 1990. – С. 50-60.

113. Пшенина, Т.Е. Дискурсное описание языковой личности Катулла: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Пшенина Татьяна Евгеньевна. – Алматы, 2000. – 31 с.

114. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.

115. Ружицкий, И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Ружицкий Игорь Васильевич. – М, 2015. – 633 с.

116. Сазонова, Л.А. Закономерности передачи каламбура при переводе художественной литературы: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Сазонова Лариса Александровна. – Москва, 2004. – 185 с.

117. Салимова, Л.М. Языковая картина мира А.С. Пушкина как русской языковой личности в романе “Евгений Онегин”: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Салимова Лира Марселевна. – Уфа, 2000. – 198 с.

118. Седов, К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Седов Константин Федорович. – Саратов, 1999. – 48 с.

119. Седых, А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности: на материале французской языковой личности: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Седых Аркадий Петрович. – Белгород, 2005. – 418 с.

120. Семичева, Н.В. Когнитивно-стилевая детерминация принятия решений: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 10.00.01 / Семичева Наталья Васильевна. – Москва, 2010. – 24 с.

121. Семяшкин, А.А. Соотношение когнитивных стилей и индивидуально-психологических особенностей личности: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / Семяшкин Андрей Андреевич. – Москва, 2010. – 24 с.

122. Сентенберг, И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте / И.И. Сентенберг // Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 14-25.

123. Силантьева, М.С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Силантьева Марина Сергеевна. – Пермь, 2012. – 22 с.

124. Сиротинина, О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне / О.Б. Сиротинина // Активные языковые процессы конца XX века. – М.: Азбуковник, 2003. – С.519-526.

125. Сиротинина, О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О.Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. – 116 с.

126. Скворцова, В.А. Коммуникативная модель развития проблемы как отражение мыслительного стиля языковой личности через призму ответного пространства интервью: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Скворцова Виктория Алексеевна. – Майкоп, 2012. – 25 с.

127. Скребнев, Ю.М. Основы стилистики английского языка / Ю.М. Скребнев. – М.: Высшая школа, 1994. – 238 с.

128. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.

129. Степанова, И.А. Особенности аргументативного дискурса носителей когнитивного стиля 'полезависимость/полenezависимость': дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Степанова Ирина Александровна. – Ижевск, 2022. – 177 с.

130. Стернин, И.А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Воронеж: Гарант, 2000. – 27 с.

131. Сусов, И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И.П. Сусов // Языковое общение: процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1988. – С. 7-13.

132. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Сухих Станислав Алексеевич. – Краснодар, 1998. – 257 с.

133. Сухих, С.А. Лингвопсихологические параметры языковой личности / С.А. Сухих // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: доклады Междунар. науч. конф., 12-14 октября 2023 года. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2023. – С. 341-347.

134. Тарасенко, Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Тарасенко Татьяна Петровна. – Краснодар, 2007. – 25 с.
135. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
136. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
137. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
138. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – 799 с.
139. Трубецкой, Н.С. К проблеме русского самопознания. Собрание статей / Н.С. Трубецкой. – Париж, Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1927. – 94 с.
140. Тхорик, В.И. Языковая личность: лингвокультурологический аспект: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Тхорик Владимир Ильич. – Краснодар, 2000. – 304 с.
141. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – М.: ГИС, 2006. – 260 с.
142. Федорова, Е.В. Взаимосвязь идентичности и когнитивной сложности личности: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / Федорова Евгения Викторовна. – Ярославль, 2004. – 239 с.
143. Фомин, А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Фомин Андрей Геннадьевич. – Барнаул, 2004. – 45 с.
144. Фомина, Ю.С. Языковая личность студента полиэтнического вуза: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Фомина Юлия Сергеевна. – Уфа, 2011. – 23 с.

145. Франселла, Ф. Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам / Ф. Франселла, Д. Баннистер. – М.: «Прогресс», 1987. – 236 с.

146. Холодная, М.А. Когнитивные стили как проявление своеобразия индивидуального интеллекта / М.А. Холодная. – Киев: УМКВО, 1990. – 73 с.

147. Холодная, М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.

148. Холодная, М.А. Когнитивный стиль: когнитивное пространство индивидуального интеллекта / М.А. Холодная, А.С. Кочарян // Психологические проблемы индивидуальности. – Л.-М., 1985. – Вып. III. – С. 157-162.

149. Хьелл, Л. Теории личности. Основные положения, исследования и применение / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – Санкт-Петербург: Питер Пресс, 2019. – 3-е изд. – 606 с.

150. Чейф, У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

151. Черничкина, Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Черничкина Елена Константиновна. – Волгоград, 2007. – 31 с.

152. Чернухина, И.Я. Параметры языковой личности и ее развитие / И.Я. Чернухина // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста: тезисы докладов и сообщений IV Междунар. конф. 12-14 мая 1993 г. – Волгоград: Перемена, 1993. – С. 10-11.

153. Шахнарович, А.М. Языковая личность и языковая способность / А.М. Шахнарович // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. – М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 1995. – С.213-223.

154. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 214 с.

155. Шевченко, Н.М. Языковая личность М.И. Цветаевой как объект лексикографии: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Шевченко Наталья Михайловна. – М., 2014. – 39 с.

156. Шевченко, О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Шевченко Ольга Николаевна. – Волгоград, 2005. – 22 с.

157. Шестак, Л.А. Русская языковая личность (коды образной вербализации тезауруса): автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Шестак Лариса Анатольевна. – Волгоград, 2003. – 50 с.

158. Шестак, Л.А. Национальные элементы тезауруса русской языковой личности: номинативная динамика / Л.А. Шестак // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания. – Саратов: Изд-во СГУ, 1996. – Ч. 2. – С. 9-12.

159. Ширина, Е.В. К характеристике понятий «личность», «языковая личность» и «языковой портрет» / Е.В. Ширина // Речевая деятельность. Текст. – Таганрог, 2002. – С. 274-280.

160. Шкайдерова, Т.В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство: на материале заголовков газеты «Правда» 30-40-х гг.: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Шкайдерова Татьяна Викторовна. – Омск, 2007. – 237 с.

161. Шкуратова, И.П. Когнитивный стиль и общение / И.П. Шкуратова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического университета, 1994. – 156 с.

162. Шляховой, Д.А. Виртуальная языковая личность в дискурсивном пространстве военной блогосферы (на материале немецкого языка): дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Шляховой Дмитрий Александрович. – Москва, 2021. – 208 с.

163. Шойсоронова, Е.С. Языковая личность: этнический аспект (на материале бурятской языковой личности): автореферат дис. ... кандидата

филологических наук: 10.02.19 / Шойсоронова Елена Степановна. – Улан-Удэ, 2006. – 21 с.

164. Южанинова, А.Л. К проблеме диагностики социального интеллекта личности / А.Л. Южанинова // Проблемы оценивания в психологии / под ред. Л.П. Добраева. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. – С. 63-67.

165. Южанинова, А.Л. Стиливые особенности межличностного познания и характеристики общения: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / Южанинова Алла Леонидовна. – Ленинград, 1988. – 187 с.

166. Южанинова, А.Л. Типы затруднений в общении у лиц с низким уровнем когнитивной сложности / А.Л. Южанинова // Психологические трудности общения: диагностика и коррекция. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1990. – С. 21-23.

167. Юртаева, М.Н. Когнитивно-стилевые и личностные характеристики толерантности к неопределенности: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / Юртаева Марина Николаевна. – Екатеринбург, 2011. – 26 с.

168. Ясинская, М.Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность: на материале историко-биографической прозы князя Б.И. Куракина: дис. ... кандидата филологических наук: Ясинская Милена Борисовна. – Москва, 2004. – 297 с.

169. Adams-Webber, J.R. Personal construct theory: concepts and applications / J.R. Adams-Webber. – Chichester: John Wiley, 1979. – 239 p.

170. Allport, G.W. Trait-names: a psycho-lexical study / G.W. Allport, H.S. Odbert. – Princeton, Psychological review company, 1936. – 171 p.

171. Bieri, J. Cognitive complexity-simplicity and predictive behavior / J. Bieri // Journal of abnormal and social psychology. – 1955. – V. 51 (2) – P. 263-268.

172. Bieri, J. Differences in perceptual and cognitive behavior as a function of experience type / J. Bieri, S. Messerley // *Journal of consulting psychology*. – 1957. – V. 21 (3). – P. 217-221.
173. Cattell, R.B. The main personality factors in questionnaire, self-estimate material / R.B. Cattell // *Journal of social psychology*. – 1950. – V. 31 (1). – P. 3-38.
174. Galifa, G. The structural quadrants method: a new approach to the assesment of construct system complexity via the repertory grid / G. Galifa, L. Botella // *Journal of constructivist psychology*. – 2000. – V. 13 (1). – P. 1-26.
175. Gardner, R. W. Cognitive control. A study of individual consistencies in cognitive behavior / R.W. Gardner, P.S. Holzman, G.S. Klein, H.B. Linton, D.P. Spence // *Psychological Issues*. – N.Y.: Intern. univ. press, 1959. – V. 1. – 186 p.
176. Harrison, A. The Art of Thinking: The Classic guide to Increasing Brain Power / A. Harrison, R. Bramson. – Berkeley: US Berkeley, 2002. – 240 p.
177. Harvey, O.J. Conceptual systems and personality organization / O.J. Harvey, D.E. Hunt, H.M. Schroder. – N. Y.: John Wiley, 1961. – 375 p.
178. Hjelle, L. Personality theories: basic assumptions, research and applications / L. Hjelle, D. Ziegler. – N. Y.: McGraw-Hill, 1976. – 362 p.
179. Kelly, G.A. The psychology of personal constructs. V. 1. / G.A. Kelly. – N. Y.: Norton, 1955. – 336 p.
180. Kelly, G.A. The role of classification in personality theory / G.A. Kelly // *Clinical Psychology and Personality: the Selected Papers of George Kelly* / ed. B. Maher. – N. Y.: Wiley, 1969. – 361 p.
181. Kelly, G.A. Behavior is an experiment / G.A. Kelly // *Perspectives in Personal Construct Theory* / ed. D. Bannister. – London, N. Y.: Academic Press, 1970. – 273 p.
182. Kolb, D.A. Experimental learning: experience as a source of learning and development / D.A. Kolb. – N.Y.: Prentice-Hall, 1984. – 390 p.

183. Leventhal, H. Cognitive processes and interpersonal prediction / H. Leventhal // *Journal of abnormal and social psychology*. – 1957. – V. 55. – P. 176-180.

184. Lundy, R.M. Cognitive complexity and assimilative projection in attitude change / R.M. Lundy, L. Berkowitz // *Journal of abnormal and social psychology*. – 1957. – V. 55. – P. 34-37.

185. Miller, A. Cognitive differentiation and integration: A conceptual analysis / A. Miller, P. Wilson // *Genetic psychology monographs*. – 1979. – V. 99. – P. 3-40.

186. Royce, J.R. Cognition and knowledge: psychological epistemology / J.R. Royce // *Handbook of perception* / ed. by E.C. Carterette, M.P. Friedman. – N.Y., London: Acad. Press, 1974. – V 1. – P. 149-176.

187. Stroop, J.R. Studies of interference in serial verbal reactions / J.R. Stroop // *Journal of experimental psychology*. – 1935. – V. 18 (6). – P. 643-662.

188. Vasilyev, L.G. A cognitive style parameter of argumentation / L.G. Vasilyev // *Proceedings of the 8th Conference of the International Society for the Study of Argumentation, July 1-4, 2014*. – Amsterdam: SicSat, 2014. – P. 1445-1450.

189. Witkin, H.A. Perception of body position and the position of the visual field / H.A. Witkin // *Psychological monographs*. – 1949. – V. 63 (302). – P. 1-46.

190. Witkin, H.A. Stability of cognitive style from childhood to young adulthood / H.A. Witkin // *Journal of personal and social psychology*. – 1967. – V. 7. – P. 219-300.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. БСЭ – Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 631 с.
2. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. НБАРС – Новый большой англо-русский словарь / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна, Э.М. Медниковой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1997. – 832 с.
4. ПИС – Кондаков, И.М. Психология. Иллюстрированный словарь / И.М. Кондаков. – СПб.; М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 508 с.
5. ПСИС – Популярный словарь иностранных слов / под ред. И.В. Нечаевой. – М.: Азбуковник, 1995. – 494 с.
6. РСТ – Русский семантический словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. Азбуковник, 1998. – 800 с.
7. СЛТ – Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 571 с.
8. СЛТ – Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
9. СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. – 795 с.
10. ССЛТ – Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
11. ТСО – Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 939 с.
12. ТСУ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Русские словари, 1994. – 523 с.

Приложение 1

Список принятых сокращений

КС – когнитивный стиль

ЯЛ – языковая личность

КСР – когнитивно сложные респонденты

КПР – когнитивно простые респонденты

Реп-тест – метод репертуарных решеток Дж. Келли

ЯЧ – языковая черта

Приложение 3

Роли для заполнения бланка Реп-теста

- 1 – я;
- 2 – мать (или тот, кто может ее заменить);
- 3 – отец (или тот, кто может его заменить);
- 4 – брат (или тот, кто может его заменить);
- 5 – сестра (или та, кто может ее заменить);
- 6 – знакомая девушка (для девушек – юноша);
- 7 – бывшая одноклассница (для девушек – одноклассник);
- 8 – ближайший друг (для девушек – подруга);
- 9 – бывший друг (для девушек – подруга);
- 10 – неприятный человек;
- 11 – жалкий человек;
- 12 – недоброжелательный человек;
- 13 – привлекательный человек;
- 14 – любимый преподаватель;
- 15 – нелюбимый преподаватель;
- 16 – научный руководитель (преподаватель-наставник);
- 17 – человек, на которого хотелось бы быть похожим;
- 18 – удачливый человек;
- 19 – высокоморальный человек.

Приложение 4

Текст для эксперимента

“Are you only going to Yarmouth, then?” I asked.

“That’s about it,” said the carrier. “And there I shall take you to the stage-cutch, and the stage-cutch that’ll take you to – wherever it is.”

As this was a great deal for the carrier (whose name was Mr. Barkis) to say – he being, as I observed in a former chapter, of a phlegmatic temperament, and not at all conversational – I offered him a cake as a mark of attention; which he ate at one gulp, exactly like an elephant, and which made no more impression on his big face than it would have done on an elephant’s.

“Did she make ‘em, now?” said Mr. Barkis, always leaning forward, in his slouching way, on the footboard of the cart with an arm on each knee.

“Peggotty, do you mean, sir?”

“Ah!” said Mr. Barkis. “Her.”

“Yes. She makes all our pastry and does all our cooking.”

“Do she though?” said Mr. Barkis.

He made up his mouth as if to whistle, but he didn’t whistle. He sat looking at the horse’s ears, as if he saw something new there, and sat so for a considerable time. By-and-by, he said:

“No sweethearts, I believe?”

“Sweetmeats did you say, Mr. Barkis?” For I thought he wanted something else to eat, and had pointedly alluded to that description of refreshment.

“Hearts,” said Mr. Barkis. “Sweethearts; no person walks with her?”

“With Peggotty?”

“Ah!” he said. “Her.”

“Oh, no. She never had a sweetheart.”

“Didn’t she, though?” said Mr. Barkis.

Again he made up his mouth to whistle, and again he didn’t whistle, but sat looking at the horse’s ears.

“So she makes,” said Mr. Barkis, after a long interval of reflection, “all the apple parsties, and doos all the cooking, do she?”

I replied that such was the fact.

[Dickens Charles. David Copperfield. Wordsworth Edition Limited, 2000.
750 p. – p. 76]

Приложение 5

Критические значения критерия χ^2 для уровней статистической значимости $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$ при разном числе степеней свободы ν

P			P			P		
ν	0,05	0,01	ν	0,05	0,01	ν	0,05	0,01
1	3,841	6,635	35	49,802	57,342	69	89,391	99,227
2	5,991	9,210	36	50,998	58,619	70	90,631	100,425
3	7,815	11,345	37	52,192	59,892	71	91,670	101,621
4	9,488	13,277	38	53,384	61,162	72	92,808	102,816
5	11,070	15,086	39	54,572	62,428	73	93,945	104,010
6	12,592	16,812	40	55,758	63,691	74	95,081	105,202
7	14,067	18,475	41	56,942	64,950	75	96,217	106,393
8	15,507	20,090	42	58,124	66,206	76	97,351	107,582
9	16,919	21,666	43	59,304	67,459	77	98,484	108,771
10	18,307	23,209	44	60,481	68,709	78	99,617	109,958
11	19,675	24,725	45	61,656	69,957	79	100,749	111,144
12	21,026	26,217	46	62,830	71,201	80	101,879	112,329
13	22,362	27,688	47	64,001	72,443	81	103,010	113,512
14	23,685	29,141	48	65,171	73,683	82	104,139	114,695
15	24,996	30,578	49	66,339	74,919	83	105,267	115,876
16	26,296	32,000	50	67,505	76,154	84	106,395	117,057
17	27,587	33,409	51	68,669	77,386	85	107,522	118,236
18	28,869	34,805	52	69,832	78,616	86	108,648	119,414
19	30,144	36,191	53	70,993	79,843	87	109,773	120,591
20	31,410	37,566	54	72,153	81,069	88	110,898	121,767
21	32,671	38,932	55	73,311	82,292	89	112,022	122,942
22	33,924	40,289	56	74,468	83,513	90	113,145	124,116
23	35,172	41,638	57	75,624	84,733	91	114,268	125,289
24	36,415	42,980	58	76,778	85,950	92	115,390	126,462
25	37,652	44,314	59	77,931	87,166	93	116,511	127,633
26	38,885	45,642	60	79,082	88,379	94	117,632	128,803
27	40,113	46,963	61	80,232	89,591	95	118,752	129,973

p			p			p		
v	0,05	0,01	v	0,05	0,01	v	0,05	0,01
28	41,337	48,278	62	81,381	90,802	96	119,871	131,141
29	42,557	49,588	63	82,529	92,010	97	120,990	132,309
30	43,773	50,892	64	83,675	93,217	98	122,108	133,476
31	44,985	52,191	65	84,821	94,422	99	123,225	134,642
32	46,194	53,486	66	85,965	95,626	100	124,342	135,807
33	47,400	54,776	67	87,108	96,828			
34	48,602	56,061	68	88,250	98,028			

Приложение 6

Примеры текстов когнитивно сложных респондентов

1.

-Так вы едете только до Ярмута? - спросил я

- Да, вроде того, - ответил извозчик. - Я довезу тебя до почтовой кареты, а на ней ты доедешь ... ну, куда ты там едешь.

Поскольку извозчик, которого звали мистер Баркис, говорить много не любил – как я уже отмечал в предыдущей главе, он имел флегматичный темперамент и был довольно сдержан – я предложил ему в знак внимания пирожок. Он проглотил его вмиг, точно слон, а его большое лицо осталось таким же равнодушным, каким могло бы быть в подобном случае у слона.

- Это она испекла пирожок? - Спросил мистер Баркис, как всегда слегка наклонившись вперед на передке телеги, опустив ладони на колени.

- Вы имели в виду Пеготти? - спросил я.

- Ага, - ответил мистер Баркис. - Ейная.

- Да. Именно она печет все пирожки и всё у нас готовит.

- Вот это да! Настоящая хозяйка! - удивился мистер Баркис.

Он вытянул губы, будто собирался свистнуть, но не свистнул, а лишь сидел и рассматривал лошадиные уши, словно разглядел в них что-то новое. Так просидел он довольно долго. Через некоторое время он спросил:

- Никаких дружков, я надеюсь?

- Вы имели в виду рожок, мистер Баркис? - переспросил я, подумав, что он не прочь полакомиться чем-нибудь еще и многозначительно намекает на эту закуску.

- Дружков, - повторил мистер Баркис. - Воздыхателей, что ходят вокруг нее.

- Вы о Пеготти?

- Ага, - отозвался мистер Баркис. - Ейная.

- О, нет. Она так и не завела себе дружка.

- Да неужто? - растерянно пробормотал мистер Баркис.

Он снова вытянул губы, как будто собирался свистнуть, и снова не стал свистеть, а лишь сидел и молчал как рыба.

- Так значит, - сказал мистер Баркис после долгого раздумья, - это она готовит все эти яблочные пирожки и занимается всей прочей стряпней, так, что ли?

Я подтвердил, что так все и было.

2.

- Так значит, вы только до Ярмута едете? - спросил я.

- Что-то вроде этого, - ответил извозчик. - Тут я доставлю тебя до дилижанса, а там уже ты доберешься, где бы оно ни находилось.

Я отмечал в предыдущей главе, что извозчик, которого звали мистер Баркис, обладал спокойным нравом и был довольно угрюм, поэтому проговорить все это было для него слишком сложно. Я предложил ему в знак поддержки кусок пирога, который он проглотил даже не разжевав, как слон, а его толстое лицо осталось при этом таким бесстрастным, что почти ничем не отличалось от слоновьего.

- Енто она пирожок-то сготовила? - Пробурчал мистер Баркис, как обычно сутуло наклонившись вперед к подножке телеги, положив локти на колени.

- Вы спрашиваете о Пеготти, сэр?

- А как жеть! - Воскликнул мистер Баркис. - Она-она.

- Да. Она печет все пирожки и вообще всё умеет готовить.

- Ого! А вы не обманываете меня? - воскликнул мистер Баркис.

Он сложил губы трубочкой, словно намеревался свистнуть, но не свистнул, а лишь сидел и смотрел на лошадиные уши, будто никогда не видел их раньше, и сидел так очень долго.

Вскоре он сказал:

- Голубчика нет, я надеюсь?

- Вы имели в виду голубец, мистер Баркис? - Решил уточнить я, так как подумал, что он не наелся одним пирогом и явно намекает на продолжение ланча.

- Любовь, - пояснил мистер Баркис. - Голубчика, дорогого. Она ни с кем не гуляет?

- Вы про Пеготти?

- А как жеть! - воскликнул мистер Баркис. - Её!

- О, нет. Она никогда ни с кем не гуляла.

- В самом деле? Озадаченно спросил мистер Баркис.

Он снова сложил губы трубочкой, словно хотел свистнуть, но снова не свистнул, а сидел и считал ворон.

- Так она ... это, - сказал мистер Баркис после глубокого размышления, - сготовимши все эти яблочные пирожки и прочую стряпню тоже она, да?

Я ответил, что так оно и есть.

3.

- А вы только до Ярмута едете? - спросил я

- Да, примерно так, - ответил извозчик. - Я доведу вас до почтовой повозки, а оттуда уж вы доберетесь... что бы это ни было...

Выговорить все это было чрезвычайно трудно для извозчика (звали его мистер Баркис). Как я уже отмечал в предыдущей главе, это была флегматичная натура, из которой слова клещами не вытянуть. Чтобы как-то его разговорить, я предложил ему клюквенное пирожное, которое он проглотил целиком, точно слон, а его широкое лицо осталось при этом совершенно безучастным, каким было бы и у слона.

- А это она пирожное приготовила? - Спросил мистер Баркис, как всегда немного наклонившись вперед на подножке повозки, положив ладони на колени.

- Вы имеете в виду Пеготти, сэръ? - переспросил я.

- Угу! - промычал мистер Баркис. - Да, да, я про ейные пирожные.

- Да. Она готовит всю выпечку и руководит всем у нас на кухне.

- Правдыть? Так она, значит, вон какая! - Пробормотал мистер Баркис.

Он сжал губы, словно хотел присвистнуть, но раздумал свистеть. Он сидел и вглядывался в лошадиные уши, будто увидел там что-то новое. Сидел он так достаточно долго, а затем спросил:

- У нее нет возлюбленного?

- Клюквенного, вы сказали? - Я подумал, что он не отказался бы от еще одного клюквенного пирожного и открыто намекает на это лакомство.

- Я имею в виду любовь, - пояснил мистер Баркис. - Возлюбленный. Кто-нибудь заходит к ней?

- К Пеготти?

- Ага, - повторил мистер Баркис. - Ей.

- О, нет. Она вообще не знакомится с мужчинами.

- Правдыть? - смущенно переспросил мистер Баркис.

Он снова сжал губы, словно хотел свистнуть, и снова не стал свистеть, только сидел и тарачился на лошадиные уши.

- Так значит, - задумчиво произнес мистер Баркис, - это она готовит все эти клюквенные пирожки и прочие вкусности и вообще кашеварит, правдыть?

Я ответил, что всё так и есть.

4.

- Так значит, вы едете только в Ярмут? – спросил я.

- Да, так и есть, - отвечал возничий. - Я доставлю вас до почтовой кареты, а там уж доедете ... где там это находится

Поскольку перевозчику (которого звали мистер Баркис) было непросто все это сказать – он был, как я уже отметил в предыдущей главе, флегматик по темпераменту и скуп на слова – я предложил ему лепешку, чтобы как-то его развлечь. Он съел ее в один присест, точно слон, а его круглое лицо оставалось при этом совершенно невозмутимым, точно слоновье.

- Это она лепешку спекла? - Промычал мистер Баркис, как обычно немного подавшись вперед, сугулясь на передке телеги и упираясь локтями в колени.

- Пеготти, вы имеете в виду, сэр?

- Ага, - отозвался мистер Баркис. - Ее.

- Да. Она печет у нас лепешки и все время что-нибудь готовит.

- Так она о-го-го какая! - воскликнул мистер Баркис.

Он придал губам форму трубочки, как будто намеревался засвистеть, но не засвистел, а лишь сидел и рассматривал лошадиные уши, будто заметил там что-то интересное. Сидел он так весьма долго, после чего сказал:

- Я полагаю, ни с кем не встречается?

- Мистер Баркис, вы сказали «ветчина»? - Спросил я, подумав, что он хочет еще что-нибудь съесть и явно намекает на эту закуску.

- Встречаться, - сказал мистер Баркис. - С возлюбленным. Она ни с кем не встречается?

- Пеготти?

- Ну конечно! - воскликнул мистер Баркис. - Кто ж ещё?

- О, нет. Она не встречается с парнями.

- Да ну? - Засомневался мистер Баркис.

Он снова вытянул губы трубочкой, будто собирался свистнуть, но не свистнул, а лишь сидел и хлопал глазами.

- Значит, это она, - задумчиво подчеркнул мистер Баркис, - значит, она стряпает яблочные вкусности и вообще кухарит, так, что ли?

Я ответил, что так оно и было.

5.

- А вы, значит, только до Ярмута следуете?- спросил я

- Да, вроде так, - ответил извозчик. - Я отвезу вас к дилижансу, а дилижанс доставит вас к ... к чему бы то ни было

Поскольку извозчик (которого звали мистер Баркис) не был охотником до разговоров – как я уже замечал в предыдущих главах, он был флегматичен по

темпераменту и очень малообщителен – я предложил ему в знак внимания кекс, который он съел не жуя, как слон. Его широкое лицо при этом оставалось таким же спокойным, каким могло бы быть у слона.

- Это она сготовила кекс-то? - Спросил мистер Баркис, как обычно сутуло наклонившись вперед к подножке телеги, упираясь локтями в колени.

- Вы спрашиваете о Пеготти? - уточнил я.

- Ага, - повторил мистер Баркис. - Ее, любезную.

- Да. Она готовит всю нашу выпечку и ответственна за все дела на кухне.

- Да ты что! Какова хозяйка, ты только подумай! - Выпалил мистер Баркис.

Он выпятил губы, словно хотел свистнуть, но не свистнул, а сидел и разглядывал лошадиные уши, будто увидел их в первый раз. Просидел он так довольно долго. Мало-помалу, он заговорил:

- А у нее нет пары?

- Вы имеете в виду пары кексов? - Уточнил я, так как подумал, что он до сих пор голоден и подчеркнуто намекает на продолжение перекуса.

- Ухажера, - пояснил мистер Баркис. - Любимого. Она одна все время?

- Вы про Пеготти?

- Так про кого ж? - ответил мистер Баркис. - Ей.

- О! Она никогда не общалась с молодыми людьми.

- Значит так? - Удивленно протянул мистер Баркис.

Он снова вытянул губы, словно хотел свистнуть, но не стал свистеть, лишь сидел и молчал.

- Так это она, значит, - задумчиво отметил мистер Баркис, - она стряпает всякие яблочные вкусности и заправляет всем на кухне, да?

Я подтвердил, что всё так и было.

Приложение 7

Примеры текстов когнитивно простых респондентов

1.

- Значит, вы едете только до Ярмута? - спросил я.

- Так и есть, ответил извозчик. - Я довезу вас до почтовой повозки, а повозка доставит вас туда, куда вам требуется.

Поскольку извозчику (чьё имя было мистер Баркис) разговоры давались довольно трудно – я отмечал в одной из предыдущих глав его флегматичный и неразговорчивый характер – я предложил ему в знак внимания пирожное, которое он сразу проглотил, точно слон, и которое не произвело на него никакого впечатления.

- Это она их делала? - сказал мистер Баркис, наклонившись вперед и ссутулившись.

- Пеготти, вы имеете в виду, сэр?

- Ах, - сказал мистер Баркис. - Её.

- Да. Она делает всю нашу выпечку и все приготовления.

- Неужели? - сказал он.

Он состроил гримасу как будто для свиста, но не издал ни единого звука. Он сидел, рассматривая уши лошади, будто увидел там что-то новое, и сидел так в течение долгого времени. Затем он сказал:

- Нет возлюбленных, я полагаю?

- Вы сказали «сладости», мистер Баркис? - Я подумал, что он хочет еще какой-нибудь еды и делает на это намеки.

- Сердца, - сказал мистер Баркис. - Возлюбленные. Нет человека, ухаживающего за ней?

- За Пеготти?

- Ага, - сказал он. - За ней.

- О, нет. У нее никогда никого не было.

- Не было, значит, - сказал мистер Баркис.

Он снова состроил гримасу, но не засвистел, а сидел, рассматривая уши лошади.

- Так значит, - сказал мистер Баркис после долгих размышлений, - все эти пирожки и прочая выпечка приготовлены ею, так?

Я ответил, что это был факт.

2.

- Так вы едете только до Ярмута? - спросил я

- Так и есть, - ответил извозчик. - Я довезу вас до дилижанса, а дилижанс отвезет вас туда, куда скажете.

Поскольку для извозчика (по имени мистер Баркис) это была слишком длинная речь – я говорил в предыдущей главе о его флегматичном и неразговорчивом характере – я предложил ему в знак внимания пирожок, который он съел в один укус, как слон, что не произвело на него никакого особого впечатления.

- Это она сделала их? - Спросил мистер Баркис, сидя, как обычно, в своей сутулой манере с руками на коленях.

- Вы имеете в виду Пеготти, сэр?

- Ах! - сказал мистер Баркис. - Да, её.

- Да. Вся наша выпечка - это ее рук дело.

- В самом деле? - сказал извозчик.

Он скривил лицо как во время свиста. Он сидел, рассматривая уши лошади, словно увидел там что-то новое, и сидел так продолжительное время.

- Нет никаких возлюбленных, я полагаю?

- Вы сказали «сладости», мистер Баркис? - Я подумал, что он хочет еще каких-нибудь угощений и делает на это намек.

- Сердца, - сказал мистер Баркис. - Возлюбленные; нет человека, гуляющего с ней?

- С Пеготти?

- Ах! - сказал он. - С ней.

- О, нет. У нее никогда не было возлюбленного.

- Нет, получается, - сказал мистер Баркис.

Он снова скривил лицо и снова не свистнул, а сидел, рассматривая уши лошади.

- Так это она, - сказал мистер Баркис после некоторого раздумья, - делает все эти булочки и всю остальную еду, да?

Я ответил, что это факт.

3.

- А вы только до Ярмута едете? - спросил я.

- Да, так и есть, - ответил извозчик. - Я довезу вас до дилижанса, а дилижанс доставит вас, куда вам нужно.

Поскольку такая речь была слишком длинной для извозчика (чье имя было мистер Баркис) – в предыдущей главе уже упоминался его флегматичный и неразговорчивый характер – я предложил ему в знак внимания кусочек торта, который он проглотил, словно слон, и который не вызвал на его большом лице никаких эмоций.

- Это она их делала? - Сказал мистер Баркис, который сидел сутулясь на подножке телеги.

- Вы имеете в виду Пеготти?

- Ах, - сказал мистер Баркис. - Её.

- Да. Вся наша выпечка и еда - это ее забота.

- Правда? - Сказал извозчик.

Он сморщил лицо как будто для свиста. Он сидел, разглядывая уши лошади, как будто видел в них что-то новое, и сидел так в течение продолжительного времени.

- Нет ухажеров, я надеюсь?

- Вы сказали «конфеты», мистер Баркис? - Я подумал, что он желает еще каких-нибудь угощений, на что и делает намеки.

- Сердца, - сказал мистер Баркис. - Ухажеров. У нее есть кто-нибудь?

- У Пеготти?

- Ага, - сказал он. - У неё.

- Нет-нет. У неё никого нет.

- Нет у нее, так, - сказал мистер Баркис.

Он снова сморщил лицо как во время свиста и сидел, разглядывая уши лошади.

- Так значит, - сказал мистер Баркис после некоторого размышления, - и эти пирожки, и прочая выпечка сделаны ею, да?

Я ответил, что таков был факт.

4.

- Вы только до Ярмута едете, значит? - спросил я.

- Да, так и есть, - ответил извозчик. - Я довезу вас до дилижанса, а дилижанс отвезет вас, куда захотите.

Так как для извозчика (по имени мистер Баркис) это было чересчур длинное предложение – я говорил в предыдущей главе о его флегматичности и молчаливости – я предложил ему в знак внимания пирожок, который он проглотил как слон и который не произвел на него ни малейшего впечатления.

- Она их делала? - Сказал мистер Баркис, наклоняясь вперед и сутулясь.

- Вы имеете в виду Пеготти, сэр?

- Да, сказал мистер Баркис. - Её.

- Да. Она делает всю нашу выпечку и всю еду.

- Неужели? Сказал он.

Он скривил лицо, словно хотел свистнуть, но не сделал этого. Он сидел, рассматривая уши лошади, как будто заметил в них что-то новое, и сидел так долгое время.

- Нет кавалеров, я полагаю?

- «Сладости», вы сказали, мистер Баркис? - Я подумал, что он желает еще какой-нибудь закуски и делает на это намек.

- Сердца, - сказал мистер Баркис. - Любовь. Нет человека, вскружившего ей голову?

- Пеготти?

- Ага, - сказал он. - Ей.

- Ни-ни. Такого у нее нет.

- Значит, нет, - сказал мистер Баркис.

Он снова скривил лицо как будто для свиста и сидел, всматриваясь в уши лошади.

- Так значит, - сказал мистер Баркис после некоторого раздумья, - все эти лакомства и прочая еда – всё приготовлено ею, так?

Я ответил, что это был факт.

5.

- Вы только до Ярмута едете? - спросил я.

- Да, примерно так, - ответил погонщик. - Я доставлю вас до почтовой кареты, а почтовая карета отвезет вас туда, куда вам нужно.

Такой монолог был слишком трудным для погонщика по имени мистер Баркис – я упоминал его флегматичность в предыдущей главе – я предложил ему в знак внимания пирожок, который он проглотил и который не произвел на него никакого впечатления.

- Это она делала их? - сказал мистер Баркис, наклонившись вперед и сгорбившись.

- Пеготти, вы имели в виду?

- Ах! - Сказал мистер Баркис. - Её.

- Да. Вся наша выпечка и все приготовления - это ее дело.

- Это так? - сказал погонщик.

Он состроил физиономию, словно пытаясь засвистеть. Он сидел, рассматривая уши лошади, как будто увидел там что-то новое, и сидел так долгое время.

- Возлюбленных нет, я полагаю?

- Вы сказали «сладости», мистер Баркис? - Я подумал, что он хочет еще какой-нибудь еды, на что и делает намек.

- Сердца, - сказал мистер Баркис. - Возлюбленных. Никто не проводит с ней время?

- С Пеготти?

- Ах, да, - сказал он. - С ней.

- О нет. С ней никогда никто не встречался.

- Нет, значит, - сказал мистер Баркис.

Он снова соорудил физиономию как будто для свиста и сидел так, уставившись на уши коня.

- Так это она, - сказал мистер Баркис после долгого раздумья, - делает всякие закуски и всю выпечку, не так ли?

Я ответил, что так всё и было.

Приложение 8

Сопоставление способов передачи смысла когнитивно сложными и когнитивно простыми респондентами по языковым чертам

Языковая черта 'активность'

1) No person walks with **her**?

КСР 47 чел.; КПР 8 чел.:

Она ни с кем не гуляет? / **Она** ни с кем не встречается?/ Нет никого, с кем **она** встречается?/ **Она** с кем-нибудь прогуливается? / **Она** с кем-нибудь ходит гулять? / **Она** никого не держит на примете? / **Она** ни с кем не водит знакомство? / **Она** одна все время? / **Она** постоянно одна?

Остальные респонденты: А нет ли человека, **прогуливающегося** с ней / **гуляющего** с ней / **разгуливающего** с ней / **бегающего** за ней? (ЯЧ 'созерцательность': КСР 8 чел.; КПР 49 чел.);

Никто с ней не **общается**? / Никто не **проводит** с ней **время**? / С ней никто не **водится**? / С ней кто-нибудь **общается**? / У нее **есть** кто-нибудь? / Никто не **бывает** у нее? / Она с кем-нибудь **общается**? (ЯЧ 'абстрактность': КСР 0 чел.; КПР 48 чел.);

У нее нет **любимого человека** / нет ли у нее **какого-нибудь обольстителя** / **дорогого человека** / **кого-то дорогого сердцу** / **друга** / у нее нет **никаких возлюбленных**? / Она **одна все время**? (ЯЧ 'ассоциативность': КСР 35 чел.; КПР 0 чел.);

“Воздыхателей, что **ходят вокруг нее**” / За ней кто-нибудь **ухаживает**? / У нее **есть** кто-нибудь? / Она **одна все время**? / Она с кем-нибудь **ходит гулять**? / А с ней кто-нибудь **общается**? / **Есть ли кто-нибудь**, кто вертится вокруг нее? (ЯЧ 'противоположность': КСР 54 чел.; КПР 9 чел.);

Никто за ней не **ухлестывает**? / есть ли кто-нибудь, кто **вертится** вокруг нее? / Неужели до сих пор за ней никто не **приударил!**? / Она ни с кем не **хороводится** / не **якшается** / не **дружится!**? / Кто-нибудь **захаживает** к ней? / Никто ее не **обхаживает**? (ЯЧ 'прагматичность' КСР 8 чел.; КПР 0 чел.)

Необходимо отметить, что в одном варианте передачи содержания одного примера может проявляться сразу две и более ЯЧ. Например, вариант *Она одна все время?* обнаруживает одновременно ЯЧ ‘активность’, ‘ассоциативность’ и ‘противоположность’. Аналогично, *Есть ли кто-нибудь, кто вертится вокруг нее?* – одновременно ЯЧ ‘противоположность’ и ‘прагматичность’. Вариант: *Она с кем-нибудь общается?* сочетает языковые черты ‘активность’, ‘абстрактность’ и ‘противоположность’. Этим объясняется тот факт, что сумма описанных вариантов передачи содержания одного примера может превышать число когнитивно сложных и когнитивно простых респондентов.

2) And there I shall take you to the stage-cutch, and the **stage-cutch** that'll take you to - wherever it is.

КСР 56 чел.; КПП 3 чел.:

Я довезу тебя до дилижанса, а там уже **ты** доберешься, куда следует / а на нем **ты** сможешь доехать куда угодно / а на нем уже сможешь добраться куда угодно / а на нем **ты** доедешь до нужного места.

Остальные респонденты: Я довезу вас до дилижанса, а **дилижанс** доставит вас куда нужно (отсутствие трансформаций: КСР 28 чел.; КПП 94 чел.)

3) ... which made no more impression **on his big face** than it would have done on an elephant's.

КСР 56 чел.; КПП 0 чел.:

...а **его большое лицо** осталось таким же равнодушным, каким могло бы быть у слона / при этом **его толстое лицо** оставалось совершенно безучастным, как у слона / а **его большое лицо**, словно слоновье, не выразило по этому поводу никаких эмоций / а **его широкое лицо** по-прежнему выражало нерушимое спокойствие, словно это был слон / а **его круглое лицо** никак не изменилось при этом, точно слоновье.

Остальные респонденты: ...это произвело **на него** не больше впечатления, чем могло бы произвести на слона / что не произвело **на него** никакого впечатления... (ЯЧ ‘абстрактность’: КСР 0 чел.; КПП 45 чел.);

Я предложил ему пирожное в знак внимания, которое он съел в один присест, точно слон / проглотил в один укус, словно слон. (исходные элементы опущены; ЯЧ 'синтетичность' КСР 9 чел.; КПП 52 чел.);

...который произвел **на его большое толстое лицо** не больше впечатления, чем мог бы произвести на слона (отсутствие трансформаций: КСР 19 чел.; КПП 0 чел.)

4) He sat **looking** at the horse's ears...

КСР 81 чел.; КПП 14 чел.:

Он сидел и **смотрел** на уши лошади / сидел и **рассматривал** лошадиные уши / сидел и **посматривал** на лошадиные уши / сидел и **вглядывался** в уши лошади.

Остальные респонденты: ...сидел, **рассматривая** уши лошади / **глядя** на уши лошади (отсутствие трансформаций: КСР 3 чел.; КПП 83 чел.)

5) ...he didn't whistle, but sat **looking** at the horse's ears....

КСР 76 чел.; КПП 15 чел.:

...он не свистнул, а лишь сидел и **всматривался** в лошадиные уши / сидел и **поглядывал** на уши лошади / сидел и **тарачился** на лошадиные уши / сидел и **наблюдал** за лошадиными ушами.

Остальные респонденты: ...сидел, **рассматривая** уши лошади / **глядя** на уши лошади (отсутствие трансформаций: КСР 8 чел.; КПП 82 чел.)

6) ...he **being**, as I observed in a former chapter, of a phlegmatic temperament...

КСР 79 чел.; КПП 13 чел.:

...он **был** ... флегматиком по темпераменту / **имел** флегматичный темперамент...

Остальные респонденты: ...я уже отмечал в одной из предыдущих глав его флегматичный темперамент / в предыдущей главе уже упоминался его флегматичный и неразговорчивый характер... (опущено 'he being'; ЯЧ 'синтетичность': КСР 5 чел.; КПП 63 чел.).

7) As this was a great deal for the carrier (whose **name** was Mr. Barkis)...

КСР 65 чел.; КПП 18 чел.:

...которого **звали** мистер Баркис...

Остальные респонденты: ...чье **имя** было мистер Баркис / по **имени** мистер Баркис... (отсутствие трансформаций: КСР 19 чел.; КПП 79 чел.)

8) ... and does all our **cooking**.

КСР 56 чел.; КПП 3 чел.:

... и все для нас **готовит** / и все умеет **готовить** / да и вообще все **готовит**.

Остальные респонденты: ...и делает все **приготовления** / всю нашу **еду** (отсутствие трансформаций: КСР 28 чел.; КПП 94 чел.)

9) ...which he ate at one **gulp**, exactly like an elephant...

КСР 41 чел.; КПП 4 чел.:

...он проглотил его **не жуя** / даже **не прожевав** / **не разжевав**, прямо как слон...

Остальные респонденты: ... который он проглотил **залпом** / **целиком** / **мгновенно** / **сразу** / **моментально** / **махом** / **вмиг** / **мигом** / **тотчас...** (ЯЧ 'транспозиция': КСР 43 чел.; КПП 0 чел);

... он проглотил его / съел его (ЯЧ 'синтетичность': КСР 0 чел.; КПП 69 чел.).

Языковая черта 'созерцательность'

1) **She** never had a sweetheart...

КСР 18 чел.; КПП 90 чел.:

У нее никогда никого не было / **у нее** никогда не было дружка / **у нее** никого нет / **у нее** нет никакого возлюбленного / **у нее** никогда не было любимого.

Остальные респонденты: О, нет. Она не **встречается** с парнями / она не **общается** с молодыми людьми / не **дружит** / не **водится** / не **знакомится** с мужчинами (ЯЧ 'конкретность': КСР 63 чел.; КПП 5 чел.).

У нее никогда **никого** не было / **у нее** **никого** нет / нет **у нее** **никого** / нет, **таковых** у нее не имеется (ЯЧ 'абстрактность': КСР 8 чел.; КПП 57 чел.).

2) No person **walks** with her?

КСР 8 чел.; КПП 49 чел.:

А нет ли человека, **прогуливающегося** с ней / **гуляющего** с ней / **разгуливающего** с ней / **бегающего** за ней / **положившего** на нее **глаз** / **вскружившего** ей **голову** / **проявляющего** к ней **интерес**?

3) “So she **makes**,” said Mr. Barkis <...> “all the apple parsties, and doos all the cooking”...

КСР 7 чел.; КПП 58 чел.:

Так значит, все эти пирожки и прочая выпечка **сделаны** / **приготовлены** / **изготовлены** ею.

Остальные респонденты: Так это она **кухарит** и делает всю выпечку / **занимается** всей **готовкой** / **заправляет** всем на кухне / она **кухарит**... готовит все эти яблочные ватрушки и другую стряпню / она **выполняет** всю **готовку** / **готовит** всю эту яблочную и прочую **стряпню** / она **целыми днями только и делает, что готовит** яблочные пирожки / **готовит** все эти **кушанья** / значит, она **стряпает** все эти **яблочные штуки** и постоянно готовит / вся эта **стряпня** **приготовлена** ею (ЯЧ ‘прагматичность’: КСР 84 чел.; КПП 13 чел.).

4) As this was a great deal for the carrier (whose name was Mr. Barkis) **to say**...

КСР 16 чел.; КПП 47 чел.:

Извозчику (чье имя было мистер Баркис) **разговоры** давались довольно трудно / для извозчика (по имени мистер Баркис) это была длинная **речь** / для извозчика это было слишком длинное **предложение** / такая **речь** была чересчур долгой для извозчика / для перевозчика это был слишком длинный **монолог**...

Остальные респонденты: Поскольку извозчик, которого звали мистер Баркис, **не любил много говорить** / **разговаривал неохотно**... (ЯЧ ‘ассоциативность’: КСР 44 чел.; КПП 0 чел.);

Поскольку перевозчик **много не говорил** / **не любил много говорить** / **сказать все это** перевозчику было **очень не просто** / поскольку извозчик **не был охотником до разговоров** / **не был любителем поговорить**... (ЯЧ ‘противоположность’: КСР 63 чел.; КПП 11 чел.);

Сказать / выговорить / произнести все это было чрезвычайно трудно для извозчика / **проговорить** все это было слишком сложно (отсутствие трансформаций КСР 0 чел.; КПП 39 чел.).

5) He made up his mouth as if **to whistle**...

КСР 3 чел.; КПП 63 чел.:

Он состроил гримасу как во время **свиста** / скривил лицо как будто для **свиста**...

Остальные респонденты: Он скривил губы, будто **собирался** / **хотел** / **намеревался свистнуть** (ЯЧ 'аналитичность': КСР 81 чел.; КПП 12 чел.).

6) For I thought he wanted something else **to eat**...

КСР 13 чел.; КПП 68 чел.:

Я подумал, что он хочет еще какой-нибудь **еды** / желает продолжить **перекус** / ждет еще какого-нибудь **угощения** / какой-нибудь **закуски** / каких-нибудь **вкусностей** от меня.

Остальные респонденты: Я подумал, что он до сих пор **голоден** / все еще **голодный** / мне показалось, что он так сильно **проголодался** / что он **не наелся** одним пирожком... (ЯЧ 'ассоциативность': КСР 53 чел.; КПП 0 чел.);

Я подумал, что он **не отказался** бы еще поесть / **не откажется** съесть что-нибудь еще / был **не прочь поесть** еще / что он **не наелся**... (ЯЧ 'противоположность': КСР 37 чел.; КПП 5 чел.);

Я подумал, что он хочет еще что-нибудь **съесть**... (отсутствие трансформационной операции КСР 0 чел.; КПП 24 чел.).

7) ... and had pointedly **alluded** to that description of refreshment

КСР 14 чел.; КПП 65 чел.:

...и поэтому сделал **намек** на эту закуску / делал на это **намек** / упомянул это в качестве **намек** / на что и делает **намек**.

Остальные респонденты: ...и просто **ошибся с названием блюда** (ЯЧ 'ассоциативность': КСР 18 чел.; КПП 0 чел.);

...**намекнул** на продолжение перекуса / полдника / ланча (ЯЧ 'ассоциативность': КСР 16 чел.; КПП 0 чел.).

8) She **makes** all our pastry....

КСР 8 чел.; КПП 41 чел.:

Да, вся наша выпечка – это ее **забота** / это ее **рук дело** / вся эта выпечка – ее **работа**.

Остальные респонденты: она **готовит** всю нашу выпечку (отсутствие трансформации КСР 76 чел.; КПП 56 чел.).

Языковая черта ‘транспозиция’

1) ... which he ate **at one gulp**...

КСР 43 чел.; КПП 0 чел.:

... который он проглотил **залпом** / **целиком** / **мгновенно** / **сразу** / **моментаально** / **махом** / **вмиг** / **мигом** / **тотчас**...

2) “So she makes,” said Mr. Barkis, after a long interval of **reflection**...

КСР 64 чел.; КПП 13 чел.:

“Так значит, это она” – **задумчиво** произнес мистер Баркис...

3) ...and which made no more **impression** on his big face...

КСР 54 чел.; КПП 14 чел.:

... а его большое лицо оставалось **невозмутимым** / **равнодушным** / **спокойным** / **безмятежным** / **безучастным** / **бесстрастным** ...

4) ...than it would have done on an **elephant’s**.

КСР 58 чел.; КПП 8 чел.:

...чем могло бы произвести на **слоновье**.

5) ... sat looking at the **horse’s** ears.

КСР 57 чел.; КПП 5 чел.:

... а лишь сидел и смотрел на **лошадиные** уши.

6) ... he being ... of a **phlegmatic** temperament...

КСР 47 чел.; КПП 18 чел.:

...он был **флегматиком** по темпераменту / отличался своей **флегматичностью**...

7) ...and sat so **for a considerable time**.

КСР 70 чел.; КПП 12 чел.:

...и сидел так **довольно долго** / **достаточно долго** / **очень долго** / **довольно-таки долго** / **весьма долго**.

8) ... leaning forward, in his **slouching** way ...

КСР 35 чел.; КПП 6 чел.:

... **сутуло** наклонившись вперед...

Языковая черта 'конкретность'

1) She makes all our pastry and **does** all our cooking.

КСР 56 чел.; КПП 25 чел.:

Она печет пирожки и все для нас **готовит** / она готовит всю выпечку и **ответственна** за все дела на кухне / она готовит всю выпечку и **несет ответственность** за все приготовления / и **заведует** всей кухней / и **руководит** всем на кухне / и вообще все **умеет готовить**.

2) "That's about it," **said** the carrier.

КСР 76 чел.; КПП 18 чел.:

"Да, примерно так," – **ответил** извозчик.

3) "Did she make 'em, now?" **said** Mr. Barkis...

КСР 75 чел.; КПП 16 чел.:

"Это она их готовила," – **спросил** / **начал** / **буркнул** / **пробурчал** / **промычал** мистер Баркис.

4) "Ah!" **said** Mr. Barkis. "Her."

КСР 61 чел.; КПП 9 чел.:

"Ах!" – **воскликнул** мистер Баркис. "Её". / "Ага," – **повторил** / **отозвался** мистер Баркис. "О ней".

5) "Do she though?" **said** Mr. Barkis.

КСР 72 чел.; КПП 12 чел.:

"Неужели?" – **спросил** / **протянул** / **удивился** мистер Баркис / "Правда!?" – **вопросил** мистер Баркис. / "Да ты что!" – **выпалил** мистер Баркис.

6) By-and-by, he **said**...

КСР 62 чел.; КПР 10 чел.:

Через какое-то время он **выдал** / **пробормотал**...

7) "Hearts," **said** Mr. Barkis.

КСР 72 чел.; КПР 7 чел.:

"Любовь," **пояснил** / **повторил** / **уточнил** мистер Баркис.

8) "Didn't she, though?" **said** Mr. Barkis.

КСР 60 чел.; КПР 8 чел.:

"Неужто?" – **переспросил** / **засомневался** / **пробормотал** мистер Баркис.

9) "So she makes," **said** Mr. Barkis...

КСР 58 чел.; КПР 4 чел.:

"Итак", - **отметил** мистер Баркис. – "Это она готовит"... / "Значит", - **подчеркнул** / **заметил** мистер Баркис... / "Так значит", - **пояснил** мистер Баркис...

10) Oh, no. She never **had** a sweetheart.

КСР 61 чел.; КПР 5 чел.:

О, нет. Она не **встречается** с парнями / она не **общается** с молодыми людьми / не **дружит** / не **водится** / не **знакомится** с мужчинами.

11) ... **said** Mr. Barkis...with an **arm** on each knee.

КСР 55 чел.; КПР 0 чел.:

... упираясь **локтями** в колени / положив **ладони** на колени.

12) He made up his **mouth** as if to whistle...

КСР 65 чел.; КПР 0 чел.:

Он вытянул **губы** / свернул **губы** / скривил **губы** / поджал **губы** / выпятил **губы** / сомкнул **губы** / сложил **губы** / сжал **губы** / напряг **губы** ...

13) "Did she make '**em**, now?"

КСР 47 чел.; КПР 3 чел.:

Это она испекла **пирог** / **пирожок** / **пирожное** / **торт** / **кекс** / **штрудель** / **сочник** / **лепешку**?

14) For I thought he wanted **something** else to eat...

КСР 44 чел.; КПР 0 чел.:

Я подумал, что он хочет съесть еще одно **пирожное** / еще один **пирожок** / **кекс** / **сочник** / еще одну **лепешку** / что он не отказался бы от еще одного **кусочка торта**.

Языковая черта 'абстрактность'

1) "Do she though?" said **Mr. Barkis**.

КСР 13 чел.; КПП 61 чел.:

“Неужели она?” – сказал **он** / **извозчик** / **перевозчик** / **возничий** / **кучер** / **носильщик** / **погонщик** / **мужчина**.

2) "So she makes," ... "all the **apple parsties**, and doos all the cooking, do she?"

КСР 10 чел.; КПП 54 чел.:

Так это она делает ... все эти **закуски** / всякие **лакомства** / **булочки** / всю эту **выпечку** и всю остальную еду / все эти **лакомства** изготовлены ею?

3) She never had a **sweetheart**...

КСР 8 чел.; КПП 57 чел.:

У нее никогда **никого** не было / у нее **никого** нет / нет у нее **никого** / нет, **таковых** у нее не имеется.

4) He made up his **mouth** as if to whistle...

КСР 0 чел.; КПП 86 чел.:

Он искривил **лицо** как будто для свиста / сморщил **лицо** / скривил **физиономию** / изменился в **лице** / изобразил **гримасу** / соорил **гримасу**.

5) ...which made no more impression on **his big face**..."

КСР 0 чел.; КПП 45 чел.:

...это произвело на **него** не больше впечатления, чем могло бы произвести на слона / что не произвело на **него** никакого впечатления...

6) No person **walks** with her?

КСР 0 чел.; КПП 48 чел.:

Никто с ней не **общается?** / Никто не **проводит** с ней **время?** / С ней никто не **водится?** / С ней кто-нибудь **общается?** / У нее **есть** кто-нибудь? / Никто не **бывает** у нее?

7) ...he wanted something else to eat, and had pointedly alluded to that **description of refreshment**.

КСР 5 чел.; КПП 50 чел.:

...он хотел еще какой-нибудь закуски и делал многозначительные намеки на **это** / на **что** и делал намек / и тем самым намекал на **это**.

Остальные респонденты:

Я подумал, что он хочет еще что-нибудь съесть и поэтому делает намеки / подает мне знак / говорит намеками / указывает на это. (ЯЧ 'синтетичность': КСР 11 чел.; КПП 47 чел.).

8) I offered him a cake as a mark of attention; which he ate at one gulp, exactly like an elephant, and which made no more impression on his big face than **it would have done on an elephant's**.

КСР 2 чел.; КПП 48 чел.:

В знак внимания я предложил ему кусочек торта, который он проглотил разом, как слон, и который не произвел на него **никакого впечатления** / не произвел на него **какого-либо впечатления** / не произвел на него **особого впечатления** / который не вызвал на его большом лице **ни одной эмоции** / **никаких эмоций** / что **никак не отразилось** на его большом лице.

9) Again he made up his mouth to **whistle**, and again he didn't whistle...

КСР 4 чел.; КПП 58 чел.:

Он снова **скривил** лицо / **скривился** / **искривил** рот / **состроил** гримасу, но не засвистел / но не свистнул...

10) He made up his mouth as if to whistle, but he didn't **whistle**.

КСР 4 чел.; КПП 48 чел.:

Он скривил лицо как во время свиста, но не издал ни единого **звука** / будто собирался засвистеть, **чего** не последовало / но не сделал **этого** / словно собирался издать свист, **которого** не последовало.

Языковая черта 'аналитичность'

1) ...said Mr. Barkis ... with an arm on each knee...

КСР 84 чел.; КПР 0 чел.:

... сказал мистер Баркис, **положив** ладони на колени / **упираясь** локтями в колени / **прижав** локти к коленям / **держа** ладони на коленях / **опустив** ладони на колени / **сложив** руки на коленях.

2) For I thought he wanted something else to eat...

КСР 56 чел.; КПР 0 чел.:

Спросил / **уточнил** / **переспросил** / **пояснил** / **решил уточнить** я, подумав, что он хочет съесть что-то еще...

3) He made up his mouth as if to whistle, but he didn't whistle

КСР 81 чел.; КПР 12 чел.:

Он скривил губы, будто **собирался** / **хотел** / **намеревался** свистнуть, но не свистнул.

4) ... and again he didn't whistle...

КСР 72 чел.; КПР 0 чел.:

... и снова не **стал** свистеть...

5) ...always leaning forward, in his slouching way...

КСР 63 чел.; КПР 4 чел.:

...как всегда, **слегка** наклонившись вперед, **чуть** / **немного** / **слегка** сгорбившись...

6) Yes. She makes all our pastry and does all our cooking.

КСР 47 чел.; КПР 8 чел.:

Да, она готовит всю нашу выпечку и **вообще** всю стряпню / и **все время** / **постоянно** что-нибудь стряпает / и **всегда** готовит у нас обеды.

7) "Didn't she, though?" said Mr. Barkis.

КСР 51 чел.; КПР 6 чел.:

"Неужели?" – **растерянно** / **удивленно** / **нерешительно** / **смущенно** / **озадаченно** спросил мистер Баркис.

8) ...but sat looking at the horse's ears.

КСР 56 чел.; КПР 7 чел.:

... а по-прежнему / **спокойно** / **тихо** / **молчаливо** / **задумчиво** / **неподвижно** сидел и рассматривал лошадиные уши / а сел **поудобнее** и смотрел на уши лошади.

9) I offered him a cake as a mark of attention...

КСР 48 чел.; КПР 0 чел.:

Я предложил ему пирожное в знак внимания к его **усилиям** / **стараниям** / **усердию** / к его **попыткам поддержать разговор**.

10) He made up his mouth...

КСР 61 чел.; КПР 6 чел.:

Он вытянул губы **трубочкой** / сложил губы **в трубочку** / он выпятил губы **в форме трубочки** / **в виде трубочки** / придал губам **форму трубочки**.

11) ...he wanted something else to eat...

КСР 45 чел.; КПР 0 чел.:

...он хочет съесть еще **одно** пирожное / еще **один** пирожок / еще **парочку** пирожных...

12) ...but sat looking at the horse's ears.

КСР 56 чел.; КПР 4 чел.:

...а **лишь** сидел и смотрел на лошадиные уши.

13) Yes. She makes all our pastry and does all our cooking.

КСР 52 чел.; КПР 11 чел.:

Да, **именно** она печет пирожки / она **действительно** готовит всю выпечку...

14) "Peggotty, do you mean, sir?"

КСР 59 чел.; КПР 5 чел.:

"Вы имеете в виду Пеготти?" – **уточнил** / **спросил** / **переспросил** / **осведомился я**.

Языковая черта 'синтетичность'

1) ... in his slouching way, **on the footboard of the cart** with an arm on each knee.

КСР 13 чел.; КПР 76 чел.:

... в своей сутулой манере с руками на коленях.

2) ... said Mr. Barkis, **always** leaning forward, in his slouching way...

КСР 15 чел.; КПП 77 чел.:

...сказал мистер Баркис, наклоняясь вперед / наклонившись вперед / ссутулившись / сгорбившись / который сидел сутуло / сутулясь.

3) ...he ate **at one gulp**...

КСР 0 чел.; КПП 69 чел.:

... он проглотил его / съел его.

4) ...and had **pointedly** alluded to that description of refreshment.

КСР 7 чел.; КПП 79 чел.:

...и делал намек на это угощение.

5) ...**he being**, as I observed in a former chapter, of a phlegmatic temperament, and not at all conversational...

КСР 5 чел.; КПП 63 чел.:

...я уже отмечал в одной из предыдущих глав его флегматичный темперамент / в предыдущей главе уже упоминался его флегматичный и неразговорчивый характер...

6) He made up his mouth as if to whistle, **but he didn't whistle**.

КСР 11 чел.; КПП 44 чел.:

Он скривил лицо как будто для свиста / словно собирался свистнуть.

7) Again he made up his mouth **to whistle, and again he didn't whistle**, but sat looking at the horse's ears.

КСР 8 чел.; КПП 57 чел.:

Он снова состроил гримасу и уставился на уши коня / он снова искривил рот и сидел, рассматривая уши лошади.

8) I offered him a cake as a mark of attention; which he ate at one gulp, exactly like an elephant, **and which made no more impression on his big face than it would have done on an elephant's**.

КСР 9 чел.; КПП 52 чел.:

Я предложил ему пирожное в знак внимания, которое он съел в один присест, точно слон / проглотил в один укус, словно слон.

9) ... said Mr. Barkis, always leaning forward, in his slouching way, on the footboard of the cart **with an arm on each knee**.

КСР 12 чел.; КПР 86 чел.:

...сказал мистер Баркис, наклонившись вперед и ссутулившись...

10) ...and sat so for a considerable time. **By-and-by, he said:**

КСР 8 чел.; КПР 54 чел.:

“No sweethearts, I b’lieve?”

...и просидел так некоторое время.

- Нет никаких возлюбленных?

11) For I thought he wanted something else to eat, and had pointedly alluded **to that description of refreshment**.

КСР 11 чел.; КПР 47 чел.:

Я подумал, что он хочет еще что-нибудь съесть и поэтому делает намеки / подает мне знак / говорит намеками / указывает на это.

Языковая черта ‘ассоциативность’

1) ...and which **made no more impression** on his big face...

1.1) КСР 26 чел.; КПР 0 чел.:

...а его большое лицо **осталось без изменений / никак не изменилось** при этом...

1.2) КСР 21 чел.; КПР 0 чел.:

...он **не был богат на выражения лица**, что делало его еще больше похожим на слона.

2) **No person walks** with her?

2.1) КСР 18 чел.; КПР 0 чел.:

Она **постоянно одна?** / Она **одна все время?**

2.2) КСР 35 чел.; КПР 0 чел.:

У нее нет **любимого человека** / нет ли у нее какого-нибудь **обольстителя** / **дорогого человека** / кого-то **дорогого сердцу** / **друга** / у нее нет никаких **возлюбленных**?

3) ...of a phlegmatic temperament, and **not at all conversational**...

3.1) КСР 33 чел.; КПР 0 чел.:

...и **любой разговор** давался ему с трудом / и **разговоры** давались ему **нелегко** / и **разговаривал неохотно** / с **неохотой**.

3.2) КСР 21 чел.; КПР 0 чел.:

...это была флегматичная натура, из которой **слова клещами не вытянуть** / он был флегматиком по темпераменту и отнюдь **не богат на слова** / и весьма **скуп на слова** / от которого **слова не добьешься**.

4) And **sat so** for a considerable time.

КСР 39 чел.; КПР 0 чел.:

И довольно долго **оставался в таком положении** / **находился в одном и том же положении** / **оставался в том же положении**.

5) For I thought he **wanted something else to eat**...

КСР 53 чел.; КПР 0 чел.:

Я подумал, что он **до сих пор голоден** / **все еще голодный** / мне показалось, что он **так сильно проголодался** / что он **не наелся одним пирожком**...

6) ...and had pointedly **alluded to that description of refreshment**.

6.1) КСР 18 чел.; КПР 0 чел.:

...и просто **ошибся с названием блюда**.

6.2) КСР 26 чел.; КПР 0 чел.:

...намекнул на **продолжение перекуса** / **полдника** / **ланча**.

7) ... as if he **saw something new** there...

КСР 34 чел.; КПР 0 чел.:

... словно **не видел их раньше** / как будто **увидел их впервые** / будто **пытался там что-то разглядеть** / будто **заметил там что-то интересное**...

8) As this was **a great deal** for the carrier (whose name was Mr. Barkis) **to say**...

КСР44 чел.; КПР 0 чел.:

Поскольку извозчик, которого звали мистер Баркис, **не любил много говорить / разговаривал неохотно...**

9) ...I offered him a cake as **a mark of attention...**

КСР 49 чел.; КПП 0 чел.:

...я предложил ему пирожок, чтобы его **разговорить / чтобы как-то его развлечь / оживить / расшевелить / втянуть его в разговор.**

10) Again he made up his mouth to whistle, and again he didn't whistle, but **sat looking at the horse's ears.**

КСР 37 чел.; КПП 0 чел.:

Он снова сложил губы трубочкой, словно хотел свистнуть, но снова не засвистел, а **сидел и считал ворон / а лишь сидел и хлопал глазами / сидел и молчал как рыба / сидел тихо, словно язык проглотил / сидел в недоумении / сидел, не издавая ни звука / а лишь сидел и молчал / сидел и молча о чем-то думал / просто сидел и тарачил глаза / сидел не шелохнувшись.**

Языковая черта 'противоположность'

1) As this was **a great deal** for the carrier (whose name was Mr. Barkis) **to say...**

КСР 63 чел.; КПП 11 чел.:

Поскольку перевозчик много **не говорил / не любил много говорить / сказать все это перевозчику было очень не просто / поскольку извозчик не был охотником до разговоров / не был любителем поговорить...**

2) For I thought he **wanted** something else to eat...

КСР 37 чел.; КПП 5 чел.:

Я подумал, что он **не отказался бы еще поесть / не откажется съесть что-нибудь еще / был не прочь поесть еще / что он не наелся...**

3) ...he being, as I observed in a former chapter, of a phlegmatic temperament, and **not at all conversational...**

КСР 32 чел.; КПП 7 чел.:

...он обладал, как я упомянул в предыдущей главе, спокойным нравом и был **молчалив / сдержан / молчаливый / скуп на слова / очень сдержанный / и был довольно угрюм / был малообщительный / любой разговор давался с трудом.**

4) ...which made **no more impression** on his big face than it would have done on an elephant's...

КСР 46 чел.; КПП 12 чел.:

...а его широкое лицо осталось таким же **равнодушным / безучастным / невозмутимым / спокойным / безмятежным / бесстрастным / его большое лицо осталось без изменений...**

5) He made up his mouth as if to whistle, but he **didn't whistle.**

КСР 17 чел.; КПП 0 чел.;

Он сложил губы, словно хотел присвистнуть, но **раздумал свистеть / передумал.**

6) "Hearts," said Mr. Barkis. "Sweethearts; **no person walks** with her?"

КСР 54 чел.; КПП 9 чел.:

"Дружков," – повторил мистер Баркис. "Воздыхателей, что **ходят вокруг нее.**" / За ней **кто-нибудь ухаживает?** / У нее **есть кто-нибудь?** / Она **одна все время?** / Она с кем-нибудь **ходит гулять?** / А с ней **кто-нибудь общается?** / Есть ли кто-нибудь, кто **вертится вокруг нее?**

Языковая черта 'рекомбинация'

1) As this was a great deal for the carrier (whose name was Mr. Barkis) to say - he being, as I observed in a former chapter, of a phlegmatic temperament, and not at all conversational - I offered him a cake as a mark of attention; which he ate at one gulp, exactly like an elephant, and which made no more impression on his big face than it would have done on an elephant's.

КСР 42 чел.; КПП 0 чел.:

Я заметил ранее, что перевозчик (имя которого было мистер Баркис) был неразговорчивым и флегматичным, и любой разговор давался ему с

трудом. **В знак внимания я предложил** ему пирожное, которое он проглотил за раз, как слон, при этом его большое лицо осталось таким же невозмутимым, каким было бы и у слона. /

Сказать все это оказалось слишком сложно для извозчика, которого звали мистер Баркис, так как он, как я уже заметил в предыдущей главе, имел флегматичный темперамент и был совсем не разговорчив. **Я предложил ему лепешку** в знак внимания, которую он проглотил сразу целиком, точно слон, и которая впечатлила его не больше, чем впечатлила бы слона. /

Поскольку перевозчику (которого звали мистер Баркис) было непросто все это сказать – он был, как я уже отметил в предыдущей главе, флегматик по темпераменту и весьма сдержан – я предложил ему пирожное, чтобы как-то его разговорить. **Он съел его** в один укус, точно слон, и его толстое лицо, словно слоновье, осталось таким же равнодушным, каким было бы в подобной ситуации и у слона.

Выговорить все это было уже немало для извозчика (которого звали мистер Баркис). **Он был, как я описывал в прошлой главе,** флегматиком по темпераменту и совсем не разговорчив, поэтому я решил предложить ему пирожное в знак внимания. **Он проглотил его сразу,** не жуя, прямо как слон, а на его большом лице не отразилось ни одной эмоции, как не отразилось бы и у слона. /

Этих слов и так было слишком много для погонщика (по имени мистер Баркис), который был, как я заметил в предыдущей главе, флегматичным и не очень разговорчивым. **Я предложил ему пирожное** в знак внимания, и он проглотил его за раз, точь-в-точь как слон. **Оно не произвело** на его круглое лицо никакого впечатления, как не произвело бы и на слона.

Сказать все это было уже немало для извозчика (которого звали мистер Баркис). **Как я уже упоминал ранее,** этот человек отличался своей флегматичностью и крайней необщительностью. **В знак внимания я предложил ему торт**ик, который он проглотил в один присест. **В этот момент**

он напомнил мне слона. **Впрочем**, выражение его лица не сильно отличалось от слоновьего.

2) He made up his mouth as if to whistle, but he didn't whistle. He sat looking at the horse's ears, as if he saw something new there, and sat so for a considerable time.

КСР 39 чел.; КПР 0 чел.:

Он вытянул губы, будто собирался свистнуть, но не свистнул, а лишь сидел и рассматривал лошадиные уши, словно разглядел в них что-то новое.

Так просидел он довольно долго. /

Он сложил губы, словно хотел присвистнуть, но передумал свистеть, а сидел и смотрел на уши лошади, точно это было для него в новинку. **Сидел он так достаточно долго.**

3) He sat looking at the horse's ears, as if he saw something new there, and sat so for a considerable time. By-and-by, he said...

КСР 33 чел.; КПР 0 чел.:

Он сидел и смотрел на лошадиные уши, как будто увидел там что-то новое. **Сидел в таком положении он довольно долго.** Мало-помалу он выдал... /

Он сидел, рассматривая уши лошади, как будто увидел что-то новое. **Он оставался в таком положении очень долго, а затем спросил...** /

Он сидел, глядя на уши лошади так, будто видел их впервые. **Просидел он так довольно долго и, наконец, сказал...** /

Он сидел и смотрел лошадиные уши так, будто увидел там что-то новое. **Просидев так довольно долго, он спросил...**

Языковая черта 'прагматичность'

1) "That's about it," said the carrier. "And there I shall take you to **the stage-cutch**, and the stage-cutch **that'll take you to - wherever it is**".

КСР 17 чел.; КПР 0 чел.:

-Да, вроде того, - ответил извозчик. - Я довезу тебя до поштовой кареты (почтовой кореты / дегежанса / диньлижанса), а там уж ты доберешься ... куда ты там едешь. /

КСР 18 чел.; КПР 0 чел.:

“Что-то вроде этого”, - ответил извозчик. – “**Тута** я доставлю тебя до дилижанса, а **тама** уже ты доберешься, где бы оно ни находилось.” / Я довезу вас до почтовой повозки, а **оттудова** уж вы доберетесь туда, куда вам следует / а там уж вы поедете туда ... **незнамо** куда.../

КСР 82 чел.; КПР 0 чел.:

Я отвезу тебя к дилижансу, а там уж ты доберешься туда – **где бы это ни было** / туда ... **куда-нибудь** / а дилижанс доставит вас к ... **к чему бы то ни было** / отвезет тебя туда ... **что бы это ни было** / доставит туда... **не знаю куда** / привезет вас туда ... **куда понадобится** ... / доставит вас туда ... **а куда угодно** / а там уже вы доберетесь ... **куда бы то ни было** / туда, где ... **это самое** / а карета отвезет вас туда, где ... **того ... оно** / а там уж доедете ... **где там это находится** / отвезет тебя ... **это ... туда** / я довезу тебя до почтовой кареты, а на ней ты доедешь ... **ну, куда ты там едешь.**

2) "Did she make 'em, now?" said Mr. Barkis...

"Peggotty, do you mean, sir?"

"Ah!" said Mr. Barkis. "Her."

2.1) КСР 54 чел.; КПР 0 чел.:

Это она **стряпала** пироги? / **состряпала** / **сварганила** / **сготовила**? / **Енто** она **пирожок-то сготовила**? / **Пирожки-то** она **спекла**? / **А** пирожок этот она **состряпала**? / **А** пирожки эти она **пекла**? / **А** это она готовила **пирожные**? / **А** **пирожок-то** она **сготовила**?

2.2) КСР 26 чел.; КПР 0 чел.:

- Вы имеете в виду Пеготти, сэр?

- Ага, - ответил мистер Баркис. – **Ейная**. / Ах, - сказал мистер Баркис. – **Ей**. / Угу! – промычал мистер Баркис. – Да, да, я про **ейные** пирожные. / А как **жеть**? Она-она. / Её, **любезную**, её. / Её, её, **родимую**.

3) "Do she though?" said Mr. Barkis.

КСР 44 чел.; КПП 0 чел.:

Да ну? / Правдыть? / Неужто? / Ужель? / То бишь, она? / Так она о-го-го какая! / Ух ты, какая она! / Ого! А вы не обманываете меня? / Какова хозяйка, ты только подумай! / Вот это я понимаю – хозяйка! / Вот это да – настоящая хозяйка!

4) "So she makes," said Mr. Barkis, after a long interval of reflection, "all the apple parsties, and doos all the cooking..."

КСР 84 чел. (из них 56 КСР – двукратное употребление); КПП 13 чел.:

Так значит, это она готовит ... и занимается всей стряпней / так это она кухарит и делает всю выпечку / занимается всей готовкой / заправляет всем на кухне / она кухарит... готовит все эти яблочные ватрушки и другую стряпню / делает все яблочные вкусности / она выполняет всю готовку / готовит всю эту яблочную и прочую стряпню / она целыми днями только и делает, что готовит яблочные пирожки / готовит все эти кушанья / значит, она стряпает все эти яблочные штуки и постоянно готовит / так это она делает все яблочные пироги да все готовает / она готовит яблочные пироги и вообще кашеварит / она готовит все яблочные пироги и стряпает все, что полагается (стряпает все блюда) / так значит, вся эта яблочная петрушка и вся эта готовка на ней, не так ли? / так это она готовит все яблочные пирожки и полностью все готовит? / получается, она готовит всю выпечку с яблоками и вообще готовит всю еду, не так ли? / так это она печет всю выпечку с яблоками и все готовит? / значит, она... значит, она готовит все эти яблочные пирожки и вообще все готовит? / итак, она готовит... и вся эта яблочная выпечка, и всю еду делает она, так? / значит, она печеть яблочные пирожки и кашеварит, да? / так она это...сготовимши все эти яблочные пирожки и прочую стряпню, так?

5) No person walks with her?

КСР 8 чел.; КПП 0 чел.:

Никто за ней не **ухлестывает** / есть ли кто-нибудь, кто **вертится** вокруг нее?
 / Неужели до сих пор за ней никто не **приударил!**? / Она ни с кем не
хороводится / не **якшается** / не **дружится!**? / Кто-нибудь **захаживает** к ней? /
 Никто ее не **обхаживает**?

6) "With Peggotty?"

"Ah!" he said. "Her."

КСР 10 чел.; КПП 0 чел.:

С Пеготти? – **Ну конечно, с кем же еще?! /**

Вы о Пеготти? – **Ну конечно, о ком еще-то! / Так о ком же еще! /**

Вы про Пеготти? – **Ну да, про кого ж еще-то! / А про кого ж? / А как жеть!**

Про нее.

Языковая черта 'юмористичность'

"No **sweethearts**, I believe?"

"**Sweetmeats** did you say, Mr. Barkis?"

КСР 79 чел.; КПП 6 чел.:

1) - Я так понимаю, никаких **кавалеров**?

- Вы сказали «**эклеров**», мистер Баркис?

2) - Никаких **дружков**, я надеюсь?

- Вы имели в виду **рожок**, мистер Баркис?

3) - Никаких **голубчиков**, надеюсь?

- Вы хотели сказать «**супчик**»?

4) - Никаких **поклонников**?

- Вы сказали **сметанников**, мистер Баркис?

5) - Я надеюсь, никаких **дружков**?

- Вы сказали «**пирожков**», мистер Баркис?

6) - А есть ли у нее **любимчики**?

- Вы сказали «**блинчики**», мистер Баркис?

7) - Нет **возлюбленного**, я полагаю?

- Вы сказали **сдобленного**, мистер Баркис?

- 8) - Никаких **парней**, я полагаю?
- Вы сказали **сластей**?
- 9) - Никаких **любовей**, я полагаю?
- Вы хотели сказать **морковей**, мистер Баркис?
- 10) - А нет ли у нее **любимого человечка**?
- Вы сказали «**сладких сердечек**»?
- 11) - А у нее есть **воздыхатели сердец**?
- Вы сказали «**сладкий леденец**»?
- 12) - А есть ли у нее предмет **любви**?
- Вы сказали «**пирог**»?
- 13) – А есть ли у нее **душечка**?
- Вы сказали «**ватрушечка**»?
- 14) – Я полагаю, ни с кем не **встречается**?
- Мистер Баркис, вы сказали «**ветчина**»?
- 15) - А есть у нее **кавалеры**?
- Вы сказали **карамель**, мистер Баркис?
- 16) - **Любимого** нет, я полагаю?
- **Лимонного** пирога, говорите, мистер Баркис?
- 17) - Нет ли у нее **возлюбленного**?
- Вы сказали «**вкусненького**»?
- 18) - У нее нет **возлюбленного**?
- **Клюквенного**, вы сказали?
- 19) - А есть ли у нее **милёнок**?
- Вы сказали «**цыпленок**», мистер Баркис?
- 20) - Есть ли у нее **милый сердцу**?
- А вы хотели **с перцем**?
- 21) - И никаких **любовных линий**?
- **Любимых лилий**, вы сказали, мистер Баркис?
- 22) - Никакого **дорогого**, я полагаю?
- Вы сказали «**дорого**», мистер Баркис?

- 23) - Никаких **голубчиков**, я надеюсь?
 - Вы имеете в виду **голубцы**, мистер Баркис?
- 24) - А **голубок** есть?
 - **Голубцы**, вы имели в виду, мистер Баркис?
- 25) - Никого **любимого**, я полагаю?
 - Вы сказали «**любительской**»?
- 26) - Никаких **сладкосердечных**?
 - Вы имели в виду **сладенького**?
- 27) - Без **сладкой парочки**, я надеюсь?
 - Вы хотели сказать «**сладости**»?
- 28) - Есть ли у нее **сладкий сердцу**?
 - Вы спрашиваете про **сладкое**?
- 29) - Она кого-нибудь **любит**?
 - Вы спрашиваете, **любит** ли она печь?
- 30) - А **любимый** у нее есть?
 - Вы сказали «**любимое блюдо**»?
- 31) - У нее нет **пары**?
 - Вы имеете в виду **пару кексов / парочку пирожных**?
- 32) - Нет ли у нее **дорогого сердцу**?
 - **Дорогого угощения**?
- 33) - А **любимый** есть?
 - **Любите сладкое**, говорите?
- 34) - Никого **дорогого**, верно?
 - Вы имели в виду **изысканную пищу / дорогую закуску**?

Языковая черта ‘буквальность’

- 1) “No **sweethearts**, I believe?”
 “**Sweetmeats** did you say, Mr. Barkis?”
 “**Hearts**,” said Mr. Barkis.

КСР 5 чел.; КПП 91 чел.:

- Нет **возлюбленных** / без **ухажеров** / нет **кавалеров**, я полагаю?
- Вы сказали «**сладости**» / «**конфеты**», мистер Баркис?
- **Сердца** / **Любовь** / **Возлюбленные** / **Ухажеры!** – сказал мистер Баркис.

2) ...I shall take you to the **stage-cutch**...

КСР 49 чел.; КПП 97 чел.:

Я доставлю тебя к **дилижансу** / **карете** / на **перевозочное средство** / довезу до **почтовой кареты** / **повозки** / **общественной повозки** / **общественной коляски** / **общественного транспорта** / **телеги** / **брички**.

3) Did she make **'em**, now?

КСР 4 чел.; КПП 97 чел.:

Это она их **сделала** / **приготовила**?

4) **Do she** though?

КСР 40 чел.; КПП 97 чел.:

Неужели она? / **В самом деле?** / **Правда?**

5) So she makes...all the apple **parsties**,

КСР 0 чел.; КПП 84 чел.:

Так значит, это она...делает яблочные пироги и все остальное? / Так значит...она делает выпечку из яблок и готовит всю остальную еду, так?

6) and **doos** all the cooking,

КСР 28 чел.; КПП 0 чел.:

Она готовит яблочные пироги и всю остальную еду, так?

7) **do she**?

КСР 0 чел.; КПП 0 чел.

8) ...and the stage-cutch **that**'ll take you **to** – **wherever it is**.

КСР 2 чел.; КПП 97 чел.:

...а дилижанс доставит вас туда, куда потребуется / отвезет вас куда захотите / отвезет тебя в любое место, куда захочешь / в любое место, какое пожелаешь / куда скажете / куда будет нужно / куда заблагорассудится / отправит тебя куда угодно / куда бы тебе ни потребовалось / куда вам нужно.